

ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Дата сохранения 13 11 21

Сказка на ночь в вопросах и ответах

Перед сном детям рассказывают светлую и поучительную историю. Пусть крошка беззаботно отдыхает и радостно встретит завтрашний день. Моя книга задумана именно для этого и адресована всем детям человеческим везде и всегда.

Содержание

ДОМ	1
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	1
Сказка на ночь в вопросах и ответах	1
ЧАСТЬ I	6
ЖИЗНЬ	6
Откровения хвори.....	6
Потребности.....	9
Необходимость	11
Влечения	13
Поехали	14
ЧАСТЬ II	17
ЖИВОЕ И НЕЖИВОЕ	17
Искра жизни.....	17
Генезис	18
Возможности.....	18
Мышление.....	19
Рецептор-Стимул-Восприятие	20
ЧАСТЬ III	21
О ГЕНАХ	21
Что рулит.....	23
Гены и книги.....	26
ЧАСТЬ IV	31
ЭВОЛЮЦИЯ	31
Эго и эрос	31
Дивергенция	31
Взаимосвязь	31
Общее и своё.....	32
Взаимность.....	33
РЕВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООПЛОДОТВОРЕНИЯ	34
Гармония и диссонанс.....	34
Оплодотворение	35
Клональное размножение	35
Простое оплодотворение	35
Синхронизированное зачатие.....	36
Пол.....	36
Созидательный прорыв.....	37
A posteriori вместо a priori - лучше знать, чем ломиться.....	37
Преемственность	37
Изобилие созидания	38
Полеты вместо изнеможения.....	39
Жажда вечности.....	39
Гармонизация многоголосья.....	40

Венец творения	41
ЧАСТЬ V	41
ДУМЫ И МЕТАНИЯ	41
Заблуждения	42
Злоключения	43
Да не так!	43
Логика ерунды	44
Каждому своё	45
СОЗНАНИЕ	46
ЧАСТЬ VI	47
По-людски, уж очень по-людски	47
Умение уметь	47
Правильное и признанное	47
Измы	48
Начала	48
Элиты как картошка, лучшее всегда под землей	49
Власть	50
А что так можно?	51
Жизнь в других	52
Контроль	54
Слово - дело	54
Пчелы труженики	55
Костры ереси	55
Об обращении с мнениями	56
Терпимость	56
Много врагов, много чести!	57
ЧАСТЬ VII	57
СМЫСЛ	57
Культура чувств	58
Анатомия влечений	59
Задаток	60
Алчность	62
Искушения	63
Страсть	63
Страсть —	64
Порыв и исступление	64
Экстаз	64
Обуздание	65
Символы	65
Пауза	65
Подвижность	66
Сон	67
Воплощение смысла	68

ЧАСТЬ VIII.....	69
НЕЕ-ОБХОДИМОЕ	69
Зависть.....	69
Гнев.....	69
Злорадство.....	70
Обида.....	70
Мечь.....	70
Нетерпение.....	70
Грех.....	70
Глупость.....	70
Главное обойти,.....	71
Тщеславие.....	71
Одиночество.....	72
Величие.....	72
Важность.....	73
ЧАСТЬ IX.....	74
МУДРОСТЬ.....	74
Прекрасное и не совсем.....	74
Это сладкое слово «свобода».....	75
Доброе и доброта.....	75
Наши.....	75
Страх наш насущный.....	76
Оцепенение.....	77
Паника.....	77
Бегство –.....	77
Счастливый конец.....	77
Жуть.....	77
Жестокость.....	77
Самообман.....	77
Трепет.....	78
Противоядия страху.....	78
Смелость.....	78
Хладнокровие.....	78
Неосмотрительность.....	78
Правда обмана.....	78
Иллюзии отрешения.....	79
Надежда и безысходность.....	79
Возможности непредвидимого.....	80
Смерть в жизни.....	80
Старение.....	81
ЧАСТЬ X.....	82
ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	82
Истоки.....	82
Память.....	82

Геном	82
Культура.....	83
СОЗНАНИЕ	83
Доступность –	84
Пробуждение	85
Скрепя взаимности	85
Самосохранение-	86
Общность жизни.....	87
Единоначалие.....	87
Насилие	88
Творчество	88
Ответственность	88
Советы –	89
Легитимность –.....	89
НЕ ТО	90
Взять и постановить!.....	90
Война дворцам	91
ОСНОВНОЙ ЗАКОН.....	92
ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	93
Утверждение	93
Поддержка всего живого.....	93
Совершенствование -	93
Взаимность.....	94
Созидание.....	95
Самостоятельность.....	95
Свобода	96
ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	96
ЛЮДИ БУДУЩЕГО	96
Звезда пленительного счастья	97

ЧАСТЬ I

ЖИЗНЬ

Жизнь довольно проста, а вот просто жить – трудно.

Всё когда ни будь пресыщает, и только жизни всегда мало. Хочется всё испробовать, не влачить, а наслаждаться, лелеять и приумножить отпущенное. Но с чего начать, где искать, как сохранять, да и что ценить в этой самой жизни?

В погоне за полнотой жизни одни жаждут денег, искусства, недвижимости, другие - сколачивают армады подневольных рабочих, служащих, солдат. Накопленное чрезмерно разбухает к огорчению большинства, осыпая «благами» одних, обделяя других, разверзая пропасти между людьми, народами и расами.

А итог? Что даёт обладание всем этим владельцу?

Есть справедливость, неподвластная неравенству и произволу. Она выше всякого судилища. Её нельзя подкупить, принудить или обвести. Сколько стоит ясный взгляд, ласкающее тепло лучезарного солнца, чарующий аромат луговых цветов, свободное дыхание, освежающая мысль? Эти дары доступны всем, и в то же время их не найти в продаже.

Жизнь – величайшее благо, дарованное нам рождением. Каждому даются её сокровища просто так. Что мы знаем о богатстве, присущем нам? Удивительно мало. Как мы им пользуемся? Расточительно и бездумно, как муха, жужжащая по комнате, чтобы, как пришла, исчезнуть, кто знает где. Реноме, власть и богатство, как бы высокомерно они не рядились, могут придать телу максимум искусственный задний проход, стеклянный глаз и другие, пусть и дорогостоящие, но не живые довески. Ни деньги, ни власть не совершенствуют тело.

Болезни вырывают признание, что дары жизни совсем не должное. Люди, прикованные к постели, волей-неволей задумываются о былом, о смысле прежних стремлений и спешки, оглядываются и спрашивают – и это всё? Часто для ответа нет времени. Но даже этот зависший вопрос ценен.

Откровения хвори

Отче, Отче, почему ты меня оставил?!

На приёме пациенты жалуются как бы на несуразности тела; горько и с упрёком спрашивают, почему то или иное больше не получается, почему там или здесь болит; как долго это ещё будет тянуться. Их досаду можно понять. С рождения мы получаем свои способности, не заботясь об их приобретении или сохранении. Они, буквально, навязываются нам. Мы прислушиваемся к нашим влечениям, а взамен получаем опыт и новые навыки. Жизнь обретает краски. Если чего-то не хватает, то те же самые влечения подсказывают, что нам делать, а что избегать, чтобы вновь обрести вкус жизни. Для этого нужно всего-то: заботиться о себе, искать удовольствий и избегать неприятностей; всё остальное сложится само собой.

Но вот беда, только мы свикнемся с этим руководством, как правила уже меняются. Из бескорыстного покровителя и мудрого советника тело превращается в безвольную

тряпку и предателя, на которого всё меньше можно полагаться. Внешность обезображивается. Подбородок, живот и бёдра заплывают жиром. Мышцы становятся дряблыми. Кожа морщится и обвисает. Дыхание заклинивает. Да и весь мир вокруг нас портится и разлагается. Привычное отталкивает. То, что прежде крепило, изнуряет. Вкус еще недавно любимых блюд и напитков не узнаваем, пресен и горек. На смену радостям гурманства являются непрошенными тяжесть в желудке, тошнота и боли. Игры выматывают, соблазны отупляют. Ночной сон где-то слоняется и не приходит, бросив нас с дневными заботами вместо того, чтобы прогнать тяготы и освежить думы. Но и после мучительных потуг заснуть и выспаться, после долгожданного сна, спасительного пробуждения нет. Наоборот, голова гудит, мысли мечутся, восприятие с трудом ориентируется в кажущейся чуждой среде. Суставы словно из дерева, руки и ноги налиты свинцом, всё приходится преодолевать...

Откуда эти напасти? Вы вроде не сделали ничего не верного, по крайней мере, намеренно. Чутко прислушивались к тому, что подсказывало ваше тело и ублажали его по мере сил. Конечно, временами много трудились, чрезмерно утомлялись, во многом себе отказывали, но ведь все это, чтобы позже иметь еще больше. Если вы раньше и лишали тело чего-то важного, то теперь, будучи наверху, готовы все изменить, дать недостающее, погасить долги, оплатить старые счета. Назовите причину и средство. Цена не играет роли. Все будет пущено в ход.

Если бы всё было так просто! Если бы где-то имелось достаточно средств!

Медицина открыла много удивительного: механизмы инфекций, воспаления, опухолей, нарушений обмена веществ, расшифровала структуры белков, полисахаридов, ферментов, ну и, конечно, генов. Детали освещены в тысячах книг. Никому не дано всё прочитать, а тем более усвоить. Кажется, с таким багажом нам стало подвластным непомерно много. К сожалению, нет. Все накопленное медициной – это лишь масляное пятно над поверхностью океана разнообразных проявлений жизни. А что с неизведанным? Где ключи к болезням и процессам, для которых в наших представлениях нет даже зацепок?

Все это относят к «не медицинской сфере». Это не к нам, как минимум, не ко мне. Звучит честно. Ведь врачи берут деньги, а за не оказанную помощь не должны выставлять непомерные цены. Но это не честность, врач просто уклоняется от ответственности, прикрывая свое невежество по теме. Термины «не медицинский», «чисто психический», «аутоиммунный» или «генетический» - оттенки одной и той же отмазки и означают «сам виноват, медицина здесь не причём, в тебе что-то не так». Те, к кому это относится, редко смиряются с квазинаучными отговорками. В отличие от заверений учёных светил, они-то знают: их жалобы настоящие и пришли откуда-то. Значит, должна быть и «настоящая» причина их возникновения. Если её понять, то можно остановить или даже обратить болезнь вспять.

В поисках первопричин больные меняют врачей, не гнушаются целителей, шаманов, парапсихологов, паломничают к святыням и предаются мистике. Вдруг где-то падает диагноз. Обоснования и смысл не важны, главное - внушительное название. Пустышка успокаивает и приносит облегчение. Опровержения, сомнения не желательны. Нет ничего более неблагодарного, чем объяснять больному беспочвенность «спасительных» химер.

Откуда эти потуги псевдо-интерпретаций, ничего не меняющие и ни к чему не ведущие? К чему этот зуд безнадежности, только усугубляющий проблемы и прожигающий куцые толики оставшейся жизни? Может дело в вопросах вины? Возможно.

С детства нас уверяют: невиновного не должно наказывать. Кто наследил, пусть и

убирает. Меня вообще здесь не было, я и пальцем не пошевелю. Диагноз как бы озвучивает вопрос вины. Раз я ни причём, не нужно перекраивать жизнь или отказываться от привычек. Сомнения закрыты, можно расслабиться и дрейфовать, куда бы течение не вело.

Выяснение вины может быть в помощь в детском саду, школе, перед лицом администрации или избирателей. Болезням наплевать на заверения.

Так почему же органы отказывают без видимой причины даже тогда, когда мы исполняем все желания тела?

Ответ не прост уже потому, что вопрос с подвохом. Его постановка подспудно внушает, что здоровье и жизнерадостность – само собой разумеющиеся вещи, а их утрата противоестественна и экстраординарна. На самом деле всё наоборот. Всё когда-нибудь рушится. Не отрицание, а жизнедеятельность требует объяснения.

Как возникает; на чём зиждется; в чём заключается; куда движется; как сохраняется жизнь? Такая постановка вопросов раскрывает истинную трудность задачи. Знаем ли мы источники жизненной силы? Понимаем ли мы жизнь? Можем ли мы управлять простейшими жизненными процессами? Знаем ли мы, как отдельные клетки возводят наше тело, тесно взаимодействуя друг с другом? Как гусеница становится бабочкой, а семя – деревом?

Я не знаю, впрочем, никто не знает ответов! Мы только начинаем догадываться о принципах организации жизни. Ничто в ней не является само собой разумеющимся; ничего, даже самого малого, мы не в состоянии воссоздать. Жизнь – это чудо, пред которым я полон восторга, трепета и благодарности. Она даруется нам без того, чтобы мы для этого что-либо делали.

Но неужели надо так глубоко зарываться в детали? Пациента интересуют не молекулы и утонченность жизни, а простота, с которой жилось до сих пор. Встать и пойти, протянуть руку и взять, открыть глаза и увидеть, задуматься и вспомнить или принять решение. Верните что было и не более. Разве это так много?

Как наивно!

Да, жизнь порой безмятежна. Однако это не данность, а тяжело заработанное достижение. Сама по себе жизнь не легка и совсем не проста, её сделали для нас простой и лёгкой. Усилия и предпосылки, необходимые для этого, огромны, мы не совершаем и не контролируем их. Наше тело принадлежит не нам, а эволюции! Запись в паспорте вводит в заблуждение. Мы намного старше, чем указанная там цифра. Жизнь возникла пять миллиардов лет назад. Всё живое, существующее сегодня, является потомком этих первобытных времен. Именно тогда мы родились чтобы жить сегодня. 5 миллиардов лет - фактический возраст каждого. Ни один переход в непрерывной череде поколений нельзя выпустить. Один перерыв - и нас сегодня не было бы. Индивидууму только кажется, что жизнь начинается вместе с ним, на нем замыкается и заканчивается. Хотя мы воспринимаем события личной судьбы как уникальные, они не новы для ветви, от которой мы тянемся. Наши предки действовали в аналогичных обстоятельствах до нас, борясь с невгодами, штурмуя препятствия, то побеждая, то проигрывая, но непрерывно двигаясь вперед. В нас переплетается опыт их побед и поражений. Наше тело - это кладезь их успешных решений, переданная нам и позволяющая построить мыслящий многоклеточный организм всего-то из цепочки ДНК, воды, света и минералов. По мере взросления мы полагаемся на долгую историю былых достижений и с легкостью штурмуем препятствия, которые когда-то уже осаждали и покорили наши предки. Чем моложе организм, тем древнее и многообразнее опыт индивидуального развития, приходящего на помощь, чего только не происходило в эволюции с тех пор, и тем реже тревожит непредвиденное ход роста и развития. Откуда ему взяться! Да, зарождающийся

организм слаб и незащищен. Оплодотворенная яйцеклетка и эмбрион не в силах за себя постоять; вроде, делай с ними что хочешь, навязывай любой исход, любые аномалии развития. А, нет! Что бы и где бы ни происходило - ни особенности диеты, ни экстремальные внешние условия не сбивают эмбрион с проторенного пути развития, вплоть до отпечатков пальцев. Несмотря на быстрый рост и сумбурный обмен миллиардов клеток, отклонения в эмбриогенезе встречаются редко. Только когда наука изобрела вещества, небывалые в эволюции и потому незнакомые для живущего мутации и аномалии развития стали обычным явлением. Яркие примеры этого - радиоактивное излучение (вне природного диапазона) и талидомид. Реклама уверяла, что успокаивающее (талидомид) менее опасно, чем стакан молока на ночь, и особенно рекомендовала его беременным для укрепления сна. Препарат и впрямь не вредил взрослым, но вызывал ужасные аномалии развития, отсутствие рук и ног у новорожденных. Без таких вне-эволюционных вмешательств эмбриогенез непоколебим. После множества впечатляющих преобразований из одной единственной клетки формируется младенец, который растет и развивается. С каждым завершённым этапом созревания беззаботность и легкость роста уменьшаются, но при этом они сохраняются в изобилии у ребенка и подростка. Множество проблем, которые наш вид преодолевал и решал в прошлом, объясняют, почему мы в самом начале успешно и легко справляемся с самыми трудными задачами. Мы поднимаемся, встаем, бегаем, учимся, беремся за что-нибудь, как будто только этого ждали. Мы мимоходом изучаем язык, даже не зная, как это происходит, сложные навыки приобретаются играючи и без особых усилий. Вряд ли найдется событие, которое удивит растущее тело, вряд ли найдется вредоносный фактор, от которого нет противоядия. После рождения руководство развитием перенимают чувства, помогая нам оценивать возможности и превратности. События, которые были хороши в эволюции, окрыляют при повторной встрече, то, что было критичным, настораживает и отталкивает. Мы не задумываясь следуем эволюционным подсказкам расцветая от успеха к успеху. Молодость полна радостей.

Время безоблачного развития в рамках многократно проверенного – именно то, что люди считают здоровьем. Они смешивают надежность, которой пронизано испытанное, с чем-то само собой разумеющимся и считают успех своим бессрочным правом: ведь то, что было возможно до сих пор, должно продолжаться и дальше. Когда возникают проблемы, они идут к врачу и требуют, чтобы тот вернул им былую лёгкость, освежил и восполнил иссякающие силы. Они просят невозможного, да и обращаются не по адресу.

Когда болезненный фактор блокирует развитие, как то вирус, бактерия, недостаток веществ, рана или деформация, а врач распознает и устраняет эти препятствия, кажется, что он может управлять и даже дарить жизнь. Но это не так. Врач ничего не дарит. Он убирает подводные камни с пути телесного развития и облегчает дальнейшую, ему увы, неподвластную жизнь. Жизнь не продукт обстоятельств, внешних вмешательств, случайностей или мутаций, она обтекает их. Жизнь формируется и совершенствуется; благодаря собственным стремлениям и целям. То же относится и к каждому отдельному человеку.

Куда люди стремятся? Что ими движет? Задумываются ли они над этим? Не очень. Главенствуют позывы. Если тело говорит - это хорошо, то люди к этому стремятся. То, что тело отвергает люди избегают. Иначе говоря, люди следуют своим потребностям.

Потребности

В 19-м веке потребности внезапно стали важными. Счастье, свобода, совесть, Бог, разум

– всё это было вчера, страшно запутанно и бесполезно для охвата и планирования. Потребности описывали темные и светлые стороны человеческих поступков ясно и убедительно, их можно было выразить в числах и учесть статистически. Вроде, всё стало научно обоснованно, как законы планетарного тяготения. Но единодушия не выходило. Наоборот, на предложение «От каждого по способностям, каждому по потребностям» мир раскололся на два непримиримых лагеря, сражающихся друг с другом вплоть до уничтожения.

В то время как капитализм демонстративно опирался на эгоизм с неограниченными в алчности потребностями, коммунизм требовал от людей общинной солидарности с уровнем потребностей «как должно». В зависимости от трактовок, требования и правила отдачи по способностям тоже сильно различались. Единственное, что объединяло капитализм и коммунизм - это уровень амбиций. Обе системы соревновались за максимальное вовлечение людей в производство. Человечество выиграло от соперничества. Стремление к удовлетворению потребностей высвободило невероятные силы. Выросли мегаполисы, землю окутали проезжие дороги, водные и воздушные пути; горы поменяли места со впадинами; небо, а потом и космос стали достигаемы. Успехи и ожидания непрерывно росли. Научно-фантастические романы 19-го и 20-го веков отражают впечатления от этого времени. Я вырос в этом оптимизме и не сомневался в нём. Казалось, что нет больше невозможного, всё можно решить. Человеку действительно удалось удовлетворить все биологические потребности всего за несколько десятилетий. Но вышло не так, как ожидалось; а произошло то, на что никто не рассчитывал.

Когда все физические желания стали выполнимы, оказалось, что каждый шаг к их дальнейшему улаживанию вместо продвижения и укрепления ведёт к обратному. Взлет здравоохранения 19-го и 20-го веков, достигнув пика, застыл. Успехи в области здоровья к концу 20 и особенно с начала 21 стали труднореализуемыми, дорогими, а результаты ничтожными по сравнению с затраченными усилиями. Изменился облик человечества. На смену напористой атлетичности выдвинулись ожирение, депрессия, жировой гепатоз, Альцгеймер и другие, так называемые «болезни цивилизации». Средняя и максимальная продолжительность жизни человека колеблются, а местами существенно падают. В опасности IQ. США явно впереди всей планеты, за ними тянутся остальные. Даже там, где величины устойчивы, содержание жизни сжимается. В 23 года я был дипломированным врачом и папой. В этом возрасте приоритетом для моего поколения были постоянная работа, собственное место жительства и семья. Синдром выгорания ещё не был открыт. Люди жаловались на заниженные требования и ответственность. Независимая профессиональная жизнь начинается сегодня примерно в 35 лет, как и семейная жизнь (в случае, если она вообще имеет место). Период подготовки вырос, устойчивость к нагрузкам упала по сравнению с 50-80ми годами 20-го века. При неизменной средней продолжительности жизни люди стареют, не успевают пожить.

Мое поколение мечтало о полётах в макро и микрокосмос. Сегодня такие профессии, как физики, техники или инженеры не популярны. Светлые грёзы прогресса сменила мистическая фэнтэзи с мрачными образами средневековья. Я вымахал выше двух метров, но в детском саду, школе и в институте многие одноклассники и сокурсники были выше меня. Акселерация бросалась в глаза, когда учащиеся в актовом зале выстраивались по возрасту рядом с учителями коротышками. Видя это, я серьёзно думал, что в будущем и мой рост станет средним. Вышло иначе. Люди стали не выше, а толще и неуклюжее. Что пошло не так?

Лучше всего это можно описать как потерю ориентиров. При этом виноваты не

политико-экономические теории и их реализация, а сущность самих потребностей. Основатели политэкономии не заботились о том, что такое потребности. Потребности были чем-то само собой разумеющимся, не требующим дальнейших обоснований. Однако так это со всем, что является естественным и само собой разумеющимся. Небо и земля встречаются на горизонте видимого земного диска; солнце восходит на краю земли и блуждает по небесному куполу; тяжёлые вещи падают, лёгкие предметы поднимаются и парят. Естественными и само собой разумеющимися являются обстоятельства, значение которых очевидно, точная интерпретация которых не требуется в настоящий момент, а поэтому проверке не подлежит. Ситуация меняется, как только вы непосредственно займетесь само собой разумеющимся. Как добраться до края земного диска? Что поддерживает небесный купол? Как облегчить тяжёлые вещи настолько, чтобы они плавали, парили или даже поднимались? Очевидность тут же рушится, приходится переосмыслить истинное значение обычных явлений.

Итак, чем являются потребности и к чему они?

Потребности – это мечта неисполнимого. В дикой природе они представляют дополнительные факторы роста, которыми нельзя длительно овладеть, то ли потому, что их мало и они редки, то ли из-за их недолговечности. Поэтому достижение потребностей сопряжено с повторными, никогда не прекращающимися усилиями. Тяга к недостижимому служит при этом не телесному росту, а совершенствованию навыков и сил.

Политическая экономия подчиняет производство товаров телесным вождениям. В отличие от природы, современной промышленности действительно удаётся удовлетворить все биологические потребности, устраняя их воспитательный посыл. В результате удовлетворение телесных потребностей перестает стимулировать саморазвитие. Насыщение парализует волю, притупляет чувства и усыпляет стремления. Сытое брюхо к учению глухо. Пресыщение также мешает в политике, науке, искусстве и спорте. Общество потребления теряет свои стимулы быстрее возникновения новых. Сегодня это яснее, чем когда-либо. Средний американец потребляет в три раза больше калорий, чем человек в развивающихся странах при прочих равных условиях. Разрыв растёт, когда речь идет о потреблении энергии, воды, одежды и жилого пространства. Но вместо побуждения это богатство только подавляет предприимчивость. При отсутствии побуждений современная эпоха пытается оживить потребление за счёт глобализации, позволяя бедным странам работать и в то же время реализовывать в пресыщенном социуме желания, которые ранее считались ненормальными, а поэтому ещё не исчерпаны: гламур и элитарное чванство, Виагра для мужчин и женщин, все шире легализуемые наркотики, декаданс всех видов.

Необходимость

Издержки общества потребления очевидны, последствия для окружающей среды и людей удручающи. С ними растут протесты. Они осуждают потребление, боятся страхи за будущее и требуют контроля. Представители 1968 г., «Римский клуб», Зеленые и Пираты требуют прекратить рост потребления. Их предписания урезают личную свободу, умаляют возможности и права человека, и тем не менее, все более расползаются по программам практически всех политических движений.

Ведь что-то надо делать иначе!

Да, только не всякая альтернатива – улучшение. Общество потребления зашло в тупик. Необходимо переосмысление. Безусловно! Но кто сказал, что выход находится в

обратном направлении и в урезании человеческих потребностей? Где нужно остановиться с ограничениями и как, какими средствами эти ограничения достичь?

История предлагает достаточно наглядных примеров ограничений и их последствий, чтобы понять движущие силы и механизмы, воздвигающие их, и попытаться разобраться что к чему. Добровольный аскетизм типичен всем временам хоть и по-разному выражен. Его всегда публично хвалили, но ему редко следовали и втайне высмеивали. Общественно-государственные запреты были тоже не редки, но мимолетны и мигом вырождались в показуху на людях и оргиях в тени. Только религиозные запреты имели успех, но были по содержанию крайне нелогичны для современности. Вроде бы сегодня дела обстоят лучше. Наука может рассчитать потребности и регулировать распределение товаров без всяких сверхъестественных выкрутасов.

Так ли это?

Вряд ли!

Наука сегодня выступает за одно, завтра - за другое, колеблется, спорит сама с собой и кроме источников финансирования не имеет собственных рычагов убеждения. С другой стороны, семитский запрет на употребление в пищу свиней и канонизация коров в Индии соблюдаются и сегодня. Неужели всё это из-за религиозной дури? Нет, в основе религиозных запретов лежит чистый расчёт, обобщающий историческую мудрость общины.

Свинья, в отличие от копытных животных, не может жить за счёт травы. Чтобы расти, ей нужны те же продукты, что и человеку. В голодные времена, обеспечение одного человека свининой лишает двух других источников существования. Объявление свиньи нечистым животным, запретным к употреблению, избавляет бедноту от экзистенциальной угрозы без всяких оправданий и предотвращает обход заветов с помощью толкований.

Аналогичным образом корова стала священным животным. Для индийского крестьянина корова была отоплением, трактором, источником молока и многим другим. Потребление говядины богатыми означало мучительный голод и смерть для крестьян, вынужденных продавать кормилиц. Религия, навязывающая неприкосновенность коровы, защищала население от катастроф и предпочиталась большинством, хотя ее заповеди противоречили традициям и внешней логике. Археологические находки и древние рукописи подтверждают, что в индуизме, на этапе его становления, корову и коровье мясо охотно использовали как в жертвоприношение, так и для пищи. Несмотря на это, индийцы отказались от жертвоприношения коров по мере увеличения плотности населения. Не Бог сделал корову священным животным, это сделали люди со своими представлениями о ценностях. В трудные времена корова становилась главным гарантом минимального достатка, и люди выбрали религию, позволявшую выжить. Когда индуизм еще одобрял жертвоприношение коров, он, будучи архаической религией, пропускал болезненные удары. Более современные буддизм и ислам быстро распространились в Индии и почти вытеснили индуизм. Но, освятив корову, индуизм восстановил былые позиции, обставив конкурентов без существенного изменения других постулатов. Доказано также, что семитские народы первоначально разводили и употребляли свиней и отказались от этого только с приходом иудаизма и ислама.

История религии показывает, что предписанная умеренность и воздержанность могут соблюдаться отдельными лицами, группами (кастами) и целыми народами. Однако за этим нет ни абстрактных желаний, ни благочестивых намерений. Суть аскетизма не в отказе от чего-либо, а в гарантировании необходимого. В постоянных экзистенциальных кризисах обеспечение неотъемлемым приобретает приоритет перед всем остальным.

Так почему не сразу так?

Это связано с биологической природой необходимого. Связанный азот – безусловное условие жизнеспособности животных и растений. Необходимость в нём огромна. Однако нужда отсутствует, потому что, пока существуют азот-связывающие бактерии, недостатка в нем нет и не предвидится. То же касается воздуха, воды, света, хотя жизнь без них невозможна. Даже речь свидетельствует о нейтральности обеспеченных нужд. Есть жажда, но нет противоположного выражения. Есть слово «удушьё», но нет слова, описывающего удовольствие от дыхания.

В отличие от потребностей, необходимость создаёт стимул только при нехватке, становясь нуждой. Потребности можно проигнорировать, нужду нет, речь идёт уже о выживании. Но недостаток и нужда непостоянны, они приходят, уходят и со временем меняют свое содержание. Отсутствие нужды делает ограничения нелепыми.

В чем же смысл современных запретов, кроме как в призыве назад в каменный век!

Влечения

19 – 21 века - время победного шествия биологии, подминающей под себя всё, в том числе и разум. Биология перекроила все области, географические, духовные, религиозные и научные. Человечество отбросило стыдливость и самозабвенно предалось естеству, не задумываясь о том, что такое телесные влечения, откуда они и куда ведут.

Влечения – это биологические автоматизмы. Они побуждают людей повторять путь своих предков во всем, что было хорошим. Сначала мы следуем им беспрекословно: сжимаем губы при прикосновении к груди матери, поворачиваемся на живот, когда нас кладут на спину, болтаем ручками и ножками, поднимаем голову, шаловливо убегаем, тянем в рот неизвестные вещи.

Встречи с реальностью пробуждают воспоминания об успехах и неудачах нашей биологической предыстории, приносят радость при правильном применении или боль от ошибок. Руководствуясь инстинктами, мы реагируем на события и набираемся опыта. При этом мы настраиваем наши органы на реальность и делаем её продолжением себя.

Безапелляционность инстинктов привела к мысли, что они неконтролируемо деспотичны. Человек действует, не зная, что им управляет.

Это не так. Инстинкты – послушные слуги. Они вмешиваются, только если их хозяева неадекватны с точки зрения эволюции. По мере взросления мы освобождаемся от опеки. Необузданное желание становится самообладанием, неуверенность – спокойствием, вожделие – любовью. Созревание превращает генетические формулы эволюции в собственные навыки и привычки. Разум постепенно перенимает руководство. Но для чего? Если инстинкты так мудры и желают нам только лучшего, к чему разум? Что это? Своего рода гордыня?

Накопленный опыт эволюции огромен, от рождения до старости он помогает нам. Но он не совершенен. Как родительские наставления недостаточны для современных детей, так и опыт эволюции недостаточен для решения проблем настоящего. Наше тело не может дать ответы на ситуации, которые не возникали ранее и были успешно преодолены нашими предками. Там, где заканчивается запас готовых решений, индивид должен смотреть в неизвестное, получать противоречивые сигналы, действовать наугад, нести потери и накапливать нарушения в структурах и функциях тела. Взросление означает учащение конфликтов, которые телесности неизвестны и которые заканчиваются не так, как хотелось бы. Накопление необратимых ошибок, рост потерь по сравнению с приобретениями называют старением. Старение неравномерно и начинается не в

старости, а с первых потерь, для возмещения которых эволюция еще не нашла решения. Старость — это развитие тела за пределы, до которых до сих пор продвинулась эволюция вида. Чтобы выстоять здесь, недостаточно регулировать потребление или стимулировать вожделения. Нужно ставить соответствующие цели, идти новыми путями, искать свежие решения. Тут без разума далеко не продвинешься.

Поехали

Ты куда? Если удастся – вперёд

Плохие жизненные условия изматывают и ломают. На фотографиях сорокалетних крестьян, снятых в 19-ом веке, часто позируют сутулые старики с серыми обветренными лицами, шрамами, беззубым ртом, блуждающим взглядом и дистрофическим внешним видом. Сегодняшние 70-летние выглядят намного моложе, и они обязаны этим более высокому уровню жизни. С ростом общественного благосостояния росла и средняя продолжительность жизни, удвоившись во всех промышленно развитых странах между 18-м и 20-м веками. Но затем её рост остановился, хотя изобилие продолжало расти. Современник может позволить себе любое мыслимое удовольствие, избежать любых трудностей. Почему же тогда он стареет, а его тело дряхлеет? По крайней мере, некоторые могут свободно выбирать условия жизни. Предположительно три процента людей имеют столько, сколько все оставшиеся вместе взятые. Почему это огромное благосостояние даже им не в прок? Это происходит потому, что свобода выбора - сплошная иллюзия. В самом деле, откуда решения за и против? В основном, исходя из врожденных чувств удовольствия и отвращения. Насколько правомерны они?

Организм чётко распознаёт приближающееся старение и недуги. Болью, недовольством и неудобствами он подталкивает хозяина к изменению жизненного курса. «Сделай что-нибудь», – внушает он, – «Поменяй что-нибудь». Только люди неправильно понимают эти знаки. Вы устали, апатичны, чрезмерно напряжены... Что раньше помогало справиться с этим? Хорошая еда, музыка, развлечения, секс. Так в чем же вопрос, выбор есть! И вот, несмотря на отсутствие голода, люди запикивают в себя вроде бы деликатесы, одурманиваются то одним, то другим. Становится хуже. В безысходности люди ищут помощь извне, экспериментируют с травами, магнитами, излучением, лекарствами, наркотиками, сомнительными методами омоложения. Эфемерные ощущения «оздоровления» и кратковременные приливы сил только ускоряют разрушение организма. Жизнь уходит на поиски «оживляющего», оказывающегося убийственным.

Потакание желаниям тела не выводит, а привязывает нас к судьбе наших предков. Они жили максимум 30-40 лет. Всего несколько миллионов лет назад средняя продолжительность жизни обезьян составляла от 10 до 20 лет. Условия обитания тех и других были суровыми. Тело помогало им продержаться необходимый срок, но подсказать, как жить после этого, оно не могло. У него просто не было возможности накопить опыт долголетия. Наши предки рано умирали. Это постигнет и нас, если мы будем следовать только указаниям нашего, а таким образом и тела наших предков. Для жизни за пределами биологического предопределения нужно больше. Необходимо преодоление заточенных на непосредственные ощущения чувств.

Само слово «преодоление» предполагает, как минимум, неудобство, а то и наказание. Как что-то может быть благом, если оно вызывает недовольство или утомляет? Может!

Благо и восприятие редко едины. Выпившему бутылку водки кажется «море по колено», а он еле стоит на ногах. У гимнаста после тренировки все тело гудит, а он с легкостью исполняет сложнейшие фигуры. Важны не столько ощущения, сколько реальные возможности.

Ладно, но почему тело противится очевидно полезному - умственным и телесным упражнениям, усердию, диете, отказу от курения и стимуляторов? Это не сопротивление, а скептицизм, противопоставляющий новому - испытанное. Только после преодоления, проверки и подтверждения новое принимается и воспринимается телом, как неотъемлемо своё. Не все, «что нас не убивает, делает нас сильнее». Но совершенство невозможно без преодоления похоти, нежелания и трудностей.

Когда я писал эти строчки, мне уже стукнуло 58. Вроде, не так уж мало. Иисусу, Будде, Сократу, Аристотелю, Декарту не досталось и этого. И сколько же из отпущенного я осознанно посвятил своему телу? О, ужас, ничего! Я ел, говорил, читал, писал и работал, пока мне это нравилось, я отгонял невзгоды, но делал всё это по прихоти плоти, а не потому, чтобы стать лучше.

Разве это не одно и то же? Разве самосовершенствование не преследует то же самое: самочувствие, счастье и благополучие? И да, и нет! Тягости походов, головоломка над проблемами, изматывающий голод поста – неизбежные спутники стремлений. Чем выше цель, тем тяжелее нагрузки. С каждым шагом гнет растёт, щемит, давит. Малодушие шепчет: сдайся, откажись. И правда, часто приходится очень сурово, и все же, прежде, чем всё бросить, спросите себя: что вам это даст и что вы потеряете при этом? Да, бремя исчезнет, оставив пустоту, от которой не лучше и не хуже. Радость победы, здоровое, стройное тело, ясный ум, удовлетворение от достигнутой цели делятся дольше. Именно эта длительность является безошибочным критерием правильного выбора.

У человека старше 30 лет (т.е. среднем биологическом сроке жизни наших предков) всё, что не способствует совершенствованию, подтачивает тело. Благополучная жизнь почти не даёт поводов задуматься над этим. Растущие влияние, благосостояние, аплодисменты сулят череду успехов и скрывают потери. За ширмой достатка, карьеры, признания приближается время, когда нехватка сил уже не позволит что-либо изменить. Однако эпоха за эпохой порождала людей, оседлавших свои инстинкты. Личные трагедии, страдания, болезни, ужасы исторических поворотов омрачают начало их пути, обнулив бесприкословность тела. Преодолевая кризис повседневных смертей, разрухи и опасностей, они научились руководствоваться своими целями, а не телесной блажью, и добились кажущегося непосильным. Читая их биографии, описания перипетий и свершений, трудно верить, что такие люди были. И всё же их деятельность достаточно подтверждена, а их труды доступны и актуальны по сей день. В спокойные времена, вдали от революций и войн, люди редко поднимаются над телесностью. Тут тело властно и самовлюблённо рулит. Неприятное отфильтровывается. У желаний есть много уловок, которыми они оправдывают свои претензии на лидерство. Головная боль, недомогание, голод мешают пройти мимо переполненного холодильника. Красочные, меняющиеся картинки в телевизоре, гламур, лесь зовут окунуться в «эйфорию успеха». Иногда подрастают целые поколения людей, которые хотят всегда только удовольствий. Это «золотое» время недолговечно ни для человека, ни для общества. Мы сейчас как раз переживаем исход такой утопии.

Развязка неизбежна, хоть и воспринимается часто, как случайная катастрофа. Её предвещает нагромождение, казалось бы, бессвязных неприятностей. Вроде, обошел успешно одну, подкупил другую, глядь - уже новые пакости «стоят в очереди», желая нагадить. Перспективы мрачнеют, образы, с которыми все чаще приходится делить

печальные обстоятельства, как и места, в которых это происходит, тошнотворны. Бездумных, считающих себя невинными, проблемы поражают как молния. Почему я? Это какая-то ошибка. Я выполнял свои обязанности, всегда (по возможности) вёл здоровый образ жизни, не курил, не пил, ел только самое лучшее, многого добился. Наигранное удивление, показное потрясение и жалобы на якобы несправедливое крушение до сих пор образцовой жизни - сплошной самообман. В глубине души все чувствуют: виновата не жизнь, а пожирающая её ложь. До сих пор признаками неудачника были слабость, болезни, старость. Рохли мешали. Тот, кто покрепче, не ждал, сталкивал замешкавшихся или шатавшихся со своего пути, не задумываясь обгонял медлительных. Но вот гроза настигла его и выясняется, что всё накопленное не защищает от непогоды, а только притягивает алчное воронье. Вещи, которые считались чрезвычайно важными, вдруг оказываются банальными, излишними, даже тягостными. Достигнутое с большим трудом не помогает даже в самых простых ситуациях. Сколько стоит один освежающий вздох? До сих пор люди дышали, не задавая себе этот вопрос. Максимум обращали внимание на чистоту воздуха, влажность, температуру и аромат. Теперь, когда легкие и сердце не слушаются, ноги разбухают, а жёлто-зелёная жижа лезет из кожных пор, приходит прозрение: никакие сокровища мира не могут купить его, как бы часто дыхательные аппараты не двигали грудную клетку. Люди доверяли своему телу. А оно вдруг бросает их в беде в момент наибольшей нужды, да ещё добавляет новые испытания. Уверения в будущем делать всё лучше наивны. К чему уроки плавания на тонущем корабле. Последний отрезок жизни быстротечен. В известной мере в этом прослеживается определенная доброта судьбы. В молодости люди могли бодрствовать днями, долго терпеть жару и холод, не обращать внимания на жажду и усталость – теперь это всё в прошлом. Старение разжижает волю, путает мысли, терзает душу, но при этом всем помогает быстрее оставить немощь и бессилие позади. Процесс ускоряется. Каждый пережитый сбой организма повышает нагрузку на еще здоровые органы и усиливает износ. Повседневность, как-то встать и выпрямиться, поднять что-либо и удержать в руках, сделать несколько шагов, принять пищу, задержать/выпустить стул и мочу становятся все труднее или даже недостижимы. Люди идут к врачам и засыпают их вопросами-упрёками, требуют, умоляют, угрожающе хорохорятся, обманывают себя и с благодарностью принимают ложь. Все напрасно.

Врачи – зеркало общества со всеми его заблуждениями и общей судьбой. Они прилагают свои усилия там, где к ним текут деньги, предлагая то, что есть. Нельзя купить жизнь, а тем более, обстоятельства. В зависимости от размеров кошелька они организуют условия содержания и присмотра, комплексный уход, зубные и прочие протезы, лекарства, искусственное дыхание, интенсивную терапию. Все эти меры разгружают оставшиеся телесные функции и не добавляют новых. Не следует преуменьшать важность таких вмешательств. Они, замещая неработающие органы, сохраняют жизнеспособность во время критических нагрузок, дают организму время включить процессы восстановления, но только если резервы ещё есть. Сами по себе они не прибавляют жизни. Исцеляет только сила природы. При достаточной платежеспособности медицина способна практически безвременно поддерживать иссякающую жизнедеятельность, но не остановить распад, а тем более восстановить что-либо. Индивидуальная эволюция как бы поворачивается вспять, от сложного к изначальному, более примитивному, но и более устойчивому. От прежнего живого существа остаются сперва искусственно поддерживаемые органы, позже банки отдельных тканей, культуры отдельных клеток и, наконец, изолированные гены. С каждым шагом былая индивидуальность распадается и тает, а её останки, за ненадобностью, раньше или позже сливаются в сточную трубу. Неужели всё так грустно, неужели исхода нет?

Есть, и он предначертан всей предыдущей эволюцией. Человек обязан возглавить эволюцию совершенствования, поставив задачу увеличения активной продолжительности жизни во главу. Для этого не достаточно удовлетворять былые потребности и желания, какими бы приятными они ни были, а обогащать себя новыми способностями и средствами, тянуться к звёздам и неизведанным мирам не когда-нибудь, а как только появится малейшая возможность. Не стяжать, а созидать, не успокаиваться на достигнутом, а искать, стремиться, расти, любить, творить в бесконечности истории. Человеческая культура предлагает все необходимое для этого, а тело всегда будет готово нам помочь. Но для этого человеку важно открыть самого себя, понять откуда он, кто он и куда держит путь.

ЧАСТЬ II

ЖИВОЕ И НЕЖИВОЕ

«Tamensi movetur!»

Согласно Платону, жизнь – это идея, зреющая в ходе развертывания и воплощения космоса. По сути, с биологической точки зрения, к этому мало что добавить.

А причём тут биология и Платон? В древнем мире не было даже элементарных представлений об органике, биохимии, молекулярной генетике, впрочем, и о биологии, как науке о живом, как таковой.

Всё сказанное верно, тем не менее, античность и средневековье подошли к пониманию жизни во многом ближе, чем современность. Две с половиной тысячи лет назад Платон объединил существующие знания того времени, осознал и ясно сформулировал то, к чему суетная современность потеряла доступ. С тех пор бесконечное число открытых разобренных деталей усложнило цельный обзор.

Для понимания принципов жизни не нужны ни последовательности отдельных генов, ни знания молекулярного строения её составных частей. Давайте начнем с начала, поднимем потерянную нить и последуем ей. Для этого путешествия хватит школьных знаний.

Искра жизни

Огонь символизирует жизненную силу испокон веков. Можно ли считать огонь живым?

Хотя жизнь и огонь похожи, их родство очень отдаленно. Оба переводят энергию субстанции из одной формы в другую. Однако суть горения и жизни в корне различны. При низких температурах энергия связана субстратом и неподвижна. При температуре выше критической субстрат разрушается, а энергия высвобождается в виде огня. Огонь перескакивает на близлежащее, распространяется и охватывает всё более обширные области. Позади остаются пустошь и пепел. В одних местах огонь сохраняется, долго тлея, в других гаснет. С догоранием последних очагов и полным разрушении субстрата температура падает, огонь умирает и больше не может зажечь.

Как и огонь, жизнь живет за счет отбора энергии у инертного субстрата. В отличие от огня, это поедание источника направлено не на выжигание, а на продолжительность и

возобновляемость живого.

Стремление к вечности суть любой формы жизни.

Генезис

Разгадку «неразрешимых» тайн обычно ожидают минимум от грандиозного – Бога, космического разума, инопланетян, хотя именно близость и повседневность истинных ответов мешают нам их правильно оценить.

Если попытаться описать одним словом, что общего между столь различными: химическим автокатализом, органической жизнью и человеческим разумом, то, наверное, слово самостоятельность подошло бы лучше всего. Самостоятельность чего? Самостоятельность обновления, возрождения и распространения. Общим является также то, что автокатализ, жизнь и разум хоть и подвержены физическим законам и неукоснительно следуют им, тем не менее отстаивают своё право развиваться вопреки внешним ограничениям, борясь и преодолевая препятствия на пути. Как не вспомнить при этом Гераклита, возвеличившего войну до «матери всего сущего»? Если это так, то противоборство жизни и физики - это война дальновидности против слепого послушания. Физика тупо давит, вынуждая подчиниться обстоятельствам, следовать туда, куда дует ветер, несут вода, сила тяжести и свет. Противление ставит под удар стихии, подтачивает, стирает, молотит. Глобальный поток энергии не знает милосердия и крушит всё встающее на его пути. Только жизнь остаётся незатронутой, упрямо противостоит обстоятельствам, терпеливо выносит их удары и даже выгадывает от этого. Причина проста. Самостоятельность и непокорность жизни являются не самоцелями, не признаками самодурства или твердолобия. Напротив, жизнь охотно позволяет себя носить ветром и водой, согревается солнечными лучами, когда ей это нужно. Сопротивление жизни нацелено на обновление и расширение. Это позволяет сделать интересный вывод: непокладистость жизни с самого её зарождения нацелена не на противление обстоятельствам (давление возникает как раз из-за сопротивления), а на преодоление собственных недостатков и воспроизведении достоинств самостоятельности. Издержками сопротивления являются износ и потери. Жизнь отказывается от части самой себя, чтобы стать независимее. Умирание – это разменная монета обновления. Самореализация – это стремление к совершенству.

Возможности

Самая продвинутая из всех форм жизни - это всё же крупница, не имеющая и толики энергий, блуждающих по Вселенной. Зачинаясь, жизнь была несравненно слабее. Но каков рывок! Какова кладезь накопленного! Каким образом стал возможным взлёт при такой скудности средств? Где источник энергии, сил и способностей?

Теперь, как и тогда, жизнь удосуживалась тем, что есть. Рыба не может дышать и ходить на суше, первобытная «крыса», от которой произошли млекопитающие, не могла летать и, конечно же, совершенно не могла читать и писать книги. Тем не менее, в ходе эволюции жизнь приобрела множество свойств, которые невозможно предопределить в генотипе вируса или бактерии, но в которых уже заключались последующие ростки. Способности плавать, бегать, летать и думать не обрушиваются на жизнь, не возникают в результате мутаций и не передаются высшими силами.

Автокаталитическая молекула мала, хрупка, не может двигаться самостоятельно. Ну и что! Сначала она использует потоки воды и воздуха для своего распространения, перепробует различные способы стать независимой от их непостоянства, пока не разовьёт плавники и ноги в ходе эволюции и затем построит корабли и звездолёты.

У автокаталитической молекулы нет глаз, даже рецепторов, чтобы распознавать очертания ближайшей реальности. Не беда! Она размножается, заполняет доступные пространства, достигает своих пределов, находит простые средства, соответствующие текущему уровню развития, преодолевает преграды и даже использует их в своих интересах. При этом камни на её пути из препятствий становятся укрытиями, инструментами жизнедеятельности и защиты. Жизнь достигает самых дальних уголков Земли. Но где предел? Без дорогостоящего оборудования жизнь разносится воздушными потоками в стратосферу и кометной пылью к звездам, и наши космические корабли обнаруживают сложные органические вещества на астероидах. Подобно тому, как Америка была заселена раньше европейцев, органика вытянула свои побеги в космос задолго до первого космонавта. Я не удивлюсь, если однажды звездолеты, причалившие к другим мирам, обнаружат, что Земная жизнь прибыла туда задолго до них и неожиданно принесла плоды. Секрет успеха прост. Если у жизни нет соответствующих органов и способностей, она превращает случайность в возможность и целенаправленно пользуется ею. Важны напористость и цель, а подходящая okazия рано или поздно окажется перед порогом.

Мышление

Высказывания, считающиеся гениальными, не обязательно удачно сформулированы автором, а тем более правильно поняты и применены потомками. Между великим и смешным тонкая грань.

«Я думаю, значит существую».

Позвольте, это что же выходит. Камень не думает, значит он не существует? И это гениально? Вот те на!

Единственная правильная интерпретация изречения Декарта – «Я думаю, значит я живу». Можно сказать ещё проще: мышление означает жизнь, а жизнь – мышление.

Разве разум присущ каждой жизни?

Да!

Должно ли это значить, что вирусы, бактерии, слизистые грибы могут думать? Может они в этом ещё и с людьми сопоставимы? Разве все исследования не показывают, насколько другие живые существа тупы? Разве животные не следуют программе, подобно механической утке, роботу или компьютеру? Разве это не просто химические реакции размножения?

Нет!

Эксперименты, подтверждающие глупость животных, исследуют реакции. Но мышление и реагирование – это не одно и то же. Люди ведь тоже не всегда размышляют, а большую часть своего времени следуют проторенным дорожкам как-то аппетиту (сладкое или горькое), глазам (солнце движется), ушам (звук нарастает), подозрительности (сейчас как вдарю). Рефлексы - это готовые реакции, облегчающие ориентацию, но не мышление. Мышление - это поиск неординарных решений, позволяющий жизни самоутверждаться вопреки чуждым обстоятельствам, с использованием этих обстоятельств, вырываясь из их тисков физического и выигрывая за его счет. Применимое к вирусу или бактерии, сказанное звучит напыщенно, и всё же оно верно. Самоопределение основополагающе для жизни, но даже в неодушевлённой природе можно найти его зачатки.

Противостояние всеобщим тенденциям начинается с автокатализа. Автокатализатор перенаправляет действующее на него химическое и физическое давление в сторону само-

приумножения, предотвращая тем собственное разрушение.

Жизнь – это эволюция пробивной силы самоутверждения, которая, вместо того, чтобы следовать, во все большей степени навязывает свою волю неорганическому. Разница между автокатализатором и человеком заключается в огромном опыте, накопленном в процессе эволюции самоутверждения. Проследим ступеньки этого пути.

Рецептор-Стимул-Восприятие

Представим себе одноклеточный организм, подвешенный где-то в глубине мирового океана. Для его сферической поверхности реальность одинакова во всех направлениях, одинаковы и реакции, текущие в любом участке его внешней оболочки, а инструменты жизнедеятельности равномерно распределены. Если при размножении дочерние клетки не разойдутся, то у реальности появятся новые измерения как-то рядом, внутри и снаружи, ведь на этих участках прежние реакции уже невозможны. При делении на четырёхклеточные и многоклеточные организмы появляются дополнительные особенности, для каждой участвующей клетки. Верх, низ и рядом хоть ещё как таковые не воспринимаются, потому что на этой стадии развития отсутствуют органы чувств, мозг и т.д., однако эти высокоразвитые органы для примитивного многоклеточного и не требуются, поскольку он и так может прекрасно ориентироваться по изменениям поверхностного обмена веществ. Исход одних и тех же реакций, на иных, чем внешней поверхности, границах, заканчивается иначе, или совсем не заканчивается и позволяет определять, где что.

Но зачем дожидаться окончания процесса, если его завершение в принципе невозможно. Зачем двигаться, если в начале ясно, что конец недостижим? Жизнь избегает ненужных усилий. Уже первые отклонения в ходе реакции, указывающие на невозможность её стандартного завершения, являются первозданными и достаточно чувствительными рецепторами-сенсорами внешних стимулов и изменений. Возможность опираться на показания этих рецепторов придает жизни зачатки дальновидности. Пусть эта первичная дальновидность ещё и очень ограничена, её превосходство в адекватности. Добиться максимального содержания с наименьшими усилиями – основополагающий принцип, к которому стремятся все уровни организации жизни. Чтобы адекватно пользоваться дальновидностью, необходимо умение оперативно перенаправлять, замедлять, а при необходимости и останавливать реакции. Для регулировки переключений необходима пауза.

Пауза, включенная между стимулом рецептора и реакцией организма, является предпосылкой восприятия. По сути, восприятие - это оценка существующих стимулов и предварительная настройка на них, вместо немедленной реакции имеющимся. Выбор наиболее целесообразного ответа на входящие стимулы и есть разум. Сортировка и упорядочивание стимулов, оценка наилучшей последовательности действий позволяет целеустремленно достигать желаемого, избегая метаний, проб и ошибок.

Как видно, для мышления не нужны особые органы. Бактерия, улитка или человек воспринимают ровно столько, сколько нужно для их развития. Вовсе не нужно семи чувств, чтобы чутко, а глаз чтобы предвидеть. Гравитация, химия, окружение вмешиваются в жизненные процессы и могут использоваться для оценки ситуации. На каждом уровне, будь то клетка, орган, организм, общество, реальность воспринимается не как абстрактные, замкнутые законы природы, а как география возможностей и препятствий на пути к выполнению требований жизни. Мы ставим мышление в зависимость от размеров мозга, уровня математики и науки. Все это этапы, поступь одного и того же движения. Способность воспринимать, анализировать, и применять, т.е. мышление, отличают живое от неживого. Тело любого существа - это

материализованные инструменты разума. Жизнь, в том числе и с биологической точки зрения, это эволюция духовности. Возвращаясь к Декарту и в последний раз. Жизнь — это мышление!

ЧАСТЬ III

О ГЕНАХ

Глупость низвержена, да здравствует Глупость!

В детективах Шерлока Холмса уроненная зубочистка, осколки бутылки, глина на подошве неожиданно раскрывают вроде бы неразрешимые преступления. Имена авторов и героев будут однажды забыты. Энтузиазм при распутывании головоломок неподвластен времени. Извлечение тайных посылов из банальных деталей демонстрирует силу мысли и побуждает попробовать то же самое. Звезды сияют, образуя узоры. Их мерцание притягивает взгляд в темноте. Каждую ночь и каждый час расположение звёзд определенным образом меняется. Вот одна звезда упала, другая вспыхнула, здесь все движутся вместе, а та вот скользит между другими. Регулярные наблюдения показывали, что процессы на небе и на Земле взаимосвязаны. Прошло немного времени, и люди научились определять по звездам земные расстояния, географическое положение, предсказывать солнечные и лунные затмения, засухи и половодья. В воздухе витало: если движения звезд предопределяют такие впечатляющие события, не должны ли они вмешиваться и в менее грандиозное: в политику, исход сражений, успех путешествий и предприятий? Люди не имели ни малейшего понятия о солнце, о звездах, почему они сияют, где и как далеко, находятся. Тем не менее, считалось, что блуждающие небесные угольки знаменуют судьбоносные повороты. Возражение «звездам не прикажешь» не принималось всерьез. Да, на звезды нельзя повлиять, и нельзя повлиять на события, которые они предвещают, но ведь можно избежать этих событий или хотя бы подготовиться к ним. В конце концов, так же обстоит и с временами года. Кто предвидит стужу, рубит дрова в разгар лета. Верх одерживает тот, у кого астрологические карты лучше. А как их добыть? – Плати! С потерей доверия оракулам и гадальщикам на астрологов полился золотой дождь. Утверждения астрологии были бессмысленны, советы – нелепы, но никто не сомневался в «правоте» звезд. Просчеты объяснялись некомпетентностью отдельных астрологов. Для предотвращения халтуры привлекались знаменитости, или созвездия проверялись лично, как это делал Валленштейн перед каждой решающей битвой. Совершенствовались инструменты, воздвигались обсерватории, уточнялись звездные карты, завязывались тесные связи между удалёнными центрами. Колоссальные вложения целились не на прокладывание дорог к далеким мирам, не на выяснение размеров Вселенной или положения человека в мироздании, а служили узким личным намерениям мало продвинутых властителей. Естественно, что при таком раскладе деньги текли в основном аферистам, чья интерпретация звезд более всего соответствовала пожеланиям заказчиков. Результатом были бесчисленные гороскопы, дорогие, многословно-пустые и непригодные даже для исторических исследований. Такое расточительство кажется в высшей степени досадным. Скольковсего можно достичь даже с крошечной долей этих средств! На самом деле ничего бы не

изменилось. Величайшее красноречие не изменило бы отношение толстосумов к истинным посланиям звезд. Что им наука? Что толку от кипящей солнечной плазмы в интригах, битвах и сделках? Доводы разума не имеют веса против аргументов эгоизма и корысти. Удручает? – А зря!

Не стоит переоценивать роли глупости и самообмана. Спокойствие и сдержанность истины не признак её боязливости, а результат безразличности и сосредоточения на важном. Вопреки визгу чванства, не ложь, алчность и деньги, а правда правит миром. И вот что интересно - правда не дожидается и не очень-то зависит от светочей для своего триумфа. Она не чурается и посредственности.

Гениальное капризно. Когда, где и кого посетит прозрение - вопрос открытый; человек переменчив и недолговечен. Глупость же корысти вездесуща и способна увлечь за собой и вовлечь в прогресс даже существа с мозгом слизня. История астрологии иллюстрирует это.

В то время, как «сильные мира сего» швыряли деньгами, они непреднамеренно способствовали расширению знаний. При этом звезды всегда открывали исследователю нечто иное, чем то, о чем их спрашивали деньги. Непреклонность небес неизбежно приводила внимательных наблюдателей к выводам, выходящим далеко за рамки первоначальных изысканий. Не удивительно, что обнаруженное не находило отклика у заказчиков. Дюны эгоизма следуют ветру обстоятельств. Песчинки бодро скачут наверх, только чтобы исчезнуть под тяжестью новых. Но и дюны важны. Они создают среду обитания для ящериц, жуков и змей, а также защищают караваны от ветра и солнца. Блуждая между песочными горами тщеславия, Коперник, Галилей, Браге и Кеплер смогли нанести на карты космос и расширить наше жизненное пространство до бесконечности. Благодаря им и работе многих других мы теперь знаем, что звезды ничего не определяют. Они пассивные статисты Вселенной. Их свет раскрывает нам дали и построение космоса. Созвездия не управляют природными явлениями. Масса, пространство и время организуют космическую материю. С этим багажом мы перешли от наблюдений к свершениям. Мерим, летаем и используем космос.

Видение позволяет поднять паруса даже против встречного ветра. Корысть следует давлению непосредственных обстоятельств, втискивается в каждый просвет между скачущими наверх песчинками, заполняя пустоту. И то, и другое продвигает человечество вперед.

Астрология и алхимия канули в небытие, не выдержав напора опровержений. Их «умозаключения» открыто высмеиваются в школе как примеры несусветной глупости. С современной точки зрения, так оно и есть. При таком остракизме трудно представить повторение подобного. Кто хочет так же опозориться? Человечество избавилось от лженауки раз и навсегда! О если бы! Вывески меняются, а мотивы и образцы псевдоучёности живут и совершенствуются. Глупость шагает нога в ногу с прогрессом, и даже, как показывает генетика, забегает далеко вперед, ничего нового не изобретая. Удивительно, как точно представления и предсказания современной генетики списаны с постулатов астрологии. Даже их обоснования схожи.

Нуклеиновые кислоты были идентифицированы как гены. Секвенирование нуклеиновых кислот выявило бесконечное разнообразие сочетаний из четырех букв (нуклеотидов). При всем разнообразии последовательности были уникальными для каждого организма. При некоторых заболеваниях порядок генов заметно отличался от здоровых сородичей. Как тут не предположить, что ошибочный порядок букв ведет к болезням. Если сочетания нуклеотидов объясняют заболевания, не должны ли они также определять психическое и телесное состояние человека, а также его характер, силу воли и способности? Почему не отредактировать их, переписать, что-то вычеркнуть, что-то

добавить, предотвращая болезни и изменяя облик?

Сегодня огромные средства вкладываются в исследования, обещающие ответить почти на все вопросы жизни, исходя из правильной структуры генов. Для этого всего-то нужно определить решающие последовательности, просеквенировав, прокаталогизировав и проанализировав их. Чем наука в общем то и занята. Новостные ленты пестрят сообщениями об открытии генов долголетия, интеллекта, ожирения, грации и стройности. Дельцы наперебой предлагают дорогостоящие анализы, обещающие не только предсказывать невыгодное сочетание генов, но и вот-вот готовящиеся их переиздать. Спешите вкладываться, завтра может быть уже поздно. Кто сегодня не оплатит вход, останется за бортом.

Читатель удивленно спросит: что тут не так? Как и в астрологии - всё: намерения, обещания и перспективы. Гены, подобно звездам, ничего не определяют; гены доносят до нас эволюцию жизни, а звезды рассказывают о Вселенной.

Что рулит

Человек возникает из одной единственной оплодотворенной клетки. Она делится. Дочерние клетки тоже. Ряд за рядом, слой за слоем переплетаются в вычурном клубке. Миллиарды клеток толпятся на крошечном пятчке, нисколько не мешая друг другу. Вопреки лавинообразно растущей сложности построения, привходящие клетки не умаляют, а создают дополнительное жизненное пространство для себя и других, как предшествовавших, так и будущих клеток, расширяют общие функции и возможности. Для этого все соучастники посекундно видоизменяются (дифференцируются). Каждая клетка делает это на свой лад, но так, чтобы все дополняли и совершенствовали друг друга. В результате образуются ткани и органы: туловище, руки, ноги, голова.

Однажды мы очнемся в этом столпотворении, откроем глаза, потянемся, встанем и самолюбиво назовем себя «Я». С этого момента тело подчиняется нашим командам. Воля-Я, его величество в царстве 100 триллионов прилежных подданных со всеми вытекающими из этого привилегиями и обязанностями. «Я» заботится о теле, питает и балует его, управляет им, может и уничтожить его. Хорошо это или нет, решения «Я» определяют жизнь и смерть каждой отдельной клетки и тела в целом. Власть воли «Я» над телом кажется огромной. На самом деле, она крайне ограничена. «Я» не может менять построение тела или что-либо диктовать его клеткам. «Я» управляет несколькими готовыми реакциями. Большинство процессов в организме не относятся к ним. Деление и дифференциация клеток, построение костных трабекул, обновление клеток мышц, крови и нервов идут сами по себе. «Я» не может даже изменить цвет кожи или волос. Для такого ограничения власти есть веские причины. Уровень развития «Я» в отличие от самомнения настолько примитивен, что любое вмешательство «Я» в телесные процессы, даже из самых лучших побуждений, неизбежно обернется катастрофой. Отдельные клетки организма гораздо более опытны в рамках своей ответственности, чем ими вроде бы руководящий «Я»- разум, и готовы следовать только таким указаниям, которые соответствуют этому опыту, в остальном исходя из себя.

Но что же тогда формирует тело?

Во времена Гальвани считалось, что это электрические токи. Затем обратились к свойствам недавно открытых органических веществ. Человечество впало в эйфорию, когда оно научилось изолировать, анализировать и даже воссоздавать строительные материалы для жизни. Как оказалось, одни органические вещества предназначены для

обеспечения энергией, обмена веществ, а другие для формирования структур. Но какие молекулы определяли наследственную память? Белки разнообразны и уникальны в построении. Одновременно обнаруженные нуклеиновые кислоты казались непригодными для памяти. В то время как расщепление белков приводило к феерическому разнообразию сложных составляющих, расщепление нуклеиновых кислот оканчивалось скучным повтором всего четырех нуклеотидов. Как только органика научилась не только расщеплять, но и воспроизводить порядок составляющих, оказалось, что последовательность нуклеотидов в нуклеиновых кислотах образует, как буквы в тексте, не бла-бла-бла, а уникальные сочетания. С открытием двухцепочной спирали нуклеиновых нитей, зеркальных друг другу и восстанавливающихся при рассоединении буква в букву до двух одинаковых двойных-спиралей, все сомнения в значении нуклеиновых кислот для генетики отпали.

Далее дела пошли быстрее, началась захватывающая расшифровка содержания. При сравнении родственных и тем ни менее отличающихся организмов, наличие у них особых генов позволяет предположить, что именно эти генные особенности несут телесные отличия признаков. Далее, меняя последовательность генов, нуклеотид за нуклеотидом, можно определять их значение. В одних случаях вырывание огромных кусков генов никак не проявляется, в других - замена или выпад одной единственной буквы обрывает или кардинально меняет функцию. Высшие организмы могут читать, но не переписывать свои гены. Расположения букв в их генах являются предписаниями. Различия генетического кода отвечают за различия в цвете глаз, размерах тела, особенностях интеллекта, долголетия. Расшифровывая и меняя код, можно лепить человека по своему усмотрению, избавлять от болезней и одаривать наивысшими качествами. Все, что для этого требуется, – целенаправленный отбор желаемых генов, перенос, вставка, собиранье ценных и редактирование лишних последовательностей. Методы для стирания, переписки или вставки генов уже существуют и совершенствуются с каждым днем. Мы на пороге будущего!

Такие радужные обещания окрыляют далеко не всех. В обществе, управляемом наглостью власти и алчностью денег, гены здоровья, красоты, интеллекта и долголетия неизбежно окажутся у беспринципных воротил. Всё человеческое становится банальным товаром. Хочешь интуиции Эйнштейна, тело Миссис или Мистера Универсум - без проблем – да и мелочи все это, ведь не исключено получить и орлиное зрение, медвежью силу, крылья Пегаса или даже величественность сфинкса, не говоря уже про Аватаров, Орков, Чубакков и прочей эксцентрики. Плати! И кем бы ты не был - стань кем хочешь. Ну а если монеты нет? И здесь найдётся прибыльное – от секс-кукол до исполнителей всех мастей и форм: послушных, телесно идеально приспособленных для самых различных задач и при этом довольных, непритязательных и совершенно благонадежных.

Каждой эпохе присущи свои величие и блажь. Химеры античности вернулись спустя тысячелетия, и воспринимаются не менее серьезно, чем происшествия в автобусе. Люди-пауки, икс-мутанты, зомби заполонили культуру развлечений. А генная инженерия нагнетает истерию мутагенеза. К счастью, кроме страшилок ей пока предоставить нечего. Фактические успехи дорогостоящей генной инженерии колеблются возле нуля. Да, ввести в организм гены любой последовательности можно, а вот удержать их там в самобытных условиях нет. Обычно для удержания чужеродные гены спаривают с генами устойчивости к антибиотикам или гербицидам. При постоянном воздействии антибиотиков-гербицидов потеря внесенных генов сопряжена со смертью и избегается. Пока такой спаренный организм живёт в среде с антибиотиком, отказ от гена резистентности обозначает смерть. В естественной среде «пришлые

последовательности» за ненужностью быстро отбраковываются. Прижить чужеродное не удалось пока никому.

Случайность? Вряд ли. Может, всё дело в недостаточности финансирования или в бездарности исследователей, не сумевших решить такую простую задачу, хотя все предпосылки для этого есть? По крайней мере, именно так утверждают искатели грантов, живущих на распиле выделенных средств.

Но, как ранее с астрологией, расширение финансирования, привлечение известных учреждений и выдающихся имен не привело к повороту и не сможет сделать этого в будущем. Причина проста, и мы её уже называли. Гены, как и звезды, ничего не приказывают и не определяют! Определяющим является смысл. Гены — это записи содержания, они играют ту же роль, что и буквы, и слова в предложении. Тот, кто вздергивает руки на призыв «руки вверх», делает это не потому, что его заставляют слова. Решающим является интерпретация высказанной угрозы и предвидение исхода при противодействии. Изменение в угрозе одной – двух букв или синтакса, как-то «бу кивверх», «руки вех», «пуки ерх», превращает её в каламбур. Впрочем, и в том и в другом случае определяющим является дуло, его направление и рыло за ним.

Еще нагляднее проявляется пассивность генов при эмбриональном развитии многоклеточных организмов. Миллионы клеток с идентичным геномом без всякого принуждения выбирают сами свою судьбу так, чтобы достичь оптимального взаимодействия. Почему одинаковый набор генов ведет к совершенно различным результатам?

Может быть, при делении на соматические ряды эмбриональные клетки последовательно теряют часть генов (как это случается с эритроцитами, которых и клетками не назовёшь) и предрешают этим дальнейшее развитие в противоположных направлениях? Какое там!

Если разделить клетки первого-четвертого деления эмбриона, оставив их в матке, вырастут однойцевые близнецы, двойни, тройни и т. д. Почему же они, будучи самодостаточными, не делают это каждый раз, а развиваются в подчинении общему? Ещё более удивительным является тот факт, что даже не способные к делению соматические клетки содержат полный состав исходных генов. Если пересадить ядро вроде уже ни к чему другому не способной клетки кожи в яйцеклетку, лишённую ядра, из нее возникает полноценный организм. Именно так производится клонирование животных. Вне такого вмешательства к самостоятельному развитию способная клетка кожи покорно отшелушится через несколько дней. Почему клетки организма, несмотря на идентичность генов, ведут себя по-разному, и в то же время строго по необходимости? Может, в них накапливаются вещества, мешающие активации определенных генов? И это не так. Если пересадить у эмбриона группы клеток с одного места на другое, они меняют свою ориентацию, несмотря на предыдущие шаги. Если удалить немного эмбриональной ткани, она некоторое время продолжит делиться и отомрет. Если количество оставшейся эмбриональной завязки достаточно велико, то отдельные клетки перегруппировываются, образуя цельный организм. Клетки, первично предназначенные для формирования кожных покровов, развиваются в нервные клетки; конечности образуются из зачатков глаз. Оставшейся эмбриональной массе либо удастся перестроиться в полноценный организм, либо зачаток погибает. Изолированный зачаток ноги не станет ногой, а головы – головой, это они могут сделать только в составе тела. Получается, что при развитии каждая клетка ищет соответствие не только со своими соседями, определяющими ее обмен веществ, но и исходит из предназначения в невидимом для неё целом. Откуда это единодушие, взаимозаменяемость и

дополняемость? Чем обусловлена разнонаправленность указаний одних и тех же геномов? Как при этом достигается определенность результатов? Для понимания не нужны молекулярно-генетические детали. Любой пользователь библиотек легко найдёт ответ. Давайте поможем ему.

Гены и книги

На вид книги - это длинные ряды знаков. Посетители библиотек интересуются не этими цепочками, а тем, что в них закодированном. Первое посещение поражает неподъёмным объёмом увиденных документов, вызывает растерянность. С чего начать, за что взяться? Уже после первых дней приходит уверенность, спокойствие и прозрение. Что с того, что всё не прочитать, этого и не нужно. Хватит усвоить важное, ограничиваясь самым ценным на данный момент. Сотрудники библиотеки помогают пользоваться индексами, каталогами, картотеками, рекомендуют определенные жанры и даже отдельных авторов. Что бы они ни говорили, направление задает читатель. Он изучает, оценивает и составляет материалы для прочтения, исходя из своей профессии, опыта и актуальных задач. Ища ответы, он бродит по залам, спрашивает, роется в указателях, берет в руки то одно, то другое произведение, поверхностно перелистывает, подолгу задерживается на некоторых местах, ставит галочки, чтобы позже быстрее найти знаменательное, делает выписки и копии, обращается к авторам, издательствам и книготорговцам, собирает собственную коллекцию книг. Расположение символов, слов и глав в текстах, размещение книг на полках и в личных записях регулируют удобство обхождения с содержанием. Их построение важно, но не определяющее. Книги не приказывают, никого и никуда не гонят, они хранят ответы.

Геномы - это библиотеки клеток. Клетки читают гены так же, как люди книги. Они тоже бессильны сразу объять, прочесть и воссоздать всё написанное в геноме, они вынуждены переходить от одного участка к другому. Тот факт, что за событием А следует событие Б во время активации гена, не означает, что А определяет Б и что последовательность не может быть изменена. Как и что читать, определяет опыт в обхождении с материалом. Генетические знания делятся также на отдельные предложения, абзацы и главы, на цельные тематически сгруппированные разделы. Они следуют друг за другом; дидактически связаны, чтобы проще раскрывать своё значение. Их строгое расположение не означает неизбежность порядка прочтения, а обобщает удобство усвоения. Клетки выбирают из библиотеки генома то, что лучше всего подходит для конкретной ситуации. Хотя выбор «за» и «против» дело самой клетки, возможности для принятия решений не допускают отклонений от доселе целесообразного в эволюции. Клетка просто не может найти того, чего в геноме для данной ситуации нет, и не может прочесть то, что для нее не было написано. Именно поэтому ни Сфинкс, ни Пегас невозможны в результате генных манипуляций. Нет, не потому, что нельзя составить всевозможные указания из известных генных букв, слов и предложений, а из-за того, что такие комбинации до сих пор не использовались. Эволюция не нашла места химерам, поэтому об этом не написано книг.

Если мы хотим понять гены, мы должны обратиться к их содержанию, связанному с развитием. Содержание генов завязано не на буквы, а на предыдущий уход с ними в определенном контексте. Одни и те же буквы, слова, предложения могут означать разные вещи. Одни и те же события могут быть вызваны разными способами и активацией разных генов. Слова, как и гены, – лишь конспекты когда-то опробованных возможностей. Чем богаче багаж зафиксированных возможностей, тем пластичнее, несмотря на непреклонность, информационный посыл генома.

Я уже слышу вопль Дарвиниста. Как можно сравнивать геномы с книгами! Организм может читать и копировать свои гены, но не может их изменить. Пусть он разборчив в том, что читает, он может только слепо следовать приговорам. Пусть некоторые клетки могут переставлять и подправлять свои гены, а толку что? Любые прижизненные изменения клеток тела не затрагивают зародышевые клетки зачатия, и передача по наследству исключена. Напротив, книги — это творчество автора, несущего в массу содержание, свободно изложенное им.

Эта аргументация составлена из салата несвязанных понятий. Она сравнивает телегу с лошадью, вагон с локомотивом. Всё-таки подвижные средства как ни как. Давайте разберемся, что к чему.

Книжное дело объединяет творчество и печать. Жизнь эукариота - зачатие и рост. Адекватному сравнению подлежат только творчество с зачатием и книгопечатание с соматическим ростом. Оригинал и копии сравнению не подлежат.

В средние века книги переписывались от руки. Часто, знак за знаком, текст срисовывали анафобеты. Грамотных было мало. Закрадывающиеся ошибки переходили, множась, в последующие копии. Даже если при срисовывании призыв «радостно женить» - *celebre* - случайно превратился в «целибат» - *celibat* - и наломал порядком дров, ничего путного, а тем более новых произведений, не выходило. Книгопечатание сохранило суть копирования, не затронув содержание. Любые изменения первоначальной последовательности знаков были не желательны. Копирование книг не предполагает восприятие их содержания.

Автор работает иначе. Свобода свободой, но в выборе слов он ограничен существующими выражениями и вынужден пользоваться ими. Иначе его никто не поймет. Словарный запас - коллективное творчество человечества. Отдельный человек не создаёт, а приобщается к нему. В процессе приобщения он переживает закодированное содержание лексики предшественников, проверяет его, отбирает одно, отбрасывает другое, иногда решается на непроторенное, но по аналогии или созвучию понятное. Все это напоминает поиски отдельных эмбриональных клеток оптимального содержания в их геноме. В какой-то момент на взлете вдохновения человек решает написать свою собственную книгу. Как эта книга написана (от руки, на машинке, компьютере или планшете) не важно, не важен даже язык, но с её созданием она становится общим достижением человечества. Через увеличительное стекло собственного взгляда автор переплавляет знания человечества, созидая новое содержание и приобщая его к сокровищнице разума. Писатель не переживёт свою книгу, да она и не посвящена ему, а обращена к будущим поколениям, начинающим там, где его жизнь оборвется.

Вернемся к генетике эукариотической клетки. И здесь творчество и воспроизведение строго разделены. Унаследованные гены неприкосновенны. После преодоления множества трудностей и препятствий, опираясь на генетически фиксированный опыт предков, на пике возможностей особь переходит к созданию новой жизни уже на её собственный, проверенный в предыдущих испытаниях лад. Для этого, подобно принцу в «Золушке», особь ищет достойного и отвечающего взаимностью партнера. В празднике любви взаимного оплодотворения, гены обоих партнеров объединяются, смешиваются и перестраиваются с целью зачатия. То, что возникает при зачатии, не служит родителям и не копирует их, а созидает доселе небывалое. Каждое зачатие своей новизной обогащает вид. Не каждому дано зачать и вывести в жизнь, создать и оставить потомкам творение, но каждый такой акт подытоживает целенаправленный выбор родителей, оправдывающий всю их предыдущую жизнь. Последующий

клональный рост, как и книгопечатание, увеличивает массу возникшего, защищая от непредвиденных поворотов не особо разборчивой судьбы. Жизнь использует любую возможность, чтобы зацепиться и продвинуться вперед. Приумножение и зачатие при этом идут рука об руку.

Созидательные возможности взаимо-оплодотворения колоссальны. Год за годом скрещивание создает на наших глазах животные расы и сорта растений с небывалыми свойствами. Откуда берутся гены, для признаков которых в эволюции сочетаний нет и не было?

Как новые книги не требуют новых слов, так и для новых признаков не нужны уникальные гены. Достаточно иначе использовать существующие знаки, передавая с их помощью новое содержание. Примеры бесчисленны и вездесущи. Мы говорим о рукописях, хотя уже мало кто пишет от руки, а стучит по клавишам. Но разве не странно: по клавишам не пианино, а клавиатуры, у которой вообще-то клавиш нет. Рубль когда-то отрубали от бруска, но никто не спотыкается на слове рубль, пересчитывая «наличку», на которой правда ещё есть «лицо», если нет герба или решки.

Обозначения слов или генов часто потеряли всякую связь с практикой их первоначального использования. Тем не менее, мы безошибочно интерпретируем их, поскольку иного использования им не дано. Из описания они стали обозначением, понятным только в определенном контексте. Для любого содержания найдется неиспользованный символ, не оставляющий места для произвола, если его поставить на правильном месте в правильном описательном контексте.

Большая часть генофонда, как и словарного запаса, состоит из комбинаций знаков, которые когда-то были введены, сформированы и использованы для определенной цели, но больше не применяются в первоначальном значении. Часто они вообще больше не используются, а просто отложены где-то в углу. Разнообразие невостребованного позволяет записывать новое, не переписывая и не умаляя того, что уже есть. Люди, обращаясь со своими одомашненными растениями и животными, не изобрели оплодотворение, а попросту переняли, как и многое до них, из обыденного арсенала эволюции. Задолго до человека насекомые оплодотворяли цветущие растения под себя, покрыв голые степи колышущимися травами, а те, в свою очередь, перекраивали насекомых. Всё живое тесно переплетено. Суть взаимо-оплодотворения – поддержка новшеств, облегчающих совместное будущее. Социальный Дарвинизм и фашизм тоже не новы. Хотя и они вроде призывают к отбору, интерпретируют его как борьбу за выживание, направленную не на взаимное улучшение и освоение прежде неподвластных территорий и обстоятельств, а на уничтожение всего противоборствующего в жизненном пространстве, выбраться из которого им не дано. Их эволюция сводится к продавливанию своей исключительности. Дарвинизм – это банальная апология клонального роста, не признающего, да и не знающего ничего иного кроме себя. В последовательности и постоянстве неприятия ему нет равных. На этом, впрочем, его преимущество и исчерпывается. Взаимо-оплодотворение сексуального зачатия работает не на время, а на совесть, не выкладывается в спринте и, тем ни менее, обходит на дальних дистанциях преждевременно измотанную клональность.

Некоторые из высших видов, особенно среди растений, утратили способность к половому воспроизводству и размножаются клонально. Хотя мы не можем точно сказать, когда это произошло. Ни один из асексуальных высших видов не возник обособленно. Все они отделились от видов, размножающихся половым способом, потеряв способность к скрещиванию, но сохранив самостоятельное размножение. Отделение не могло произойти давно, потому что бесполое виды сохраняют все половые признаки их предков, хотя они им из-за непригодности одна обуза. Ни у одного из этих

видов, видимо, не хватило времени на самостоятельное развитие. Очевидно, в эволюции такие события происходят регулярно, но ведут в никуда, снимая претендентов с беговой дорожки. Замена взаимо-оплодотворения копированием позволяет сосредоточиться на размножении, адаптации и ожесточенном выбивании менее приспособленных конкурентов, но не оставляет шансов при малейшей смене условий бега. Адаптация сортирует и гипертрофирует имеющееся, принципиально новые гены и комбинации при этом не возникают. Наоборот, всё, вроде ненужное, летит за борт. Успех такого заострения эфемерный, несмотря на временами огромное распространение асексуальных клонов. Все они гаснут, как выгоревший фитиль. Речь при этом идет о каких-то сотнях и тысячах лет – ничтожное с точки зрения эволюции время. Человечество присутствовало и болезненно зарегистрировало множество таких угасаний, не в силах что-либо при этом изменить.

Многие из успешных клональных линий картофеля, сортов винограда, выведенных асексуально, например, благодаря саженцам, побегам и росткам, исчезли за последние 500 лет истории человечества драматическим образом, после того, как они завоевали целые регионы и континенты. Весь урожай гнил, а растения чахли по различным, вроде не связанным, и, тем ни менее, везде и почти одновременно происходящим причинам. Несмотря на все усилия, исчезновение клонов было неудержимо и приходилось возвращаться к взаимо-оплодотворению их ещё оставшихся сексуальных предков. Завязанные на плодородность этих культур народы неизменно страдали. Население Ирландии сократилось на 20% из-за картофельного мора в 1847 году. Шрамы схожих происшествий по всему миру болят до сих пор и не позволяют забыть происшедшее.

Человек, как биологический вид, тоже снова и снова пытался отбросить взаимность, сменив её исключительностью. Преимущества богатства и власти позволяют не считаться ни с чем. Желание остановить мгновение выстраивает стены с бойницами. Монархия, олигархия, расизм, Дарвинизм, национал-социализм мечтали обособиться, ничего ни с кем не делить, и потерпели фиаско. Биологические науки современности, пользуясь тем, что в молекулярной генетике мало кто разбирается, обещают то, что не удалось социал-дарвинизму и фашизму. По ним, превосходство не нужно развивать, а только показывать. К чему работа над собой - плати и бери по карману, всё что хочешь, позволяя богатым стать богаче, красивым – прекраснее, а могущественным – ещё более могущественными. Во истину, на дурака не нужен нож!

Считывание и сравнение полных геномов сегодня не проблема, как и синтез последовательностей в желаемом порядке. Можно внедрить любые гены в геном клетки. Однако такие клетки не вписываются в цельный организм, и ведут себя в нём, как рак, поскольку их новые свойства не согласованы с соседями. С этим ничего нельзя сделать. Многоклеточный организм - это объединение клеток с одним геномом. Однако нервные клетки с одними и теми же генами ведут себя иначе, чем клетки глаз, крови или кишечника. Способность к дифференцированной интерпретации достигается за счет длительного и тщательного согласования всех деталей взаимодействия в процессе ко-эволюции. При смене роли отдельных участников, без соответственного изменения остальных, всякое взаимодействие теряет смысл, и целостный организм распадается на независимые, т.е. раковые, преследующие их собственные интересы, линии. Решающим в организме являются не отдельные супер-гены, а то, что присутствующие гены могут быть в любой ситуации и стадии развития целесообразно интерпретированы всеми без исключения участниками объединения. Такая отточка возможна только в ходе самостоятельного развития, жизнедеятельности и эволюции организмов.

Страхи опоздать на распродажу генов разума, здоровья и красоты беспочвенны. Эти

дары не продаются. Самореализация - единственный способ совершенствоваться. Только она позволяет всем клеткам тела проверить пригодность, значение и скрытые возможности их геномов.

ЧАСТЬ IV

ЭВОЛЮЦИЯ

Эго и эрос

«Я - часть той силы, что всегда творит добро, желая всем вреда»

В каждом противоборстве зреет семя как совершенства, так и провала. Жизнь никогда бы не вышла за пределы примитивных химических процессов, если бы она постоянно прерывалась и была вынуждена начинать всё сначала. Поэтому эволюцию невозможно представить как историю развития одного единственного живого существа. Благодаря распределению стремления на многие независимые единицы, общая задача эволюции жизни перекладывается на плечи миллиардов живых существ. В этой вычурно переплетенной паутине гибель и неудачи отдельных существ болезненны, но не критичны. **Эгоизм** - это ответственность, ориентированная на успех, ограниченный генетическим опытом собственного развития. То, к чему этот опыт не имеет доступа, включая гены материнских и родственных клеток, не учитывается. В соперничестве за ресурсы эгоистичные интересы сталкиваются. **Антагонизм** отталкивает схожие по жизнедеятельности существа, разводя на расстояния, не дающие им пересекаться. Волны, поднимаемые размножением, равномерно расталкивают организмы по доступному миру, ускоряя лавину колонизации с каждым делением.

Дивергенция

При полном захвате пригодных мест обитания антагонизм выдавливает прирост в приграничные, не столь благоприятные, зачастую враждебные для жизни районы. Даже если первые волны миграций бесследно канут, заготовки неудавшихся колонизаций помогут последующим новичкам зацепиться в новых условиях. Постоянное пополнение поколениями, выдавленными из центра размножения, помогает преодолеть проблемы адаптации. Позже с удержанного плацдарма отвоевываются новые места обитания. Чем дальше колонисты проникают на целину, чем дольше они остаются там, тем больше их потомки теряют признаки и особенности своих предков, и тем больше они приобретают новые навыки, необходимые для выживания в новых местах обитания. Это приобщение происходит под сильным экзистенциальным давлением. Новое не просто добавляется к уже существующему, а вытесняет, замещая, старое. Хотя такая замена не обогащает отдельный вид, оставшийся односторонне адаптированным только к определенным условиям, жизнь в целом становится более разнообразной и независимой от ограничений единственного жизненного пространства. Вместо того, чтобы объединять все полезные качества в одном живом существе, эволюция распределяет их между разными видами и при этом стремится к максимальной эффективности в каждом случае. В ходе дивергенции разнообразие и различия между отдельными видами непрерывно растут.

Взаимосвязь

Пересечение одинаковых интересов приводит к зависти и конфликтам. При встрече существ с не совпадающими интересами, вместо соперничества может возникнуть дополняющее и поддерживающее друг друга сотрудничество. Взаимоисключение (эго) обогащается притяжением и включением нового в сферу своих интересов (**эрос**). Противоположность Эроса и Эго кажущаяся, оба служат одной цели. Эгоизм

отталкивает то, что мешает друг другу. Симпатия привлекает то, что дополняет.

Общее и своё

*«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...»*

Жадность, коварство и властолюбие правят людьми, кто служит этим идолам, преуспевает. Иные не жильцы.

Ясно и доходчиво!

Странно, но если это так, то почему в дикой природе все иначе? Когда я весной заглядываю в дождевую бочку на краю сада, то вижу толстый желтый слой, плавающий на поверхности. Пыльца, приносимая ветром с трав и деревьев, превращает кристальные капли дождя в густую жижу из семян. Осенью земля покрывается пёстрым ковром из красно желтых яблок и груш. Там, где идёт дождь и светит солнце, всё растёт, зеленеет и цветёт. Нет ни одного свободного пятнышка, не тронутого любовью. Трудно найти подлость в природе. Является борьба самцов за признание самки проявлением ненависти? Выражает ли саранча, опустошающая поля, коварство и властолюбие? Что-то не очень.

Почему у людей иначе? Откуда впечатление, что за всем человеческим стоят не тепло, привязанности и симпатии, а запугивание, унижение, обман и подлость? Разверните газету или пройдитесь по новостям. Ложь и насилие. Подлость вездесуща и торжествует. Любовь или продажна, или поправа и нага. А теперь бросьте взгляд за окно. Там кулисы, и постановка другая. Вид улицы успокаивает и исцеляет. Пешеходы спешат по делам, мама толкает коляску, девочка играет с собачкой, пожилая пара неторопливо бредёт, студент читает книгу, устроившись на скамейке, молодые люди хихикают, переговариваясь друг с другом и с невидимыми в смартфонах собеседниками, трамвай выскрипывает мелодию под аккомпанемент машин, откуда-то доносится колокольный звон.... Жизнь прокладывает себе путь, течёт, творит, не обращая внимания на новости, дескать, мы все завтра умрем, и выигрывает, какой бы злобной ни была кипящая в подворотнях ненависть. Два мира, какой из них верен? Откуда представление, что зло всесильно? Чего достигла подлость? Где её проспекты, здания, сады? Кто говорит, что подлость вездесуща и непреодолима? Что это за вездесущность, которая с сегодня на завтра растворяется в ничём, хоть пару дней до этого чванилась бессмертием? Да, злоба лезет во все, во все вмешивается, но при этом не замечает решающих исторических смен и беспомощна перед лицом будущего? Какова иная цель самовосхваления зла, кроме сокрытия собственной никчемности? Запугивание? Чьё? Соблазн? К чему, зачем?

Черные точки стервятников равномерно распределены по небу. Их зоркие глаза ревниво следят за огромными территориями под ними и друг за другом. Исчезновение соседа – сигнал цепной реакции. Там что то есть. Нужно присмотреться. Все больше и больше стервятников подлетают, что же тут происходит, и они задерживаются, если падаль есть. Чем обширнее «дыра» в небе, тем сильнее притяжение к ее центру. Гиены следуют за стервятниками. Антилопы, журавли и голуби держатся подальше. Опустевший район неба показывает объём падали, а также местность, куда не следует соваться, чтобы избежать схожей судьбы. Именно по этой причине, «только плохие новости – хорошие новости». Они затрагивают более широкий круг и, обладая ничтожной собственной ценностью, лучше продаются.

Показная напыщенность и напористость зла имеют ещё одну цель - обвести конкуренцию и обогнать разложение. Вокруг падали царит суматоха. Львы, стаи гиен, стервятники, жуки-падальщики, навозные мухи, гнилостные грибки и бактерии пытаются опередить друг друга. Все толкаются и спешат, чтобы ничего органического не пропало зря.

Творчество не любит ни спешки, ни показухи, ни отпугивания. Запах разложения жжет и колет. Цветы симпатии ароматны и красочны. Созидательному чужда навязчивость. Любовь живет радостями. Она не втирается, а хочет, чтобы её оценили и открыли. Только так она может найти достойное себе. Яблоня цветёт, не считая, сколько её цветков превратится в плоды и новые деревья? И что яблоне от этого вроде бы бессмысленного цвета? Ничего и очень много. Её цветение – это торжество, весомо несомое на широко раскинутых ветвях.

Сколько человеческих стремлений достигает цели? Сколько деяний приживается? Немного. Какая выгода создателю от его творений? Истинная награда — это само произведение. А что же с не зачавшимся изобилием? Корм для хищников и паразитов всех видов (от очень крупных до микроскопических), удобрение для будущих посевов. А если трезво, какие у любви и взаимности преимущества перед эгоизмом?

Разве всё не говорит о том, что взаимность – пустая трата? Эгоисту не нужно ни с кем ничем делиться, ни о ком заботиться и ни на кого не оглядываться. Он знает, чего хочет и пользуется обстоятельствами по своему усмотрению. Взаимность посвящена другим, делясь своим и ограничивая себя дополнительными обязательствами. Чужая голова потемки. Как можно доверять другим, не зная каким образом они этим воспользуются. Несмотря на кажущиеся недостатки, корпоративные сообщества возникли и существенно потеснили индивидуалистов уже в самом начале эволюции. Наиболее впечатляющими представителями таких корпораций стали строматолиты. Строматолиты – это колонии неродственных друг другу и тем не менее тесно взаимодействующих микробов. Два миллиарда лет назад колонии строматолитов достигали размеров 10 метров и оставили окаменелые свидетельства своего величия на всех континентах. Таких гигантов невозможно не заметить.

Взаимность

Кабан денно съедает: 20 кг сладкого картофеля, 20 кг моркови, 20 кг свеклы, 10 кг желудей, 10 кг грецких орехов. Посетитель удивлённо спросил служителя зоопарка: «Это правда? Кабан и в самом деле всё это ест? Съест то съест, но откуда кабану это взять!»

Эго – это заикливание на своих интересах. В пустоши преимущество эгоизма неоспоримо. Организмы сталкиваются и расходятся, равномерно обустроивая мир. Тот же антагонизм в переполненном жизненном пространстве сводит все преимущества эгоизма на нет. При нехватке ресурсов всякая борьба вызывает равное противодействие, взаимно умаляя и так уже ограниченные возможности. Выкладываясь по полной, организмы фактически удавливают друг друга.

В тесноте сотрудничество и разделение усилий, наоборот, позволяет преодолевать препятствия и завоевывать жизненные пространства, не доступные и неподъемные для каждого отдельного существа. Быть зависимым – что это значит? Производитель автомобилей зависим от нефтехимика, производств топлива и масел, лаков, покрышек, пластмассы, тканей, от сталелитейщика, строителей дорог и инфраструктуры. Кустарь,

лепящий свои шедевры в гараже из того, что бог послал, может быть, и более независим в выборе, но и более ограничен в возможностях.

Эгоизм и взаимность - не вопрос морали или желаний. Взаимопомощь позволяет делать то, на что индивидуум не способен. Найти себя - это значит найти свою любовь, соратников и друзей.

РЕВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООПЛОДОТВОРЕНИЯ

Предпосылка содружества - взаимообогащение. Скажем, один микроорганизм связывает энергию света, превращая углекислый газ в углеводы, и выделяет при этом кислород, но нуждается в белках. Другой превращает азот и углеводы в белки и потребляет кислород. Повстречавшись, они предоставляют друг другу важные субстраты, за которыми отныне не нужно гоняться, и стремятся эту близость сохранить. Интенсивное связывание CO₂ вызывает кристаллизацию кальция. Нерастворимые соли кальция цементируют микробный конгломерат с каменным ядром в центре, вокруг которого содружество постепенно разрастается до огромных строматолитов-рифов.

Внутри корпорации не все способности одинаково затребованы. Хотя каждый член сообщества сосредоточен только на себе, он волей не волей специализируется на процессах, предоставляющих сообществу максимальную выгоду. В черед поколений многие необходимые для самостоятельного существования свойства длительно не востребованы и атрофируются. С их потерей жизнь вне сообщества становится невозможной. Изменяются и отношения внутри сообщества. Рост одного партнера без соответствующего роста других становится разрушительным. Взаимо-регулирование ужесточается, наоборот, чуждые взаимодействию препоны устраняются. Сообщество все больше сливается в один единственный сверхорганизм – эукариот. От бывших независимых участников остаются только отдельные части, сведенные к органеллам: ядру, митохондриям, хлоропластам, пероксисомам, цитоплазме и мембранам.

Превосходство эукариота над бактериями огромно. После миллиардов лет устойчивой тенденции к росту строматолиты исчезают эдак полтора миллиарда лет назад. Их съели эукариоты. Бактериальные сообщества выжили, но уже не образовывали колоссов, а перебрались в складках Земли. Эукариоты образовали всё видимое разнообразие существующих высших организмов. Не менее разнообразные бактерии вернулись в микромир и были замечены только с изобретением микроскопа в 1683 году.

Можно подумать, что слияние многих микроорганизмов (прокариот) в один сверхорганизм (эукариот) и его победа в последующей эволюции доказывают превосходство индивидуума над объединением, одного голоса над многоголосьем. Это не так. Потому что настоящая сила эукариота не в подчинении всех компонентов единой воле, а в еще более высокой степени взаимопроникновения – половом зачатии.

Гармония и диссонанс

Если отвлечься от деталей, причиной любого объединения является расширение навыков и возможностей. Но с усложнением взаимодействий интеграция новых навыков всё труднее. Координация двух - трёх организмов довольно проста. Каждый, заботясь о себе, служит общему благу, живет и погибает сообща. Присоединение каждого новичка к существующему сообществу вынуждает не только согласовать, но и пересмотреть целесообразность всех предыдущих взаимоотношений. Пришелец (бактерия, вирус, плазмид) вовсе не обязан разделять общие ценности и судьбу. Инфекции – это объединения, при которых выигрывает только один участник. В краткосрочной

перспективе возбудитель прикидывается полезным для сообщества, внедряется в него, проникая в области, где он может бесконтрольно размножаться, разрушая сообщество, чтобы снова рассеяться в окружении, ища простаков. Для сообщества важно обнаружить и обезвредить подвох до своего разрушения. Выстраивается многоуровневая защита. Важные области генома унифицируются, а доступ к ним перекрывается. Критические данные видоизменяются так, что их шаблоны можно свободно копировать, но не переписывать. Жизнедеятельность вместо оригиналов получает рабочие копии наставлений. Их потеря или видоизменение не критичны, пока существует оригинал. Такая защита обуславливает устойчивость, но в то же время и косность. Лавинообразный рост требований к защите вынужденно тормозят эволюцию и препятствуют нововведениям, практически перекрывая прогресс.

Но жизнь нашла выход. Внутривидовое половое зачатие объединило несовместимое, аккуратно разделив защиту и новаторство, индивидуальность и видоизменение, и в то же время неразрывно связав их.

Оплодотворение

Половое размножение сочетает в себе два разных процесса: клонирование стволовой клетки с идентичными генами и зачатие новых типов стволовых клеток путем слияния разнородных клональных линий со смешиванием и перераспределением их генов.

Клональное размножение

Гены эукариотов хранятся в хромосомах. Набор хромосом – это свод предписаний, регулирующих жизнедеятельность от происхождения до клонирования. В процессе роста хромосомы копируются под оболочкой выросшей, но ещё единственной клетки. Для предотвращения разночтения, только материнский набор задействован, возникающие копии до поры инактивированы. Клеточное деление завершает рост, копии хромосом распределяются по дочерним клеткам и только теперь активируются. Цикл от роста к размножению начинается заново. Происходящие в геноме изменения отбираются и распространяются в потомстве только линейно. Процесс изменений медленен, но постепенно приводит всё к большему расхождению признаков независимо размножающихся клонов-линий.

Простое оплодотворение

Оплодотворение ничего не приумножает. Напротив, две отдельные стволовые клетки одного и того же вида, но разных клональных линий, сливаются, образуя двойную клетку или зиготу. Целью объединения является взаимное расширение генетического опыта. Теоретически уже само сложение геномов обогащает. Фактически это делает генетические предписания противоречивыми. В самом деле, каким из наборов хромосом должна клетка пользоваться в каждом конкретном случае. Во избежание двусмысленности, но не отказываясь от взаимообогащения, оба набора хромосом объединяются во время зачатия, их гены взаимно размениваются на одинаковых участках, после чего гены упаковываются в два полных, но уже обновлённых, взаимно оплодотворённых наборов хромосом. Зачатые таким образом геномы уникальны и отличны от родительских наборов. Их распределение на независимые клетки завершает процесс. Теперь они могут клонально размножаться, подтверждая или опровергая преимущество нового творения.

Жизненный цикл низших половых организмов включает размножение, распространение,

линейное расхождение отдельных линий стволовых клеток, последующее спаривание дальних родственников, горизонтальное смешивание наборов генов и зачатие принципиально новых стволовых линий с доселе небывалыми наборами хромосом.

Синхронизированное зачатие

Специализация обогащает разнообразие, но и затрудняет взаимопонимание.

Теоретически, чем больше диверсификация между скрещивающимися линиями, тем инновационнее взаимо-оплодотворение. С другой стороны чем глубже различия, тем реальнее опасность того, что гены противоположной стороны могут быть неправильно или вообще не поняты после обмена. Чтобы избежать непонимания, высокоразвитые виды синхронизируют геномы до смешивания генетического материала. После слияния родительских клеток-гамет в двойную клетку-зиготу родительские хромосомы не скрещиваются, а принуждаются сначала совместно пройти все участки жизненного цикла и клонально размножиться, оставаясь в спаренном, но еще не скрещенном состоянии. В результате двойной набор хромосом синхронно читается и копируется несколько раз, квази одним и тем же исполнителем, в разных условиях и в разных обстоятельствах, подтверждая совместимость и исключая вероятность неправильной интерпретации. Принцип предварительного тестирования настолько себя оправдал, что все стволовые клетки высокоразвитых видов содержат два родительских набора хромосом, т. е. диплоидны (лат.). Для предотвращения конфликта при клональном размножении диплоидных клеток активируется только один из парных наборов хромосом на клетку, другой набор остается безгласным и не вмешивается в процессы жизнеспособности. Часто многоклеточный организм представляет собой химеру из клеток, в части которых активирован материнский, а в части отцовский геномы. Правило: одна клетка – один действующий набор хромосом соблюдается, как и раньше. Таким образом, дети высших видов, включая людей, не являются синтезом родительских наборов генов, а представляют собой сосуществование и перепроверку пригодности наборов прародительских генов бабушек и дедушек. Ребёнок растёт, проходит детский сад и школу жизни, испытания горем и радостью, и только после успешного завершения этих, обоими геномами совместно выдержанных экзаменов, приступает к зачатию. Парные наборы хромосом диплоидной клетки смешиваются, разделяются и упаковываются по одному в гаметы сперматоцитов или яйцеклеток. Оплодотворенные скрещиванием родительских геномов гены будут использованы только у внуков – истинных детей высших организмов.

Пол

Геномы зачаточных клеток высших видов не пригодны для самостоятельной жизнедеятельности. В принципе размножаться они могут, например, при герминальных опухолях – особенно агрессивных видах рака, но их размножение у здоровых организмов заблокировано. Блокировка роста снимается при их доукомплектовке до диплоидной зародышевой клетки-зиготы. Блокировка предотвращает размножение до спаривания. Однако по-прежнему существует риск, что зачаточные клетки сольются друг с другом сразу после высвобождения и образуют зиготу среди «равных», вместо того чтобы искать дальних родственников. Их местная близость именно это и провоцирует. В результате такого смешения построение генов меняется, а вот обогащения и обмена опытом не происходит.

Разделение организмов на мужской и женский пол предотвращает автогамию. Мужские организмы производят исключительно мужские, женские – исключительно женские

половые клетки. Анатомия мужских и женских гамет меняется таким образом, чтобы зачатие между гаметами одного пола стало уже механически невозможным.

Половое разделение вынуждает искать дополнения вместо повторения, но вдвое сокращает количество партнеров, чьи клетки зачатия могут объединяться друг с другом. В случае высокой плотности популяции это не актуально. Но что, если противоположности не встретятся в океане или в пустыне? Что если возникнет серьезная диспропорция между полами? Для таких ситуаций эволюция смягчила правила разделения полов, разрешив, например, альтернативу самоопыления для растений-пионеров, регулярно проникающих в пустынные районы. Другим послаблением являются механизмы прижизненной смены пола. Последняя совершенно безобидна, поскольку зачаточные клетки одного из родителей тем не менее всегда принадлежат к одному полу и не могут спариваться друг с другом. Особенно в начале эволюции, когда Земля была малонаселенной, способность смены пола была незаменимой и широко распространенной. Многие виды растений, рыб и даже рептилий до сих пор могут менять свой пол. У людей и млекопитающих в целом эта способность полностью потеряна и напоминает о себе только атавизмом гомосексуализма.

Созидательный прорыв

На первый взгляд довольно простая схема полового оплодотворения имела грандиозные последствия. Разберемся в чем именно.

A posteriori вместо **a priori** - лучше знать, чем ломиться

При бесполом размножении каждое изменение генетической информации не обжалуемый приговор. Новшества необходимы, но они и рискованны. После переписывания генов, возврата к старым шаблонам нет, и остаётся только смириться с потерей и приобретением. Чем сложнее жизнь, тем более серьезные последствия может означать даже малейшее отклонение.

Клетки зачатия высоко специализированы, их жизнеспособность заточена на оплодотворение. Остальные задачи выполняют родители. Родители создают предпосылки, обустривают жизненное пространство, ищут взаимопонимание, влюбляются, растят, охраняют и заботятся о будущем благополучии своих подопечных. Ошибки завершаются бесплодием, успехи - потомством. Игра полов выстраивает многоуровневые механизмы защиты, поддержки и тестирования начинаний, исходя из реальных заслуг и успехов родителей, а также способностей их детей.

Преимственность

Бесполое размножение притирает гены текущим потребностям: целенаправленно, например, посредством ферментативного мутагенеза определенных генов, или не целенаправленно посредством случайного переноса плазмид и вирусов. Цель - оптимум между новшествами и безопасностью.

Изменчивость различных участков генома бесполой линии не одинакова. В некоторых областях, таких как устойчивость к антибиотикам, геном чрезвычайно пластичен, в других, например, таких как структура рибосом, – он чрезвычайно консервативен. Опыт накапливается линейно, разветвляясь, но не улучшаясь автоматически. Мир сложен и изменчив. Бесполое размножение приспосабливается к обстоятельствам, удерживая полезное и отмежёвываясь от излишнего. Невоспользованное переписывается в процессе

адаптации и теряется. Иногда сегодняшнее преимущество оборачивается неудачей в будущем. Маятник обстоятельств своеволен. Обстоятельства могут легко вернуться к исходному состоянию, а вот измененные гены этого сделать не могут. Произошедшее не подлежит зеркальной переписи. Потерянное должно быть выработано заново, и успех возобновления не предрешен. Часто банально не хватает времени.

На помощь приходят разнообразие, число и география расселения прежних копий. При достаточной массе и разнообразии потомков в каком-нибудь уголке вполне может обнаружиться осколок, сохранивший неизменным первоначальный генотип. Судьба, обрушиваясь на выскочек, благоприятствует отеснённым, сводя на нет весь промежуточный прогресс. Такое восстановление не сочетается с улучшением линейной цепочки клональных изменений. При репликации лучшее может распространяться только за счет выдавливания менее успешных. Часто для успеха бывает достаточно мелочи, прихоти момента. Уходящие и следующие не могут поделиться опытом. Одну и ту же чашу яда, одну и ту же ошибку приходится повторять вновь и вновь.

Зародышевые клетки половых организмов не принимают участия в жизнедеятельности. Изменения в их генах не могут быть протестированы напрямую, и такая проверка не предусмотрена. Мутации в них могут привести только к уродствам и раку. Поэтому неприкосновенности индивидуального генома отведено первостепенное значение. Накопление опыта у половых видов происходит не методом проб и ошибок, а через целенаправленное созидание будущих поколений. Вся жизнь родителей - это кузница генной инженерии потомства. Чтобы произошло зачатие, необходимо решить множество задач от рождения до создания семьи и воспитания детей. В ходе этого становления проверяется и отбирается лучшее из всего, что вид может предложить. Скрещивание и зачатие подводят знаменатель под разнонаправленные попытки успехов и поражений. Каждый организм состоит из половинок своих прародителей, которые, в свою очередь, несут половинки прабабушек и прадедушек. При зачатии гены не передаются, а смешиваются, объединяя весь вид в одно целое. Отдельные, в этот раз почему-то не востребованные, качества, не исчезают, а сохраняются в видовом разнообразии. При неожиданных поворотах судьбы они оказываются затребованными и, скрещиваясь, присоединяются к созиданию будущих поколений, обогащая их.

Изобилие созидания

Каждое изменение бесполого существа должно быть стоящим и оправданным. Себя не окупающие свойства ложатся дополнительным бременем на и так уже непростое существование и практически не оставляют шансов в условиях конкурентной борьбы. О свободе творчества мечтать не приходится. Шаг влево или вправо несут смерть. Путь - *per aspera ad astra* или «через тернии к звёздам» – закрыт для бесполок существ. Обстоятельства, ведущие адаптацию только в одном направлении, к примеру от рецептора к глазу, в природе не существуют. Для того чтобы глаз смог приносить адаптационную пользу, множество самих по себе бесполезных деталей должны собраться в одном месте в строго определенном порядке, да еще на строго определенном, подготовленном под неизвестную функцию месте. До своего «включения» все вложения в развитие глаза - инвестиционное кладбище. Природа не терпит такого разбазаривания.

Половое оплодотворение происходит не под давлением необходимости, а на подъеме, по большинству уже оцененных успехов и достижений. Судорожное цепляние за былое отсутствует. Влечение к совершенству, к игре с возможностями заложены в колыбели.

Многие из унаследованных свойств не имеют непосредственного значения, существуя как бы про запас. Уже стволовая клетка высших видов содержит два полных набора хромосом, из которых используется только один. Гены в этих наборах не всегда загружены полезной информацией. Они содержат, кроме множества почти не отличающихся копий, последовательности без информации (интроны), служащие, по-видимому, каким-то правилам синтакса. Большая часть генов не используется и сохраняется только на всякий случай в качестве материала для будущих okazji. Поскольку этот избыток генных инструкций затрагивает всех представителей вида, он не критичен для конкуренции, но оказывается решающим для созидания. Изобилие вариаций «не используемых генов» – неиссякаемый источник, из которого половые виды собирают свои творения, не дожидаясь «милости» мутации.

Роль обстоятельств также меняется. При половом размножении судьбоносные события не обязательно должны действовать последовательно на один и тот же организм, чтобы суммироваться. Достаточно, если они произойдут и положительно отзовутся на судьбе отдельных представителей вида. Полезное выдвигает и приводит друг к другу даже во всем остальном совершенно различных партнеров. Вроде, как бы наугад, происходящие встречи приводят при этом к закономерным событиям. Поэтому вопрос о том, какое из нововведений было бы хорошим, не возникает. Потому что, хоть все представители одного вида и могут спариваться друг с другом, но лишь немногим удастся успешно пройти все необходимые для этого испытания. При оплодотворении характеристики партнеров могут быть противоположными во всем, кроме успеха, обусловившего их встречу и праздник любви.

Полеты вместо изнеможения

При бесполом воспроизводстве новое может распространяться только если оно быстрее альтернатив; поэтому организм приступает к размножению, как только он на это способен. Новшество при этом вынуждено противостоять процессами, из которых оно только что возникло. Нетерпимость, ограничение своим преимуществом, каким бы мизерным ни был его вклад, давка, «борьба за выживание» – короче говоря, огромные потери являются неизбежными последствиями.

Половому оплодотворению чужда толкотня. К чему спешка? Зачатие тем многообещающе, чем менее оно навязано и более подготовлено. Поиск партнера посвящён не своей самооценке, а выбору лучшего. При этом успех завязан не на оргию размножения, а на взаимность, взаимодополняемость и поддержку. Никто из популяции не должен умереть насильственной смертью, чтобы дать ход прогрессу. Сосуществование конкурентов даже выгодно, поскольку сдерживает бездарность, связывая её борьбой за собственную исключительность. Только нововведение, избегающее борьбы и не испытывающее давления в своих начинаниях, может привести к зачатию.

Истинная любовь важна не только в сказках. Зачатию важно не повторить, а перерасти себя.

Жажда вечности

Бесполое размножение - это безоглядная гонка. Чем короче жизнь и многочисленнее потомство, тем значительнее достигнутое. Бактерия может делиться каждые 20 минут, если всё есть, или ждать 1000-летия, если чего-то не хватает. Её продолжительность жизни, компромисс между ресурсами и навыками. Продление цикла

размножения не желательно и допустимо только при неизбежности.

С оплодотворением всё наоборот. Размножение половых стволовых клеток - предусловие, не влияющее на геном. Положительные изменения генов стволовой клетки возможны, но не интересны, поскольку в зачатии не участвуют. Решающим для зачатия является, как именно зарекомендовали себя гены родителей. Половозрелость и наличие пищи уже недостаточны, важны время и усилия, вложенные в обустройство будущего на свой, далеко не случайный лад. Отныне успех измеряется не численностью, а увеличением продолжительности жизни, размеров тела и жизненного пространства каждого индивидуального организма. Эволюция ускоряется и насыщается содержанием, порождая гигантов при одновременном численном уменьшении потомства.

Гармонизация многоголосья

Оплодотворение сделало появление многоклеточного организма неизбежным. К этому толкали простейшие оказии. Клетка размножается, её клоны расходятся, натываются на препятствия. Перед препятствием клетки наслаиваются друг на друга по вертикали и переваливают через него. Нижние служат опорой для верхних, но, помогая, оказываются в ловушке безисходности.

С точки зрения бесполого размножения, взаимная поддержка не имеет смысла и не находит повторения. Обойденные не оставляют потомства, их гены исчезают. Честолюбцы, идущие по трупам, в свою очередь, при повторении обстоятельств не найдут среди себя никого, кто бы добровольно уступил проход. Простаки и их гены были устранены на предыдущих этапах. Каждое новое преодоление препятствий закрепляет тенденцию и снижает вероятность самопожертвования. Многоголосый союз, часть которого специализируется на поддержке, а часть на преодолении препятствий, при бесполом размножении не возможен. Выживают только участники с равными условиями размножения. Именно поэтому все бесполое кооперации не продвинулись дальше микроскопических биопленок. Строматолиты достигали десятиметровой величины за счет накопления окаменевшей мертвой массы под миллиметрами по-настоящему живого слоя.

При половом размножения «альтруистическое» отставание отдельных клонов увеличивает шансы стволовой клетки при поиске партнёра и зачатии. Способность к пропуску вперёд, самоотречению, дифференциации необходимые для этого, не вымирают с «самоубийством» этих клеток, а остаются в геноме после преодоления препятствий, и, таким образом, обеспечивают лучшие условия для репродуктивного успеха при следующем зачатии. Ведь при преодолении препятствий предпочтение отдается не особым свойствам выживших клеток-выскочек, а свойствам стволовых клеток, от которых как альтруисты, так и дерзатели произошли. При следующем спаривании сходятся индивидуумы, чьи предки опробовали хоть и отличные друг от друга, но тем не менее успешные стратегии натиска. Жертвование стволовых клеток для обеспечения зачатия выливается во всё более изощренные формы и способности многоклеточных организмов. Медуза «Волосистая цианея» (36 метров), синий кит (33 метра), мамонтовые деревья-секвойи (140 метров), лесные массивы Пандо, представляющие побеги одного единственного дерева (43,6 га), государства термитов и пчелиные семьи являются примерами их крайних стратегий реализации. Жизнедеятельность половых видов больше не предназначена для безудержного размножения, а необходима для подготовки будущего и ведет к увеличению индивидуальной продолжительности жизни в процессе эволюции. Фруктовая муха живёт месяц, крыса два года, мамонтовое дерево от трех до пяти тысяч лет. Мышление

становиться решающей пробивной силой и расцветает в процессе эволюции.

Венец творения

Досексуальные сообщества главенствовали и определяли облик первых четырёх миллиардов лет эволюции и, тем не менее, не сумели выйти за пределы аморфных масс, способных только непрерывно расти и распространяться.

Половое размножение возникло примерно 1,5 миллиарда лет назад, породив за последние 800 миллионов лет огромное разнообразие многоклеточных организмов и связав всё живое в единую биосферу. Взаимовыгодное сотрудничество при этом не ограничилось генотипами отдельных видов и не остановилось перед такими препятствиями как отсутствие физической и даже одновременной деятельности как в случае растений и насекомых, птиц-медоуказчиков и барсуком-медоедом. Целые биоценозы трогаются с места и превращают пустыни в цветущие сады. Микроорганизмы взаимодействуют с многоклеточными организмами, животные с растениями, люди со всем живым, ремесленники с художниками и учеными, политики с гражданами. Не телесность, а способности к взаимопомощи образуют информационные потоки по всей Земле. При этом жизнь все более и более отчётливо проявляет себя как развивающийся разум, почти как по Платону.

ЧАСТЬ V

ДУМЫ И МЕТАНИЯ

Всё гениальное просто!

Интересно, а собственно, почему? Если всё дело в простоте, почему не объявить излияния простофили гениальнейшими из гениальных? Потому что, в отличие от вычурных умозаключений и от предельно плоских фраз, всё гениальное «просто» получается. Простота и лёгкость достигаемого – визитные карточки истины, сложность и запутанность претворения характеризуют тупость, как бы последняя себя не преподносила.

Вроде что с того, вращается ли Солнце вокруг Земли, как это любой может видеть невооруженным глазом, или Земля вращается вокруг Солнца по невидимым орбитам, как утверждают астрономы? Для средневекового странника, глотающего дорожную пыль, разницы нет, а для пилота разница невероятна.

Но стоило ли Кеплеру, Галилею и плеяде других высовываться, сбивая и без того измотанного пешехода с толку и озлобляя его? Кто их за язык тянул?

Стоило! Придерживаться правды важно не потому, что это вроде «честнее», или потому, что правда, якобы, обязывает. Именно этими клише пользуются инквизиторы, натравливая правдоподобное на правду. А потому, что следовать за правдой проще и надёжнее. Хаос ошибок и ложных толкований беспределен, в то время как целесообразное и правильное строго ограничено. Кто следует истине, избегает бессмысленного топтания, живет там, где другие мыкаются по лабиринтам заблуждений, бездарно растрчивая время и силы.

Кто ищет истину придёт к ней, где бы он не начал искать и с чем бы он не столкнулся. Врач Омар Хайям разрабатывал алгебру, биномиальную геометрию, построил обсерваторию и создал солнечный календарь, который по точности превзошел Григорианский. В свободное время он писал четверостишия о смысле жизни. Спустя тысячу лет, эти четверостишия принесли ему славу. Богослов Ньютон оставил учения о химии, физике, свете и небесной механике. Филолог Ницше популяризировал философию жизни. Врач Эрнст Мах писал книги по основам механики, считая физику протянутой рукой жизни. Положение, образование и жизненный путь этих людей сильно отличались. Тем не менее, их стремления и умозаключения соприкасались, и после невероятных выражений они неожиданно приходили друг к другу. Откуда это движение вроде бы противоположных начинаний? Всякое знание - это рекомендация к жизни. Иначе и не может быть. Жизнь шагает от простого к более сложному, вбирая в новое всё, что ранее себя зарекомендовало, и различные проявления реальности, с какой бы стороны их не рассматривали, внезапно обнаруживают общие корни по мере приближения к их сути.

Заблуждения

В первой строке Евангелия стоит: «Вначале было слово».

Даже если это и так, то это было неверное слово!

Мы держим слово, ценим слово, цепляемся за слово. Слова придают нам вес! Но вот только как и в чём? Люди охотно повторяют броские фразы, наживая чужие глупости. Голова пестрит цитатами, афоризмами, изречениями, собранными по okazji. Забавно рыться в них, проверяя на смысл.

«Война – это продолжение политики с помощью других средств». Но что именно хочет продолжить политика? И каким образом приходят военные средства ей на помощь? Разве новости, экономика и театр не являются продолжением политики иными способами? Но ведь война, как продолжение театра другими средствами, не звучит!

Древние монастыри и замки стоят и поныне, потому что тамошние мастера добавляли в строительный раствор яйца, молоко, творог, сыворожку. Сколько яиц на бетономешалку дадут нужный эффект? Сколько полных бетономешалок нужно, чтобы построить дом, городскую стену, мост? Где брали для этого продукты?

Демократия, это власть народа и лучшая форма правления. Но кто народ? Как он властвует? Что он делает лучше? От казни Сократа до «арабской весны», превентивных войн в Югославии и купленных восстаний в Африке и Азии..... Различные источники и археологические находки свидетельствуют о ритуальных человеческих жертвоприношениях и жестокости культа напущенной демократии. Но фраза живет.

Обороты языка прививают оценки, не позволяя разобраться откуда они и к чему. Фразы живут повторением, независимо от их содержания. Их волны несут чужие впечатления, предположения и толкования, образуя виртуальную реальность докомпьютерной эры.

Так же как отчеты о путешествиях Марко Поло, они сообщают больше о том, куда и как люди хотели когда-то отправиться, но не то, где они на самом деле оказались.

Внутри виртуальной реальности мир кажется целостным. Но уже первые шаги вне, наталкиваются на нигде не обозначенные препятствия. Впрочем, причин для беспокойства вроде нет. Человечество, наука знают и могут объяснить всё. Библиотеки полны знаний обо всех аспектах жизни. Но стоит только обратиться к написанному, как с ужасом понимаешь, что это многое совершенно не о том, что ни в одном произведении нет даже приблизительных объяснений тому, на чем ты споткнулся. Приходится разбираться, при этом виртуальность летит в трамтарарам. Человек

пробуждается для самостоятельного мышления, пользуется фразами но уже не ведом ими.

Злоключения

Если глупость правит миром,
то почему она ничего не достигает?
Потому что Правда, а не то, что таковой считается,
всегда одерживает верх.

Рыцари Круглого стола короля Артура были одержимы поиском Святого Грааля. Всё ради глиняного стакана? Нет, ради вечной жизни. Грааль, как и философский камень, делали владельца бессмертным. Невежество вело к походам, битвам, войнам, своим и чужим жертвам. В поиске несуществующего рыцари боролись, терпели лишения, ничего не достигая. Они мечтали разорвать цепи, обрести благодать, испить из вечного источника жизни, но вместо всего этого волочили за собой кандалы предрассудков. Но мы-то лучше. Наши знания не сравнимы с их знаниями!

Увы, мы заблуждаемся не меньше бедных рыцарей!

Теория Дарвина – сплошное недопонимание. Заблуждения неизбежны. Однако это никоим образом не объясняет появление Дарвинизма и его взрывной рост. Страшит также то, что люди вот уже более 200 лет упорно настаивают на этих человеконенавистнических посылах, отрицая саму возможность ошибки и причисляя к своим достоинствам очевидное безрассудство. Ведь было достаточно убедительных контраргументов, чтобы, если не найти правильное объяснение для эволюции, которое Ламарк так удачно сформулировал, то, по крайней мере, подозрительно отнестись к утверждениям «гипотезы отбора».

Не менее существенны были разоблачения представлений о борьбе за выживание. Напрасно. Несогласные голоса остались не услышанными. Но почему? Мало что-то отвергнуть, какими правильными бы не были доводы. Надо предначертать верный подход и решения. А с этим как раз всё было неблагополучно. Что критики предлагали взамен? Веру в Бога, которой уже давно нет?

Да не так!

Зачем оправдывается тот, чья совесть чиста?

Читая произведения былых времён, невозможно избавиться от впечатления, что авторы, прежде всего, движимы самооправданием. Большинство их аргументов вращаются не вокруг «того, как оно есть и должно быть», а вокруг «того, чего нет, не может быть или совсем не так». Точнее говоря, авторы перебивают косточки всему неправильному, что до них думали и делали. Только после исчерпывающего опровержения следует разъяснение, как должно быть. Современнику это «перетягивание каната» кажется странным, не нужным и как минимум утомительным. Неужели нужно читать всю эту допотопную ерунду? Какое нам дело до наивных представлений наших предков? Мы хотим позитива! Сегодня математику, алгебру, географию и физику преподают чётко и без ссылок на предшествовавшую галиматью. Почему нельзя было при нововведении этих предметов поступать так же? К чему обходы, уловки и коленопреклонения перед устаревшим?

Внимательный читатель наверняка заметил что мы, критикуя прошлое, повторяем в точности ту же оправдательную процедуру. Наверное, нельзя иначе. Жизнь интересует не столько то, что правильно, сколько то, что лучше. Любая существующая картина

реальности - результат осмысления прошлой деятельности. Предположения, мешающие успеху, считаются правильными. Объяснения Богом, дьяволом, водой или огнем оказываются вполне достаточными и принимаются большинством. Распространение деятельности в области, где старые объяснения не работают, делают их неприемлемыми, хотя они всё ещё остаются самыми распространёнными. При таком раскладе правду нового нельзя утверждать напрямую. Чтобы её осмыслить и передать, необходимо противопоставление старому, показывающему, что «как раньше, делать больше нельзя».

Жизнь интересует только действительно ли или не действительно то, что она предпринимает, правильно или неправильно лишь описание его. Старое оставалось правильным, пока оно работало, но ничто никогда не может навечно оставаться таким. Правильного или неправильного, как такового, не бывает. Всякое объяснение — это приблизительное соизмерение наших возможностей.

Логика ерунды

Глупость, не менее мудрости, хвастается совершенной логикой своих заключений, и в этом, как ни странно, даже права.

Пощарапанная пластинка в граммофоне или дискета в компьютере обрывают поток данных. Царапина, вырывающая одно единственное слово или даже последовательность битов, обрывает сложнейшую из программ. В случае жизни такое спотыкание означало бы смерть, даже если бы всё необходимое было в избытке. Для предотвращения угрозы прерывания жизненным программам важно реализовывать информацию даже в случае серьезных потерь. Современная электроника избегает затор, перепрыгивая дефект. При этом происходят скачки качества звука, изображения или цвета, которые, например, неприятно мешают при просмотривании кинофильма. Специальные программы и здесь находят решения, довырезая не состыковывающиеся отрезки. Не зная о чем идет речь, ведь исходная последовательность была потеряна, эти программы подчищают оставшийся материал до кажущегося соответствия. Потери растут, но становятся незаметными. Новая версия кажется без изъяна.

Жизнь развила вспомогательную корректировку задолго до эры компьютеров. Данная ей информация всегда ограничена. Для цельности ориентации пробелы восприятия или скрываются, или заполняются эмпирическими значениями и предположениями. Примеров тому масса, начиная со слепого пятна сетчатки и воспоминаний прошлого, которые, несмотря на серьезные и легко доказуемые провалы памяти, воспринимаются нами как связанный процесс. Создание непрерывной картины восприятия или представления, округление краев и закрытие пробелов – задача логики.

Логика не является истиной. Её задача не расширять, а округлять доступное. Логика часто даже враг истины. Ради последовательности логика отсекает все, что нарушает единообразие, как будто бы оврагов не существовало.

У головы на затылке нет глаз. Но наши глаза не видят черной дыры, которая должна бы зиять на этом месте. Когда мы прыгаем, видимое не прыгает вместе с нами, твердо оставаясь на месте, хотя это именно то, что мы должны видеть. Логика восприятия автоматически исправляет скачки. Если же нажимать пальцем на глазное яблоко, внешнее прыгает, хотя наше окружение при этом неподвижно. Программы, объясняющие такие скачки сдавливаемого в глазнице глаза, за ненужностью не были созданы. Отсутствие правой руки замещает левая, перенимая все привычки правой. То же самое происходит и с мышлением. Когда память хромает, она призывают на помощь

логику, восполняющую недостающее воображаемым. Могут ли пациенты с болезнью Альцгеймера быть логичными? Ещё как! На вопрос - «Сколько вам лет?» человек с деменцией не признается - «Не знаю», а, улыбаясь, бросает: «Угадайте». Шизофрения, да и все заблуждения, убедительно логичны: «Я знаю, что я параноик, но как тут не сойти с ума, если тебя так преследуют». Наивно требовать от глупости мыслить логично. В использовании логики глупость, схоластика или мудрость равны. То, что логично, не обязательно целесообразно и не обязательно должно быть истиной. Не логика, а свобода действий подтверждает истину. Разница между мудростью и глупостью, вдохновением и заблуждением заключается в обращении с фактами. Для заблуждения и глупости нарушающий логику факт вреден и подлежит остракизму. Не может быть того, чего нет. Мудрость цепляется за факты, чтобы перепроверить иллюзии, её цель - не красота умозаключений, а беспрепятственное продвижение в реальности. Если малейший нюанс противоречит её предположениям, значит где-то вкралась ошибка интерпретации, и всё подлежит пересмотру, а не только отдельный факт.

Каждому своё

Каждый в меру своего понимания работает на себя, а в меру своего непонимания на то, что важнее.

Фильмы «Чужой», «Хищник», «Война миров» заставляют задуматься. Кому будет принадлежать завтра – нам, нашим друзьям, нашим врагам или вообще никому? Каждый осознает своё несовершенство, слабость хрупкость и незащищенность. Что если другие воспользуются этим в своих интересах? Разве смена посредственного лучшим не неизбежна? Не должны ли мы уже поэтому, проиграв, уступить? Сама постановка вопроса убога. Конечно, попыток одной формой жизни вытеснить другие было и ушё будет много. Но схватка за «жизненное пространство» свидетельствует не о превосходстве, а скорее об ограниченности. Всеобщий разум не знает границ. Он и выше индивидуальных интересов. Простите? Как это изволите понимать? Утверждаете ли вы, что есть разум вне отдельного человеческого мозга или существа?

Не об этом речь. Плесень на продуктах или стенах дома отвратительна, но не лекарство, которые можно из плесени получить. Вирусы бывают смертельны, но не их ферменты, позволяющие управлять реакциями, недоступными для других средств. Гнилостные запахи омерзительны, но не очищенные продукты ферментации из биореакторов, где это гниение протекает. Всеобщий разум обогащает, продвигая жизнь в целом, частный – служит только себе.

Звучит красиво, но только разум, как известно, всегда субъективен. Значит ли это, что общность истинного не доступна? Кому и что, собственно говоря, известно? Да, думать можно только одной головой. Вопрос не в том, в чьей голове, что и как происходит, а в том, чему мышление посвящено.

Зацикленность субъективного не умаляет общности разумного, а наоборот расширяет его. Ни одна форма жизни не способна выведать все аспекты реальности, быть всегда и везде. Человек не может проникнуть в мир бактерий, как и те подняться до него. В этом и нет необходимости. Жизненное многообразие выполняет эту задачу без принуждения. Каждая форма жизни пытается утвердиться в конкретной реальности. Дерзая там, куда им никто не следует, организмы выполняют роль разведчиков в экстремальных условиях, недоступных кому-либо ещё. Ими не нужно понукать, достаточно разобраться в посылах и использовать уникальнейший опыт. Учет и направление субъективного в взаимовыгодное русло превращает индивидуальные восприятия во всеобщий разум. Нет

живого существа, уникальные способности которого не могли бы послужить эволюции. Нет злодея, которого нельзя было бы использовать для общего блага. Использование означает не одобрение или подражание, а приобщение, чтобы с чужой помощью проникнуть в миры, к которым нам допуска нет. И наоборот, уничтожение любой жизни обедняет, оставляет пустоту, которую приходится худо-бедно заполнять самому, не имея на то предпосылок. Видовое разнообразие - это самое дорогое, что у эволюции есть. Дайте негодяю то, что негодяево и не жадничайте. Везде, где наши стремления способствуют чужому прогрессу, направляя его в безопасное и одновременно взаимовыгодное русло, мы найдем поддержку нашим устремлениям не только среди героев, мыслителей и друзей, но и у возбудителей болезней, скрытых и явных врагов человечества, не уподобляясь им и не заключая сомнительные, морально прогнившие компромиссы. Сознание – это сосуд, в котором хранится всеобщий разум.

СОЗНАНИЕ

Сознание обычно отождествляется с «правильным мышлением» и «отчетливым пониманием». При этом по большей части, мы думаем, не проверяя ход мыслей, и четко понимаем без всяких само-отчетов. Мы думаем всегда, даже когда не рассуждаем а что-то мастерим, ведём машину, рисуем, медитируем или спим. Иногда мы делаем это интенсивнее и правильнее, чем когда жонглируем словами. Так в чем же разница между сознанием и мышлением? И почему сознание так важно для нас?

Мышление — это мысленная работа с содержанием. Мыслит любое существо. Часто не хуже человека, как, например, лиса, ворующая курицу со двора на виду у хозяйки, или собака, пытающаяся помочь хозяину преодолеть душевный кризис. Сознание и осознание присущи только человеку, и это совсем другое, чем мышление. Осознание - это выражение результатов мышления в форме сообщения; не осмысление, а облачение мысли в слово. «Осознать что-то» или «сделать что-то сознательно» не означает что-то понимать. Это значит - сделать мысль передаваемой другим людям. Поэтому осознание, правильное или неправильное, всегда является коллективным обсуждением, даже тогда, когда вокруг никого нет, или тогда, когда мы стремимся что-то скрыть или извратить.

Все живые существа, а не только человек, используют язык в виде взаимопонимаемых символов. В отличие от животных, люди принимают результаты своей мыслительной деятельности только тогда, когда находят для них подходящее для передачи выражение. Мышление, выраженное в сообщении словом, письмом или компьютерным кодом, связывает отдельные судьбы, континенты и эпохи в единый поток, противостоящий разрушительному действию времени, препятствиям расстояний, безжалостности катастроф и даже гибели отдельных цивилизаций. Кто знает, возможно, однажды мы получим сигналы дальних миров, обменяемся знаниями и преодолеем межгалактические расстояния, не теряя в бескрайних пустотах драгоценные жизни и годы.

Не верно называть человека «*homo sapiens*». Человек – это «*homo conscius*», сознательное существо с всеобщим мышлением.

ЧАСТЬ VI

По-людски, уж очень по-людски

Романы приукрашивают, раздувая интересное, отбрасывая скучное, добавляя интригующее, представляя всё так, как могло бы быть или даже должно, точнее - обязано было быть... Но даже в таких оптимальных условиях повествование не заходит дальше определенной точки. Занавес падает, а авторы самоустраиваются с помощью дешевой уловки: «И если они не умерли, то и сегодня, ну, там и так далее». Аналогичным образом люди плетут свою судьбу. Они подгребают реальность под себя, сколько сил хватит, и даже преуспевают в этом определенное время. В отличие от романистов, они не могут остановить мгновение и вынуждены наблюдать, как рушится возведенное. Их беда в близорукости. То, что они принимали за главное, была проба сил, подготовка к важному. Самое важное же заключается не в пике, а в том, что нас ожидает в конце и в поиске целей, преодолевающих ограничения всей нашей суммарной жизнью.

Умение уметь

«Деревья, и птицы, и звери лесные — пусть будут воинством мне и тебе».

Амстердам, Синглграхт, лодки месяцами, а иногда и годами покачивающиеся у причала. Целые состояния уходят на покупку, ремонт, чистку, налоги и обслуживание. Зачем всё это?

Люди придают слишком большое значение «возможности позволить себе». Собственная лодка, яхта или корабль позволяют сняться с якоря, выйти в море, непринуждённо пройтись по палубе, показать себя и вернуться к причалу. Люди обогащаются, чтобы тратить, вкладывают в недвижимость, чтобы передвигаться. Всей этой показухе возможностей не хватает малости – смысла. Не дозволенность, а смысл делает проход по морю и капитана чем-то особенным. Позволить себе что-то и достичь чего-то разделяет пропасть.

Люди часто растрчивают жизнь на лишнее в надежде, что они смогут с накопленным начать что-то важное. У других ведь было и того меньше, а они – о-хо-хо, как взлетели! Этот день не наступит, а сегодняшние и последующие дни пролетят. Предпосылками достижений являются сами достижения. Живите, дерзайте! Остальное приложится.

Истинные ресурсы – это солнечные зайчики на стенах, дождь за окном, мох на тротуаре, снег на траве и деревьях. Сила создателя заключается в богатстве его идей, которые из повседневности создают необычные вещи.

Правильное и признанное

Во время прогулки по городу собаки обнюхивают каждое дерево и мочатся на вертикали. Поводок с ошейником доказывает вопиющую бессмысленность такого отстаивания их территорий. Впрочем, и хозяева далеко не ушли. Они тоже дуются, страшат друг друга, защищая, как павианы, крохи имущества насиженных мест и групповых привилегий. Даже образование не освобождает от шаблонов пещерных людей. Все ищут не правильное, а признанное таковым. Ведь не могли же чувства, традиции, общественность ошибаться? Могли! Но даже понимая никчемность былых установок,

люди и дальше бодаются, подсиживают, ревнуют, завидуют друг другу. Они не глупы. Часто они даже очень проникательны. Просто они не хотят рисковать, уступая что-либо. Ведь если все за это борются, значит, наверное, это очень важно. А что может быть важнее, чем выступать на побеждающей стороне.

Где эта сторона? – Может быть у большинства, на стороне денег или власти? На что опереться?

Пережившие исторические потрясения - как-то революции, войны и прочее, знают эфемерность надежд на чуждое. Самые железобетонные убеждения, твердые деньги, прочная власть и влияние в мгновение растворяются, не оставив воспоминаний. Тем не менее, лемминг сидит глубоко внутри нас и полон решимости отстаивать место на марше к морскому утесу.

Измы

Монархия, олигархия, анархия, капитализм, социализм, коммунизм, автократия, демократия, глобализм, сепаратизм, популизм – броские лозунги, разбрасывающие людей по рингу. Где при этом находится разум?

Формы социальной жизни – это рычаги, которыми пользуется разум. При разумном использовании каждый из этих инструментов может достичь многого, и, наоборот, в руках безумца опасен любой инструмент.

Начала

Если здесь и сейчас не складывается даже то, что наши предшественники, играючи, вершили, то, наверное, потому, что мы где-то сбились с пути. А не вернуться ли к истокам, возратить былое и уже не упускать успех. Звучит просто, но именно былое показывает: Месопотамия, Карфаген, Афины, Рим, Монголы, Халифат, Турки, Габсбурги, Ганза, великая Британия – никто из увядших гегемонов ни разу снова не поднялся.

Могущество не падает, чтобы его поднять и усадить на трон. Тот, кто его поднял, уж точно не будет это делать. Дело не в желании вершить, а в возможностях. Дворцы, сокровища, искусства, наука, армия – не причины, а следствия могущества. Люди сходятся, и творят грандиозное. Затем уходят, где лучше, оставляя груды черепков. К чему эта непоседливость?

От Междуречья до конца Советского Союза мы видим волны подъёма и распада. Очевидцы и историки, разбирающие происшедшие с тех пор катаклизмы, единодушно клянутся: решающим фактором краха стали ошибки в решении вопросов земельной собственности и этнического (семейного, национального, религиозного) происхождения. Несмотря на единодушие, как-то не очень в это верится. Неужели пять тысяч лет человечество знало, но всё равно наступало на одни и те же грабли? Сегодня целые регионы плодородных земель брошены, деревни оставлены, принадлежность к великим именам и народам упоминается со смущением. Никто не хочет обременять своё будущее связями с сомнительным прошлым. Куда канула прежняя бризантность? В чем смысл тогдашней смертной схватки за «землю, кровь и волю»?

Талейран интересен как инициатор, жертва, участник, выгодополучатель, могильщик и яркий летописец Великой Французской революции. Он проникательно документировал основные события, ожидания и мнения того времени. Вроде, жизнь до и после несопоставима, и всё же... Описывая предреволюционную знать, он подробно освещает бесчисленные уловки, направленные на выдвигание своих сородичей на важные и прибыльные посты. Принадлежность сословию позволяла двадцатилетнему

аристократу начать карьеру с уровня, которого простолюдин мог достичь, максимум к 50ти годам. Огромное преимущество ввиду средней продолжительности жизни около сорока лет тех времён. Национальная принадлежность и гражданство имели аналогичный эффект. Они переносили своих протезе к финишу марафонов накопления. Принадлежность к «земле, крови и воле» были вопросом предоставленных возможностей. С потерей привлекательности этих возможностей от прежних идолов отвернулись и последовали новым.

Когда-то молодежь была неимущей. С новичков нечего было взять. Портреты предков с бородой в тяжелых золотых рамах украшали стены министерств и университетов. Люди имитировали солидность, хотели казаться старше, иметь важные профессии, принадлежать к высшим кругам. Но вот какие-то 50-100 лет назад. Как это было давно! Кредитная система взмахнула волшебной палочкой. Все стало другим. Зачем копить и собирать, когда можно оплачивать будущие расходы уже сейчас. Пишущая машинка, калькулятор, телефон, телефакс и фотокопирование сделали пожизненный учет долга обыденностью. Предки и возраст стали обузой. С сединой в бороде трудно получить кредит. Трудолюбие, бережливость, неприхотливость стали вместо средства самоутверждения, жупелом обслуживания кредита. С упадком самоутверждения расцвели политкорректность, домогательства неполноценности, слежка, доносительство на всё самостоятельное и независимое.

Молодежь может быть бедна и неопытна. Во времена общей дезориентации у неё есть значительные преимущества: легкомысленность, с какой берутся обязательства, нужны они или нет, открытость, пластичность и изобретательность при погашении долга, которому отныне посвящена жизнь и её достаточная продолжительность для долгосрочных расчетов. Человечество стало восприимчивее для любых нововведений, помогающих снизить бремя долга, но и неразборчивее и бесхребетнее. Кредитоспособность стала важнее ликвидности. Люди начали имитировать молодость, красить волосы, носить узкую одежду, отсасывать жир, подтягивать кожу лица. Всё осталось как было, кроме вывески. Люди предпочли жизни её внешний вид.

Элиты как картошка, лучшее всегда под землей

А все-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему, и мы до сих пор все холопами числим себя

Картофель попал в Европу одновременно с табаком. Его клубни были питательны и вкусны, их было удобно выращивать, хранить и перерабатывать. Но попытка внедрить картофель полыхнула от Франции до России ожесточенными крестьянскими восстаниями. Табак был дорог, вреден для здоровья, и тем не менее распространился от Испании до Китая, намного обогнав картошку. Картошка на обеденном столе была признаком бедности. Курение придавало шик. Разве что-то может быть никчемным у богатых? Сорт табака, красивая упаковка, аксессуары кричали о достатке и благосостоянии владельца. Смокинг был создан не для торжеств, а только для того, чтоб в нём курить.

Тысячелетия, бедность и тяжелый физический труд были сиаемскими близнецами. Успех грезил праздностью, многочисленной прислугой и необузданностью желаний. Богатство состязалось в изобилии, каретах, замках, тучности телесных форм. Голод подстегивал худобу, зависть и алчность бедняков. В петиции восставшего Гуситского крестьянина есть фраза: «на месте господина, я ел бы только жир». Бррр!

Сахар до 16-17 веков был недоступен. У королевы Елизаветы I, первой из первых,

проблем с ограничениями не было. За пристрастие к сладкому она поплатилась поредевшими, практически черными зубами, ставшими, вы не поверите, эталоном придворной красоты. Подданные красили свои зубы в черный цвет, симулируя высший общественный статус. Сахаром сегодня никого не поразишь, да и избытком тоже. Ради недостижимости элита тратит состояния на стерильность окружающей среды, изощрённые фитнес-программы, эксклюзивные продукты и напитки. Бутылка с питьевой водой стоимостью более 100, и даже 1000 евро больше не является чем-то особенным. Тренажер за несколько десятков тысяч евро – обыденность. Членство в клубе с запредельными ежегодными взносами – желанный символ исключительности. А ведь есть люди, которые, как и Гуситский крестьянин, о таком мечтают, теряя из виду самые ценные из человеческих благ: ум, скромность, тактичность, умеренность, легкость. Многие, слишком многие, равняются на высокомерие и вседозволенность. Шесть пересадок сердца, купленных себе Рокфеллером вне всяких очередей и моральных соображений, трансплантации эмбриональных клеток, выкосившие многих звезд, пластическая хирургия, ботокс, генная терапия показывают: элита испокон веков была материалом для экспериментов по выживаемости. Может, это и к лучшему. В отличие от животных, этих подопытных редко жаль. Элита сама напрашивается на обман. Тот факт, что эксперименты недостижимо дороги, только подчеркивает духовную бедность их жнецов. Альтернатив самосовершенствованию нет. Умения жить, творить, любить можно достичь, но не купить. Истинные дворцы возводят из подсобок.

Власть

Что делает власть властной? Критики и хулители разбирают и описывают каждый шаг, телодвижения, намерения и слова власть-имущих, оценивают последствия их решений во времени и пространстве. Однако реальная жизнь таких людей как Наполеон, Сталин, Гитлер и Рузвельт остается неизвестной. Опираясь на объяснения того, как и почему восхождение стало возможным, воображение обывателя начинает рисовать картины с собой на месте властителей. Что бы они смогли достичь, оказавшись в правильном месте в нужное время. Разве не смогли бы и они отдать такое же распоряжение, сказать судьбоносную фразу, принять позу? Если честно и беспристрастно, конечно, смогли бы, и, наверное, даже лучше оригинала. К несчастью, их там не было. Всё пошло иначе, а ведь могло бы быть ой-ой-ой как.

Подобно тому, как самые сложные арифметические задачи выражены банальной последовательностью битов, отдельные шаги власти также банальны. Посторонний видит последовательности решений, но не причинные связи. То, что представляет себе большинство людей под властью: демонстрация силы, титулов, должностей, неограниченные средства, ну и там, недоверчивость, строгость и прочее – всё это не власть. Власть – это влияние и умение это влияние множить и распространять. Власть дать нельзя, она не предметна. Власти, как любому умению, можно только научиться. Положение, должность, так называемая ответственность — это внешние проявления её устройства. Униформа и звания помогают отслеживать передвижения отдельных групп на поле боя или в коридорах бюрократии, но не более того. Иван Грозный часто официально передавал власть своим сатрапам, вроде бы удаляясь на покой, обрушиваясь позже на простофиль и их послушных. Впрочем, все властолюбцы без исключений склонялись к таким штучкам.

Если власть не дается, а только берётся, почему столько споров о том, кому, как и где передавать власть? Вспомните только процедуры передачи Святого Престола, когда претендентов замуровывали до принятия решения, вспомните интриги вокруг

императорской короны, убийства и перевороты, возню вокруг кресел сановников и президентов.

Всякая смена власти болезненна, вынужденно приводя к гражданскому противостоянию, бессмысленно пожирающему общественный организм изнутри. Найти путь преемственности для достойного – задача, не решенная до сих пор никем.

Не стоит заблуждаться, выборы ничего не меняют. Подъем и падение партий, восхождение на председательское кресло, принесение присяги не влияют на власть и не наделяют властью. Они сигнализируют об изменении. Регалии и атрибуты господства, власти не прибавляют. Как раз самые великие из властителей были аскетичнее пастуха, не имея даже каморки для уединения.

Когда вы слышите слово «König» (король), вы не думаете о слове «kuni» (означающем «род»), от которого произошло слово «König», а, произнося слова «Kaiser» или «царь», вы не подразумеваете прозвище Цезарь. Со времен Ришелье под первым министром стали понимать не прислугу (лат. *minister*— слуга). Со времён Бисмарка, а затем Гитлера, под словом «канцлер» стали понимать не посредника (лат. *cancellarius* — у подеста, отделяющего суд от публики), а со времён Сталина под первым секретарём стали понимать не распорядителя обсуждаемых документов. Эти люди придали банальным именам новый вес. «Богу и Сталину должности не нужны!» До этого были и другие имена, которые внушали почтение современникам и позже утратили свою привлекательность, например, император или султан. Мы больше не знаем некоторых прежних званий, например, название должности, которую занимали фараоны, нам не знакомо, да и не ясно была ли она.

Если слова царь, премьер-министр, канцлер, первый секретарь пустые реминисценции былого, почему люди бьются вокруг них. Потому что именно здесь встречаются интересы, чтобы померяться силами. Пост и названия не важны, важен перелом. Что такого важного было в Полтавской деревушке, у Бородино, под Лейпцигом, при Ватерлоо или в окрестностях Прохоровки? Ничего – это места сражений и памятники осознания могущества стоящих за ними сил.

А что так можно?

Мы часто вопрошаем, неужели те там наверху, и впрямь осмелятся попрасть закон, начать войну, зверствовать, травить и обливать людей напалмом? Хотя в душе мы знаем. Они даже не прекращали это делать. Выполнимое для них - оправдано, выгодное - уместно, безнаказанное - законно, все успешно навязанное - правомерно.

Книги Хомского впечатляют глубиной анализа и тщательностью, с которой он разоблачает и клеймит манипуляции общества политическим истеблишментом США. Хочется аплодировать, но не поднимаются руки. Мешает горький привкус беспомощного дежавю. Разве Платон, Цицерон, Тацит, Руссо уже не клеймили те же пороки, и что? Со времен Макиавелли мы вроде знаем: успех – это не награда за интеллектуальное или моральное превосходства, а серебряники лжи, презрения, жадности и измены. «Сволочи, вы что хотите жить вечно?» – кричит своим бегущим воинам Фридрих, поучавший Макиавелли морали. Как ни крути, знание о том, как именно манипулируют общественной жизнью, ничего не дает. Все перечисления взяточничества, запугивания и вымогания не объясняют, почему подлость срабатывает, опережая благие намерения и как этому можно противостоять. В чём подвох, меряй не меряй, считай все возможные ходы наперед, не считай? Почему дважды два четыре политических действий вызывают в реальности совсем иной результат? Может ли

глупость предугадывать будущее, злоба - уравнивать и примерять, лживое - разъяснять?

Солдат убивает, защищая себя и близких. Пламенный революционер карает тиранов, их безвинных слуг, а заодно всех сомневающихся в идеалах свободы и братства. Первопроходцы наук и культуры рабски служат предрассудкам богатства и власти, оберегая хрупкие победы разума. Негодяи, с другой стороны, вдохновлённые алчностью и преданные золотому тельцу прокладывают пути к новым континентам и странам. Даже пираты и душегубы следуют строгим кодексам чести. Только - преступным законам и чести. Размышления над хорошим, вышедшим боком или наоборот, занимательны, но не очень полезны. Один историк хвалит, а другой осуждает одни те же поступки. Оба приводят непроверяемые доказательства в пользу своих интерпретаций. Но действительно ли мы знаем, почему и как одно одерживает победу над другим?

Многие звездные часы истории на самом деле результат коварства, трусости, предательства и интриг. Может ли подлость быть праведнее отваги и чести?

Несомненно, да! – Но только, когда подлость, по незнанию, действует истинно, а честь и праведность самозабвенно воюют с крыльями ветряков.

В том-то и дело, что история – это не перечень несостоявшихся идеалов, а результат целенаправленных практических действий. Все рассуждают об общей пользе и осуждают пороки. Мало кто знает, как и что делать, и только единицы действительно поступают правильно. Кто, что, где? – большинству не дано, да и не нужно знать. К счастью, жизнь следует не за теориями, а за эффективными решениями. Промежуточный успех часто выпадает на долю, скажем, далеко не идеальных, но, тем не менее, наиболее пригодных для дальнейшего прогресса решений. Многие из них выглядят насмешкой здравому смыслу и тем не менее управляемы им. Все, что служит человеческому совершенству, лелеется судьбой, в какие бы наряды оно ни рядилось. Парадоксально, но некоторые вычурные общественные структуры временами предлагали наиболее эффективные решения устремлениям, для претворения которых реальных предпосылок не было. Так же быстро их удача иссякала, как только недостатки перерастали пользу. Гитлер и национал-социализм - прекрасный пример того, как фанатичное движение, с не терпящим возражений руководством, может ускорить и довести до завершения всё то, чего оно стремилось предотвратить, не исполнив ничего из изначально преследуемого.

Жизнь в других

Жизнь наша и чужая неразрывны. Прочитанные нами жизнеописания превращают не пережитые нами события в собственный опыт. Чем искреннее, тем богаче. Не всё пережитое передаваемо, не всё воспоминаемо, но с каждой книгой время и события собственной жизни обрастают десятилетиями и эпохами вдали от наших собственных дорог. Я знаю, что меня не было, когда ласточка пролетела под колоннадой, и всё же я, как бы, присутствовал там.

Вихрем пронесся по мемуарам Голованова. Задуматься есть о чём.

Вкратце о содержании, чтобы прояснить, о чем я говорю. Голованов - пилот душой и телом. В тридцатых годах изучал радионавигацию во Франции, а по возвращении организовал ночную и штормовую авиацию на Дальнем Востоке. Огромные расстояния не позволяли там прибывать засветло, принуждая лететь во мгле по радиосигналам. Время кипело энтузиазмом надеждами и деяниями. Наступили 1937–39 годы. Большие чистки против предполагаемых врагов прошли по стране катком террора. А ведь Голованов был в антисоветской Франции. Люди сторонились «потенциального шпиона». Он чудом не попал в мясорубку госбезопасности, но был вынужден сменить

место работы и место жительства. Семье его жены повезло меньше. Муж сестры был осужден и казнен по ложным обвинениям. Вскоре после этого жена Голованова была арестована, допрошена и избита. Ее отпустили. Обвинения были сняты. Кривой рот остался напоминанием «допросов» на всю оставшуюся жизнь. Вроде всё предельно ясно. Виновато правительство во главе со Сталиным. Надо иначе. Голованов избегал политики, что в общем-то не странно. Он мечтал о полетах, безопасных днём и ночью и при любой погоде. Столкнувшись на празднике авиаторов с наркомом авиационной промышленности, Голованов увлекся захватывающими видениями. Нарком слушал, смотря вдаль. Последовала пауза. Не отзываясь на сказанное, нарком заговорил о скорой неизбежности войны, и, как бы прыгая в мыслях, попросил не мало удивленного Голованова написать письмо Сталину с обоснованием острой необходимости ночных эскадрилий. Голованов согласился, не принимая сказанное всерьёз. Звонок наркома - готово ли письмо и когда его можно будет забрать? - застал Голованова врасплох. Но делать нечего. Просидев всю ночь, Голованов оставил экспромт на столе, сказав жене, что конверт заберут утром, и уехал в аэропорт. Приземлившись в двух тысячах километров далее в Мурманске, обнаружил телеграмму с предписанием лететь обратно. Надо, значит надо. Позвонил жене, пообещав вернуться к ужину. Дома жена иронизировала по поводу какого-то секретаря, уже дважды звонившего. Из-за непогоды все рейсы с севера отменены. Как может Голованов вернуться к 20:00? Сказал, значит будет, и даже раньше! Такие звонки были обычны. Постоянно кому-то нужно было лететь по чрезвычайным делам. Пилотов и машин, пригодных для этого, были единицы, вот и приходилось вертеться, как и в этот раз, не спрашивая о чём речь.. В 20:00 его забрала машина, но повезла не в аэропорт. Вскоре он оказался в незнакомой приёмной. Через пятнадцать минут его пригласили. За столом сидели Молотов и члены Политбюро. К нему подошел человек, в котором он узнал Сталина, «Здравствуйте,— сказал Сталин с характерным грузинским акцентом, протягивая руку.— Мы видим, что Вы, действительно, настоящий летчик, раз прилетели в такую погоду. Мы вот здесь,— он обвел присутствующих рукой,— ознакомились с Вашей запиской, навели о Вас справки, что Вы за человек. Предложение Ваше считаем заслуживающим внимания, а Вас считаем подходящим для его выполнения».

Я не буду здесь описывать реакцию Голованова и его захватывающую книгу. В ходе разговора и последующих событий Голованов обнаружил, что человек, которого он обвинял в несчастьях страны и считал причиной болезни, занят теми же проблемами, что и он сам, и ищет решения. Он не распоряжался и не приказывал, а вдумчиво действовал, внося существенный вклад. Взаимопонимание непосредственно связало их судьбы. Государственная безопасность, бюрократия, армады мелких и крупных начальников всех подмонок и этажей действовали и дальше, как заблагорассудится, составляя «систему» между всеми и вся, но вклиниться им уже было не дано.

Голованов ушел в работу довольно малочисленного, сильно поредевшего из за войны соединения, но ведь острие любого клинка не очень-то велико.

В этом взаимно дополняющем единении разнообразных порывов самореализации заключён реальный источник общественной силы, а не в принуждении, приказах и распоряжениях. Вес имеет только то, что способствует человеческому усовершенствованию. Деньги, сталь, заводы, тонны - не причина, а результат того.

Каждый ищет, находит и обустроивает свою роль в соответствии с видением общего развития. Самоорганизация всегда была главным принципом жизни. Власть группирует дополняющие стремления, взаимно продвигая и обуславливая их. При этом совокупная

мощь без всяких денежных или иных вливаний непрерывно растет, вроде, как бы, по причуде провидения. Независимо и совсем рядом влачат дальше существование бездушные исполнители, представляя общий образ системы, не будучи ею.

Можно иначе. Уинстон Черчилль также был человеком власти, оставившим след. Его восхождение характеризует противоположное и черпает силы из разложения былого. От англо-бурской войны до Первой Мировой, от Интервенции в Советской России до предательства и выхолащивания Лиги наций, от низменных розыгрышей сограждан и мировых лидеров, от таскания картофелин чужими руками до, во время и после Второй Мировой войны до Фултонской речи – ничего, кроме «сдерживания» врагов, в основном личных, под ширмой Британии, обворовывающих и истощающих остальных.

Да, ему сопутствовал успех, но успех могильщика.

Контроль

Неподвижный взгляд, фиксирующий чашку. Вцепившийся в край стола человек, осанка и выражение лица выражают чрезвычайное напряжение: «Чашка, сдвинься!» Воздух наэлектризован до предела. Ещё немного! Вибрацию намечающегося движения уже можно почти чувствовать. Вот, вот и.... Что за чертовщина! Чашка всё там же, где была и не думает следовать призывам мысли.

Просвещенные люди считают телекинез чепухой; снисходительно улыбаются, когда кто-то защищает возможность навязывания предметам своей воли. Тем не менее, они верят, что между людьми все обстоит иначе, и всерьёз обижаются, когда те отказываются следовать их приказам.

А почему, собственно, живой и своевольный человек должен быть более подвластен чужой воле, чем та же чашка? Разве не проще навязать свою волю мертвому, а не живому?

Да, чашка не колеблется, а вот люди могут даже побежать, если им прикажут.

Не стоит заблуждаться. Не чужая воля, а собственный интерес руководят ими. Именно общие интересы превращают сборище в единый организм.

Особенно отчетливо роль дирижирования проявляется в парадах или в симфоническом оркестре. В призме тех же примеров крайне четко проявляются истинные двигающие пружины. Внешне, вроде, слово или дирижерская палочка правят балл. На самом деле, они ничего не двигают, а просто координируют, соизмеряя усилия общим целям и задачам.

Слово - дело

Слово восполняет пробелы расстояния и времени, позволяя людям действовать сообща, даже не видя или не зная друг друга. Предпосылкой является согласие. Отсюда значение слова, данного в преддверии, и умения за него постоять. Слово становится, как бы, ценником и символом гордости человека. Но население росло, а вместе с ним и податливость слова. Массы облегчают завязывание и утруждают удерживание связей. Тому много причин. Разнообразнейшие экземпляры маячат туда - сюда, ведомые черт знает какими мотивами. Дать для них слово - сплошной пустяк, но кто положится на такое. Подчинение становится важнее слова.

С одной стороны, издержки подчинения, цена обеспечения и контроля сужают даруемые ими преимущества. С другой стороны, зависимости освобождаются от личности и могут использоваться и накапливаться универсально.

Центры такого накопления раздулись, обзавелись роскошными палатами. Делай как мы, не будь глупцом, обогащайся, пусть недоумки работают, есть дела поважнее! Многие

покупаются на это. С опытом приходит прозрение: деньги, как таковые, не работают и ничего не приносят их владельцу. Их держатели, наоборот, низкооплачиваемые слуги накопления. Как ни крутись, а истинной целью денег является обеспечение договорённостей. Важнейший из вопросов – чьих? Их магия огромных чисел - самообман.

Пчелы труженики

Древность величественна и окутана тайной. Величественна - в грандиозности оставленных памятников, таинственна - в неуловимом смысле основных достижений и падений. Уж слишком много кануло веков. Языки былых цивилизаций вымерли. Кожа, папирус и бумага летописей сгнили. Счастливым исключением являются, быть может, только засыпанные песком клинописи глиняных табличек. Их обилие в пустыне, поглотившей Шумерский мир, настолько велико, что обещает, минимум, исчерпывающее освящение событий. Как бы не так: куда ни глянь - наискучнейшие счета. Там - хлеб, здесь - кувшин вина, тоскливые отчеты, примитивные акты купли и продажи, тяжбы, жалобы и числа уровня дошкольной подготовки. А где же мудрость, воздвигнувшая в то же самое время все те неповторимые монументы? Что, всё это было создано народом мелочных торгашей, недалёковидных холопов, грубых крестьян и бездарных солдафонов?

Вернемся в современность, поищем в новостных потоках и остросюжетных документах на злобу дня крупинцы мудрости. Кругом - посредственность. Но странно, именно она возводит величественные здания культуры и науки. Термиты в спецовках переполняют фабрики и лаборатории, бодро утилизируют средства, двигают рычаги, пипетируют, нажимают кнопки, считывают показания, публикуют результаты в научных журналах, делают доклады. Непосвященному кажется, что нужны всего-то сито и русло с золотыми песчинками, бюджет, набор приборов, рабочих, менеджеров, парочку выпускников и руководителей, а всё остальное, как бы, прирастётся. Неверно! Рабочие пчелы делают видимым лишь то, на что созрели мысли. Без последних весь их рой - никчемное метание. Так где же те великие идеи, отсутствующие в клинописных навалах?

Они ушли, продолжив жить и творя будущее. Обработанные и за ненужностью выброшенные заказы, оплаченные счета остались под пустынной пылью, обрамляя стены монументов. Все ценное захвачено с собой, переписано, переведено во вновь возникшие языки и стало стержнем современной жизни. Осколки все же иногда всплывают тут и там, и мы с удивлением узнаем, что описание библейского потопа и ковчега слово в слово списано с эпоса о Гильгамешеб на два тысячелетия более раннего произведения. Отрывки скудны, не позволяя проследить их истинную жизнь, формирование и распространение. И всё же мудрость не уходит, не теряется и не покидает человека никогда. Она растворяется в современном. Прав был Булгаков – «рукописи не горят». Горят рабочие наброски, авансы и расписки.

Костры ереси

Сократа отравили, Иисуса распяли, Галилея изгнали, Земмельвейса заманили в психушку и забили до смерти, и всё это время параллельно и повсеместно полыхали костры. Кары были призваны искоренить «заблуждения» и предотвратить расползание ереси. Жестокость, мягко говоря, поразительна. В конце концов, эти люди никому не угрожали, желая другим лучшего. Более того, осужденные, а не судьи, в конечном итоге оказались правы. Если речь шла о боязни нового, непонятно, почему в одно и то же время

очевидных нарушителей традиций и мошенников те же судьи терпели и даже иногда чувствовали.

Как ни странно, но отчасти в их судьбе виноваты сами мученики. Первопроходцы считали себя носителями света. Если бы они на этом и остановились! Они мечтали о большем, хотели вести за собой, да ещё и разминать истину на признание и похвалу. Вместо наград их ожидала враждебность. Неучи не желали следовать не понятно куда. Люди всегда отвечали ненавистью на принуждение.

Ошибочно ожидать одобрения воззрений, опираясь на их правильность и несомненную пользу для остальных. Неспособность следовать аргументам не имеет ничего общего с хорошим или плохим. Обращаясь к человеческому разуму, важно учитывать уровень его развития. Глупости разносятся, как воронье карканье, быстро, но попробуйте объяснить этой умной и самодостаточной птице траекторию звезд. Всему своё время. Толпа тоже не стоит на месте. Человечество взролеет, как и любой из нас. То, что сегодня не доходит даже с помощью лучших аргументов, завтра придет само собой. Отбросьте заблуждение, будто люди намеренно делают что-то плохо, избегают новаций и вредят всему вырывающемуся вперед. Они делают то, что могут, и пока не могут иначе. Людей много, но великое среди них скудно распределено во времени и пространстве.

Об обращении с мнениями

Да что Вы говорите!

Свои мысли мы вольны двигать туда и сюда, свободно составляя оптимальные образы, словесные выражения, формулы. Чуждое высказывание, наоборот, лишает нас свободы толкования. Не вправе изменить его порядок, попорченная логика вскипает. Простейшая защита от перегрева – отдергивание восприятия, как рук от пламени: захлопнуть книгу, выключить радио, заткнуть уши или закрыть глаза. Откуда ярость? Ведь это только слова, да ещё чужие!

Так-то оно так, но только любая непоправимая глупость ставит под сомнение силу собственного суждения. Ясность отрицания развеивает туман. Александр разрубил гордиев узел, не сумев распутать. Веками общество столь же бурно рубило головы, руки, языки людей, выражавших иное мнение. Наше время внесло некую сдержанность при неприятии. Напряжение осталось. Строптивых и непокорных оговаривают, передергивают, высмеивают и вытесняют. Отсутствие узаконенных убийств и пыток инакомыслящих не означает, что их бы с удовольствием не применили, были бы они только под рукой.

И всё же, что нам до чужого, если наше лучше? К чему борьба с тем, что вас не затрагивает? Земля имеет форму пиццы? Да что вы говорите! Чуждое не столько утверждает, сколько рассказывает вам о собеседнике и его мирке. Что с того, что собеседники вам последовать не могут? Непонимание – неизбежный спутник первопроходца. Вас не поняли, а вы на правильном пути? Так что же - вперёд! Рассказывайте ненавязчиво, думайте непринуждённо, а главное – живите и действуйте! Альберт Великий, Коперник, Кеплер, Декарт, Дидро думали, стремились, избегая споров. «*Larvatus prodeo*» – «двигаясь под маской», они творили в будущем для будущего и были не докучаемы особенно никем. Они не скрывали правду, не обманывали и не притворялись, они не навязывали ее никому, оставив наследие вполне приемлемое и сегодня.

Терпимость

Терпимость звучит так, как если бы вас забыли в комнате ожидания, уйдя по другим

делаю, не предупредив и не выключив свет.

Правильно ли жить, бесстрастно наблюдая, как негодяи обдeldывают их скользкие делишки, сея ложь и раздор среди простаков? Смотреть, как каждому шагу прогресса выстраиваются препоны на пути? Терпеть, как безответственность, коррупция и кумовство разрушают природу, климат, да и будущее планеты? Наблюдать, как на каждое слово правды вываливают тонны грязи и вранья?

Конечно, нет! Но к чему отчаяние? Будем честны. За пафосным криком обвинений прячется банальное желание навязать свое мнение другим. Кто-то должен пожелать измениться. Наука, политика, человечество должны обратиться к другим вопросам в отличие от того, чем они сейчас занимаются: по крайней мере, они должны иначе подходить к этим вопросам, а не так, как сейчас. А с чего бы это, и почему именно кто-то другой? Нет, ни бог, ни царь, ни герой и ни кто-то безликий, а тот, кто видит должное, обязан об этом заботиться. Если ты ясно что-то понял – то и поводишь тебе в руки.

Предписание и понимание - разные вещи. Понимание ищет соратников, предписание - слуг. Разберись сперва в том, что и кого ты ищешь. Говори тем, кто слушает, и не навязывай «истин» тому, кто еще не созрел. А главное - действуй, не дожидаясь особых условий, создавай их. Что там трясина комнаты ожиданий! Истина прокладывает дорогу из тюрем. Даже смерть и насилие не сильны её остановить. Истина дает больше, чем деньги и власть, она дает поводья для управления миром.

Много врагов, много чести!

Считается: чем выше приз, тем серьезнее соперники и грандиознее опасности на пути. Вообще-то всё - наоборот. Чем выше цели, чем свежее воздух, бескорыстнее и вернее соратники, тем существеннее и радостнее достижения. Надо признать, что подонки, как мухи, облепляют власть и успех, а величайшее из человеческих чувств - любовь обрамлена наигнуснейшими венерическими болезнями. Однако, о какой любви при этом идет речь? Венерические болезни наказывают не любовь, а ее презрение. Собственно, где кипит борьба и меряются противники? У строительных лесов, на объектах созидания? Нет! Кишат помойки, раны, сточники - места отходов и упадка! Да, враги омерзительны, но не всерьез опасны. Паразиты хотят получать, а не созидать. Чувствительные к запаху навоза, они не в силах различить творения, даже стоя перед ним. Что им мешать создателю? У них есть дело, пахнущее поважнее.

Алчность иногда собирается в черные тучи прожорливой саранчи, приближающиеся с грохотом извергаемых молний. Однако, все тучи следуют простым законам, они не вольны выбирать движение и остановки, а вынуждены идти и идти. Тот кто это знает, спокойно кипятит воду, убирает с террасы подушки и мягкую мебель, раскрывает книгу, садится под навесом или у окна и пьет чай, наблюдая за стихией из окна.

ЧАСТЬ VII

СМЫСЛ

Эпикурейство и стоицизм - два античных воззрения о смысле жизни, основанных на чувственности. Эпикурейцы упирали на телесные радости, как истинную цель; стоики

ставили разум и отрешение на первое место. История их отношений поучительна. Школы боролись друг с другом. Жизнь шла своим чередом, не особо прислушиваясь к перебранке. Внешне абсолютно враждебные и непримиримые друг к другу, их последователи не стыдились списывать друг у друга. И вот странно: те же сентенции в разных устах оправдывали противоположное, но не смотря ни на что, все сходилось! Как такое возможно!?

А, может быть, правда лежала не там и не там, а где-то совсем в другом месте? Ведь желудок определяет мышление не менее, чем мысли определяют желудок. Любая попытка установить, что важнее - приятное или разумное, телесное или вымышленное, сладкое или полезное - теряет самое главное из виду – смысл.

Удовольствия, радость и боль – поощрения телесности. Экстаз прозрения, полет воображения – поощрения разума. Зачем противопоставлять их? Все они необходимы! Блаженство, экстаз, радость, боль, холод, жара, голод, жажда, страх, отчаяние, воздержание, непреклонность, бесстрашие, понимание, вдохновение – разносторонние оценки обстоятельств на пути к смыслу. Видение рисует цель и намечает путь. Для первопроходца простых подходов не бывает. Приятное и неприятное, желанное и неожиданное встречаются на его пути. Чтобы преодолеть препоны, важна устойчивость к хорошему и плохому, решающим является стремление.

Неприятное, утомляющее, изнуряющее, болезненное и их противоположности – всего лишь побочные детали. Терпеть боль и холод, жару и жажду, как предлагают стоики, или, наоборот, стремиться к солнцу, теплоте и ласке, сытному, хорошо укрепленному очагу - не вопрос. Вопрос - зачем? С правильными инструментами, надев теплозащитные рукавицы, можно без всякого геройства ухватить раскаленное железо и придать ему желанную форму. Многие - непосильное, непреодолимое, тернистое при правильном подходе радостно и легко. Холод жжет. Мы кутаемся в теплую одежду и прячемся в уютные дома. Мрак слепит, а на что нам свечи, фонарики, прожекторы и маяки? Мы зажигаем свет. Сила тяжести не позволяет сдвинуть ношу, привязывая нас к земле? Мы строим летательные аппараты и моторы, взлетая к звездам. Да, многое еще невысказано и недоступно нам. Но ни одно «ещё» не вечно. Рано или поздно наши тело и разум помогут пересечь ту ранее недозволенную грань. Необходимость - не препятствие, а средство. Как только мы обуздаем её нрав, невзгоды, беды и стихии записываются нам на службу, исправно исполняя наш заказ. Тогда мы с любопытством наслаждаемся танцующими кольцами готовящейся к прыжку кобры, флюоресцирующим сиянием арктического снега, текущей лавой, холодными цветами туманности Андромеды и чудовищным взрывом сверхновой звезды. Мир раскрывает нам свои неожиданные стороны, невообразимую красоту и необузданную мощь. И всё же по-настоящему лучшее ждёт нас впереди. Удивительно, что при этом всё ещё есть люди, находящие жизнь скучной.

Культура чувств

Как плохо мы знаем своё тело! Проведи рукой по лодыжке, прикоснись ладонью к спине. Странно. Вроде это часть нашего тела, но мы его не чувствуем вне боли или прикосновения. Большую часть нашего тела мы не замечаем, пока не стукнемся им обо что-то.. Причина безличия не в ненужности, а в самозабвении, с которым тело служит нам. Бескорыстная преданность тела позволяет нам забыть о нем, сосредоточиться исключительно на внешнем мире, не заботясь и не вмешиваясь в телесность. Определенная логика в этом есть. Зачем вмешиваться в дела, которые идут прекрасно? Но так ли это? Во всём ли тело право? Является ли предложенное телом, всем тем, на что оно способно? Конечно, нет. Тело делает не более того, что у него просят. Не

востребованные качества плетутся молча вслед событиям и потихонечку чахнут. При полном пренебрежении не востребованного распад очень быстр. После нескольких недель невесомости возвратившиеся на Землю космонавты не могут ни стоять, ни идти. Их приходится выносить из приземлившегося корабля. И это при каждодневных тренировках.

Атрофии не востребованости обрушивались на человечество и до полетов в космос. Дикой природе целевые тренировки не нужны. Повседневная жизнь не позволяла расслабиться. Цивилизация даровала аристократии богатство и свободное время. Неведомая до того «невесомость благополучия» привела к телесному разложению и периодическим упадкам власти. Наощупь выдвинулись постоянно враждующие не дарующие послаблений города-государства, касты воинов, занятые только борьбой, а также были изобретены турниры и гимнастика, как действенное противоядие разлагающей праздности. Дух телесного соревнования не только остановил упадок, но и раскрыл неизвестные до того способности тела. Люди впервые увидели, чего можно достичь с помощью целенаправленных тренировок. Достижения состязаний придали телу божественность. А поскольку боги тогда жили на Олимпе, возникло и название Олимпиада.

Открытие непробужденной телесности породило желание проверить, узнать её. Надпись «Познай себя» – приветствовала учеников у ворот гимназии. Под гимназиями понимали тогда нечто иное, а именно - место, где занимаются гимнастикой. Науки, на которых сегодня делается акцент, служили развлечению. Считалось, что здоровому телу и так присущ здоровый дух. Заклад греков дожил до нас. Настоящее немыслимо без целенаправленной тренировки своего тела.

Но ведь тело человека – это не только мышцы, суставы, гигиена, диеты и реакции координации, но и чувства, а также телесные влечения. Странно, что влечения ни в одну из тренировочных программ не включены. Исключение представляют курсы, обучающие красиво держаться, уверенно выступать, завоёвывать чужое доверие и привлекать к себе, будто главное - это умение впаривать друг другу пылесосы и страховки.

Причина проста. Для укрепления тела достаточно посвятить свободное время упражнениям. Для тренировки и развития чувств необходимо перекроить смысл и образ своей жизни. К сожалению, редко кто к этому готов, хотя уход за чувствами и влечениями намного важнее ухода за зубами, волосами или мозолями.

Анатомия влечений

Стремление управлять влечениями, которые нас направляют? Разве это не парадокс? Нет. Ведь управляем же мы телом, которое нам в общем-то не подвластно.

Влечения и чувства – это эволюционно проверенные рейтинги целесообразности мотивов. Цели человека давно поменялись и стремительно меняются дальше, а вот биологические рейтинги нет. Без пересмотра оценок, дальнейшее развитие невозможно. Везде, где человек перерастает свое биологическое предназначение, столкновение с неподконтрольными чувствами неизбежно. Кто победит, решает, как далеко от обезьяны продвинется конкретный человек.

Можно ли обуздать, а, тем более, рулить своими влечениями?

Можно, очень даже нужно и в целом не так уж сложно!

Несмотря на повелительный, не терпящий пререканий тон, их власть зиждется на примитивных средствах. Страх перед «великим и могущественным» волшебством

улетучивается со взглядом за кулисы, разоблачающим обман.

Задаток

Важным элементом всех чувств является эмоциональный задаток.

Пища несет энергию. Голод и насыщение контролируют её прием. Вроде всё предельно просто. Однако голод приходит задолго до нехватки энергии, а насыщение никак не связано с её поступлением. Даже если мы быстро и много проглотим, всё это ещё надо раздробить, перемешать с пищеварительными соками, очень длительное время обрабатывать внутри кишечника, чтобы пищеварительные энзимы расщепили крупные органические молекулы до размеров, способных пройти стенку кишечника. Здесь их свяжут с веществами-носителями, понесут через кровоток в печень, оттуда после химической переработки и сортировки отправят, наконец, к конечным клеткам, где предстоит синтез или сожжение. Получается, что с приемом пищи и насыщением мы не получаем энергию, а затрачиваем, ведь самое сложное и трудоемкое только начинается. С объективной точки зрения, еда – это тяжелая работа. Реальный плюс энергетического баланса наступит намного позже. Откуда берется позитив эмоций и ощущение прилива сил при откровенно отрицательном балансе?

Удовольствие – это эмоциональный подкуп, подталкивающий организм к действиям, оправданным с точки зрения эволюции. Средства для этого подкупа не отбираются из поступающей пищи, а переопределяются и изымаются из существующего. Похожее происходит у наркоманов, нюхающих кокаин. В щепотке кокаина нет и намека на энергию. Силы, которые он придает, – это на самом деле ограбление остального тела, а эмоциональный подъем оплачивается упадком телесности. При еде, правда, резервы опустошаются с уверенностью, что скоро долг будет восполнен с прибылью. Но и эта уверенность в наше время не всегда оправдана.

Все чувства устроены одинаково. Их похлопывание по плечу наших настроений – сплошное ханжество за чужой счет. Люди давно заметили противоречие, хоть и использовали это знание скорее себе во вред. Диоген прилюдно онанировал перед храмом. Пристыженный прохожими, он воскликнул: «Лицемеры! – если бы вы могли утолять голод, поглаживая рукой живот, вы бы не стали ничего другого делать». Диоген опередил свое время. То, что тогда было немислимо, сегодня обыденно.

Живые существа пользуются восприятиями вкуса, формы, запаха, текстуры для ориентации в том, что важно, что полезно, что опасно, а что нет? Их средства для анализа состава окружающего ограничены. Даже в наших химических лабораториях не возможно всё точно определить. Приходится ограничиваться существенным, определяющим как бы всю остальную ценность продукта. Если живое существо сталкивается с веществами, присутствующими исключительно в ценном, оно радуется, уверенное, что всё остальное соответствует пробе, поскольку иных комбинаций в природе нет, если наоборот; то отворачивается и избегает их. Приятное или неприятное, сладкое или горькое направляют живые существа на то, что важно.

Успехи химии позволили человеку отделить сигналы от их свойств и комбинировать по прихоти. Сегодня мы производим продукты, которые по виду, запаху, вкусу и наощупь превосходят «природные», но по составу и происхождению не имеют с ними ничего общего. Тот факт, что съедобное по-прежнему предлагается в универсамах, объясняется не правильностью наших чувств, а властями, которые тщательного следят, чтобы в продажу поступали только продукты, соответствующие минимальным требованиям к еде.

Человечество не раз обжигалось на заменителях с великолепными вкусовыми и

зрительными качествами, и стало осторожным. Цинга, бери-бери, рахит, ожирение, наркомания - яркие и отталкивающие примеры таких «улучшений». А сколько ориентированных только на наши ощущения заменителей каждодневно протискиваются в нашу повседневность, провоцируя эпидемии недугов, известных под общим названием болезней цивилизации? Расходы на здоровье галопируют, но только подогревают тренд, прибегая к дорогостоящим витализирующим добавкам очень сомнительного происхождения. Покупатели и производители объединены в погоне за наиполнейшим удовольствием, вкусом «качеством». И не только в питании. Голограммы, звук и изображения становятся все лучше, красивее и многообразнее реальности и позволяют свободно составлять даже «объекты» восприятия. При этом реально присутствующего становится всё меньше. Виртуальное все больше вытесняет действительное.

Что-то основательно прогнило в Датском государстве!

Влечения должны направлять наши стремления на биологически ценное. Мы же в состоянии свободно определять, что является сладким, ароматным, нежным, сексуальным или красочным, независимо ни от каких ценностей и ограничений. Но ведь там, где все возможно, нет ничего настоящего и, конечно, совершенно ничего полезного. Ирония Диогена оказалась злым пророчеством: еды без пищи, работы без созидания, обсуждений без собеседников, радости без удовлетворения, восхищения без успеха, секса без любви. Самоудовлетворение подменяет переживание восприятием. Зависимость делает отказ от имитации невозможным.

Нам дано воспроизвести любые ощущения без привязи к своевольным, нам неподвластным реальным переживаниями, но совершенно не дано воспроизвести значение этих переживаний. Можно спорить о смысле ощущений в каждом отдельном случае, но суть их предельно проста - они должны поощрять наши действия на пути к совершенствованию, а не наоборот. При правильном применении и неразрывной связи между переживаемым и воспринятым – ощущения непревзойдённые учителя и воспитатели человека, делающие его мир всё ярче, богаче и разнообразнее. Что происходит в противном случае, видим мы каждодневно. Опустошение, разочарование, эмоциональная нищета.

Не оплачиваемые авансы теряют эффект, коль обещанное не сбывается. Тело не терпит обман бесконечно. Вкусное и приятное без намёка на ценное перестают возбуждать, набивают оскомину, а то и переходят в отвращение. Вроде, самое время очнуться. Но нет. Живя в грёзах, как в невесомости, люди разучились искать и находить простейшие жизненные радости. Приземление в реальность оказывается для них ещё большим разочарованием, чем эмоциональное опустошение. Что ж, многие стимуляторы и желания исчерпали их привлекательность, так их ещё тучи. Как бы тело не было истощено, как бы не были обглоданы былые желания, всегда найдутся парочка телесных мотиваций, за которые ещё не были затребованы авансы. Всё, что биологическая эволюция когда-либо испытывала: мазохизм, садизм, педофилия и некрофилия идут один за другим в дело, лишь бы их потенциал неизведанности был ещё девственным. При попечительстве безнаказанности и неограниченных средств, даруемых классовым обществом, симпатичные, восторженные, романтические и сострадательные от рождения юноши превращаются в монстров. То, что молодости кажется отталкивающим извращением (наслаждения молодости на порядок выше), с истощением обыденных радостей начинает привлекать, скатываясь всё быстрее в жестокость. К счастью, способствующие обстоятельства редки, иначе мы бы чаще встречали Джека-Потрошителя или Генри Говарда Холмса.

Подробно задокументирована жизнь барона де Рэ. Отзывчивый юноша, любитель театра, искусства и книг с обостренным чувством справедливости, спутник и боевой товарищ Жанны Д'Арк. Глубоко потрясённый ее мученической смертью на костре, смятенный отчаянием, он удалился от общественной жизни и опротивевших ему рыцарских радостей в свой замок, превратившись со временем в Синюю Бороду, только по жизни, а не по сказке. Став художником смерти, он пленил в окрестности красивых молодых людей, чтобы зверски расправляться с ними в своих застенках. Жизнеописание императора Нерона повторяет мотив Синеи Бороды, обогащая его убийством матери, оргиями и массой ещё более отвратительных деталей. Даже если многие из этих деталей - поздние приписки, сути превращения это не меняет. Примеров обратного развития в человеческой истории нет.

Алчность

Вы выиграли столько холодильников, сколько сможете унести. Алчность - это мучения неподъёмно-желанного. Её появление уходит тоже к истокам эволюции и находит там свое объяснение. Высокое содержание в продуктах легкоусвояемых, насыщенных энергией сахаров или жиров, говорит телу, что эти продукты зрелые, высокого качества и свежести. Поэтому сладкие и жирные продукты востребованы. Необходимы, конечно, также витамины, микроэлементы и другие ценные вещества, но их восприятие не развито, поскольку в продуктах, содержащих жир и сахар, их присутствие и так постоянно.

Клетчатка и пищевые волокна не представляют особой питательной ценности. Однако, в отличие от витаминов и микроэлементов, тело определяет их количество по следующей причине. Сахара и жиры редки и непредсказуемо распределены; а вот плохо или даже совсем не усваиваемые клетчатка и пищевые волокна - равномерно и обильно представлены в пище. Первые - удовлетворяют, последние - обременяют пищеварение. Вычитывание из радости бремени позволяет избежать перегрузки. Голод ориентируется на сахар и жиры, нагрузка исходит из общего объёма не перевариваемых примесей. Такое простое уравнение очень кстати. Его сбой имеет страшные последствия. Корова питается обычно низкокалорийной травой, жуя и отрывая постоянно. Обилие клетчатки предупреждает её, когда следует сделать паузу. Если же корова доберётся до зрелого пшеничного поля или до корыта с зерном, ситуация выходит из-под контроля. Зерно имеет совершенно другой энергетический вес при малом, не ведущем к насыщению, содержании клетчатки. Зерно корове очень нравится. Если не присмотреть, корова неминуемо умрет от переедания. Человек стремится к противоположному, не внемля урока с коровой.

Добавление в пищу сахара, жира и алкоголя увеличивает насыщенность энергией и испытываемое удовольствие. Удельное содержание витаминов и микроэлементов, как и полноценность пищевых продуктов, при этом падает. Падает также и соотношение с клетчаткой, препятствуя насыщению. Корова переедается зерном до смерти и все еще не чувствует себя сытой. Схожее происходит с ребёнком, дорвавшимся до шоколада. К счастью, у людей лучше лечащие врачи, умнее родители, а рвотный рефлекс покладистее и радикальнее, чем у коровы. А ведь сколько былых пиршеств сопровождалось извержениями вне праздничного зала, не останавливавшими празднующих вернуться после рвоты к столу.

В типичной природной среде обитания каждое приобретение радует только в пределах допустимой нагрузки удержания и пользования. Влечения уравниваются насыщением и обрываются пресыщением. Современность успешно притупляет защиту

перебора отвращением, отрывая радость от усилий.

Алчность – это жажда удовольствия приобретений сверх всякой целесообразности. В отличие от пережора, алчность не смертельна для тела, хоть и убийственна для души.

Искушения

Волшебник материализовался из ниоткуда. «Я исполню три твоих желания - сказал он - если ты следующую минуту не подумаешь о крокодиле». Постояв, он с упрёком во взгляде, снова растворился в воздухе.

Искушение – это грандиозное предложение, связанное с условиями, кажущимися предельно легкими и, тем не менее, не исполнимыми. Тщетность попыток зачастую легко узнаваема. Но легче от этого не становится. Всего пару минут назад вы шли по делам, раздумывая, как их лучше обустроить. Вдруг сталкиваетесь с искушением, и уже не способны на что-либо. Проходя мимо стены, вам внезапно привиделась открытая дверь, а за нею поистине райский сад. Что это было? Наваждение? Может быть. Но, пойдя дальше, вы никогда не узнаете, что находится за стеной.

Ученик спросил: «Что лучше - жениться и жить или сперва научиться правильной жизни?» Сократ ему ответил: «Женись, ведь что бы ты не предпринял, о своём решении ты всё равно пожалеешь. Попадётся хорошая жена - станешь счастлив, плохая – станешь философом. Кто знает, что лучше...»

Обдумывание наперед, что нам может дать и забрать соблазн, не всегда предохраняет от неожиданностей, и всё же помогает повернуть просчёты вспять.

Страсть

«Обжегшись на молоке, разум дует на водку», и строго избегает соблазнов, обходя места, где их можно повстречать. Но со временем боязнь отходит. Что было, то было, мы уже крепче и умнее, можем постоять за себя и удержать наше тело в руках. Соблазн поддакивает: раз ты уже доказал свою стойкость, что страшного в отступлении, в малюсенькой пробе. Ведь ты доселе хладнокровно взирал на все искушения! Наоборот, такая проба только докажет, насколько сильным ты уже стал. Однако, малейшая побрякка, глоток или приза «запретного» - и тело сходит с установленного пути. Высвобождаются гормоны, медиаторы, включаются автоматические системы подачи и управления. Пока всё это только подготовка тела, перераспределение задатков и сил, но с ними уже реальные биохимические процессы противостоят каким-то там «мыслям», мотающимся между синапсов нейронов. Чаша на весах приёма решений приходит в движение. Чувственное перевешивает разумное. Выбор между правильным и возбуждающим становится трудным и освобождается от предвзятости только тогда, когда проходит будоражащий эффект чувственности.

Подвыпивший алкоголик полон раскаяния, созерцая последствия своей зависимости. Он ломится в приемные лечебниц, умоляя о помощи. Его намерение и решимость покончить с зависимостью искренние, но и не затуманены тонизирующим действием соблазна. Но вот алкоголь исчезает из его крови... Биохимические процессы в организме возвращаются к исходному и вынуждены болезненно навёрстывать упущенное, накапливать напрасно сожженное в топке дурмана. Состояние жуткое, ощущения отвратительны, и они соответствуют истинному истощению, куда завел прожегший все резервы алкоголь. Все благие намерения забыты. Полцарства - за стопку яда! Без внешней помощи и жесткого противодействия здесь не обойтись. Мучительно медленно тело собирается с силами. После недель абстиненции всё начинается сначала. «Слышь, другие принимают это вещество, и ничего! Ты давно избавился от зависимости. Что страшного в одном глотке?»

Страсть —

это напор сильных биологических автоматизмов, противостоящих слабым. Чем мощнее автоматизм, чем меньше напряжение воли необходимо для его поддержания, тем непобедимее чувствует себя человек за его броней. Ведомые страстью люди совершают немислимое. Мать поднимает машину, под которой лежит ее дитя, герои не замечают боли, голода и холода на пике самоотдачи.

Мощь страсти - это обман шагреновой кожи, разменивающей силу, предоставляемую телом мгновению, на потерю телесной длительности. Страсть не дает дополнительных сил, она перераспределяет существующие. Курильщик, с кайфом затягивающий дурман или обжора смакующий крем-торт, не замечают задыхающееся лёгкое или прогорающую поджелудку. Сияние страсти затмевает эти пятна. Но у всего есть цена. Полет страстей без осмысленных целей оплачивает успех растущими долгами. Страсть без достижений один обман. Наоборот, возникающие при работе ощущения усталости, недомогания, дискомфорта, может быть, и не приятны – они честно указывают на существующие недуги и ограничения, и уже этим помогают нам по-настоящему избавиться от них. Не шарахайтесь от плохого самочувствия к похмельной стопке бранных страстей. Чем ярче они горят, тем быстрее прожигают жизнь. Учитесь наслаждаться радостью реальных успехов, а не опьянения, строго различая что есть что...

Порыв и иступление

Мы можем иногда подолгу заниматься чем-то одним, не отвлекаясь на постороннее. Нашему телу такое не дозволено. Каждая секунда посвящена решению разнообразнейших задач жизнедеятельности. Да, организм может перестать дышать, не двигаться, отложить сон, не есть, не пить без серьезных последствий, но только на ограниченное, типичное для каждого процесса время и в залог обещаний прорыва к чему-то лучшему. Недовольство нетерпения следит, чтобы это время не было превышено. Чем дольше ограничения порыва без вменяемых достижений, тем назойливее нетерпение. При превышении уровня безопасности организм сообщает болью, удушьем, голодом, что безобидно задуманная заминка переходит в убытки, а успеха всё нет. Прекращение порыва с переходом на обычный режим перечёркивает предыдущие лишения. Во избежание потерь нетерпение компенсируется иступлением, позволяя порыву продержаться хоть сколько. Результатом становятся коллапс, разочарование в предыдущих целях, медленное восстановление и переориентация. Биологические автоматизмы, несомненно, нужная вещь, но только в соответствии со смыслом, а последний всё чаще диктуется головой. Но если набросок рожден в голове, стоит ли биться лбом в стену? Любое препятствие можно преодолеть окольным путем, задействуя телесность по назначению.

Экстаз

Конфликт между порывом и нетерпением не может продолжаться вечно, и он должен быть разрешен. Но чем бы ни окончился порыв - победой или тщетностью напряжения, для поддерживавших его сил - результат сперва один и тот же – опустошение. Оставшиеся резервы конкурирующих сил поднимают вой, язвя и колюще предъявляя свои недоимки сдувшимся и обессиленным порывам. При неудачах влечения такие разборки желанны с воспитательной точки зрения и предотвращают повтор. При успехах соответствующее возмущение стало бы катастрофой. Экстаз противодействует этому и сжигает все оставшиеся у конкурирующих влечений резервы в праздничном костре, не оставляя ни одному влечению сил проявлять недовольство. Обессиленное тело отрешается от всех забот, погружаясь в приятный наркоз истомы. Под покровом иступления начинается медленное равномерное восстановление. Люди знают

утоляющее действие экстаза и стремятся достичь его в большом или малом: сексе, обжорстве, запое, исступлении работой, мечтая отрешиться от мира сего и, наконец, забывшись, отдохнуть.

Обуздание

Никакие благие намерения не способны предотвратить случайного укуса отравленного «яблока» искушения, когда предусмотрительность уже не действует, а разум ещё не помогает. Яд проникает в тело, соблазны бушуют пробудившимися автоматизмами, растекаясь и парализуя волю. Что делать?

Беспредметной мысли не осилить реально текущих процессов, но дело её приземления незатейливое и наживное. В большинстве случаев достаточно ущипнуть себя, глубоко вздохнуть, сделать глоток воды, ахнуть, присвистнуть, выругаться наконец. Искушение блефует, у него нет ничего своего, всё в задаток, и тут же чахнет, как только средства потекут куда-то ещё. Отвлекающие движения расплывают потоки телесных задач, позволяют избежать концентрированного удара, собраться с мыслями и разобраться в ситуации. Направление мысли на воплощение желанного приносит искушению неизбежный конец. Автоматизм случайного не в силах противостоять целенаправленной поступи тела, руководимого мыслью. Искушение сильно только в отсутствии телесности других мотивов.

С возвышением рекламы и её приспешников - новостных лент, общественных чувствований и развлечений, искры соблазнов наступают нас повсюду, кружа в безудержной пляске ярких красок. Как тут не обжечься, остаться при своём, не сбиться, потеряв разумные цели из виду.

Символы

Отличное средство восходит к каменному веку, пещерной живописи и разбросанным в пределах видимости мегалитам. Подберите и придайте вашим видениям символы. Распределите их вокруг так, чтобы они всегда были под рукой, в беде и радости. Не смейтесь над монахами с их нашейными крестами, четками, навязчивостью куполов церковей. Беглого взгляда, прикосновения достаточно, чтобы воссоздать нечаянно потерянную связь, вернуться на искомый путь и отрешиться от бушующих событий. Что проще этого! Сделайте выбранные вами маяки броскими, легкими и достигаемыми отовсюду. Не забывайте их, собираясь в дорогу. А в случае потери или кражи - не беда, сойдут пословица, четверостишие или песня. Была ли и молитва создана для того? Несомненно - стойкость нуждается в опоре!

Пауза

А если голова забита и нет возможности переполненное разобрать? Время для паузы. Пауза — это не бездействие, а необходимый разбор завалов и препон, парализующих адекватное восприятие. Пауза особенно необходима там, где она не предусмотрена. Прекрасным примером её оздоровляющего воздействия является закон - требование каждодневного закрытия казино. Воздержание – это длительная пауза.

Нетерпение окрикает. Какая пауза, какое воздержание в решающее мгновение!

Нетерпение лжет!

Упорство - разбазаривает, пауза - собирает и накапливает. Не бойтесь пауз и не злитесь, не избегайте даже вынужденных перерывов, учитесь наслаждаться каждой передышкой, какую вам дарит жизнь. Там, где судьба мешает вам творить, в приемной, в очереди, при

оформлении разрешений или документов, она лишь предлагает вам задуматься, как быть. Собранность - необходимое условие для решимости. Важнейшее из правил: ничего не начинать и не завершать без пауз. Художник, перед первым взмахом кисти, делает шаг назад перед холстом; архитектор – перед наброском проекта; путешественник присядет на дорожку. Отступление не прерывает, а только открывает новые перспективы. «Потерянное время» окупается с лихвой.

Подвижность

Считается что Галилей ввел в физику идею, уравнивающую равномерное движение и покой. Телесные движения и покой не менее относительны по отношению к необходимым для них затратам. Любое сохранение тела в одном и том же состоянии, будь то спокойствие или движение, утомительно.

На вечеринке вы ничем не заняты, полулежите, растянувшись в кресле, или удобно сидите в баре, облокотившись на стойку, вольно дышите, наслаждаетесь коктейлем, безучастно внимаете пульсирующим голосам людей, время от времени улыбаетесь знакомому. Слово - там, приветственный жест - здесь, и все же вы по-настоящему изнурены. Вести машину или бизнес ещё обременительней. Вроде, сиди себе, слегка дави педали, двигай руль, разговаривай с навигатором или выдавай, не подымаясь, указания из офиса персоналу, чтобы механизмы делали за тебя всю работу. Вроде, нагрузок нет, и тем не менее истощение неизбежно.

Уже только поддержание внимания изматывает. Одно дело наблюдать танец световых точек вращающегося диско-шара, другое – знать, что одна из них исходит от прицельного устройства снайпера, ищущего тебя в толпе. Необходимость узнать и молниеносно отреагировать съедает все силы организма. Тяжело не столько само внимание, сколько усилие, подавляющее всё, кроме одного побуждения. Изматывает отсутствие альтернативы и перемен.

Упорство борется с безнадёжностью, навязчиво штурмует непоколебимую стену. Не увлекайтесь. Если усилие не дает должного эффекта, смените направление удара. Займитесь чем-то другим. Перенесённое не отменено. Распределите задачи так, чтобы работать над важным, не попадая в область усталости по каждой деятельности в отдельности. Отдых – это просто другой вид работы.

Не путайте самочувствие с состоянием. Неважно себя чувствуя, вы можете быть полными сил, и наоборот. По слабости и потере концентрации хочется встряхнуться, улучшить настроение, обратившись к новостям, к стаканчику с крепительным, к телефону, не по надобности, а просто так.

Многое ли это не дает? Скачок в настроении только разбазаривает оставшиеся силы. Важно не настроение, а радость, венчающая результат. А для последней даже лишения, преодоление голода, страха и боли могут быть воодушевляющими. Страдания указывают на объем существующей и ещё выносимой нагрузки. Преодоление увеличивает порог допустимого. Чем больше мы можем вытерпеть, не пострадав, тем больше предельная нагрузка, на которой мы строим наши предприятия. Но страдание не цель а мерило. Чем больше зона, в которой мы двигаемся, дерзаем и создаем безопасно, тем больше независимость от превратностей непредсказуемых ударов соседей и судьбы. При этом воля и самоконтроль лишь подспорье. При полном мочевом пузыре или поносе любые усилия воли тщетны. При недержании ещё сложнее. Однако удивительно, как быстро пациенты справляются с невзгодами, заранее изучают маршруты, планируют места для неожиданностей, временно воздерживаются от еды и питья перед поездкой и конечно заготавливают смену белья и уборочный набор.

Врачебное искусство обеспечивает их средствами по уходу за кожей. Хирургия корректирует анатомию проходов. Анестезия отключает управление мышцами, болью, дыханием и кровообращением и держит всё это под контролем до тех пор, пока не будет достигнута коррекция, погружая тело в сон.

Сон

Кто не хотел бы спать меньше, но при этом просыпаться бодрым оставаясь днём в отличной форме? Даже в детстве мы протестуем на призыв идти в кровать, ведь всё так увлекательно, но раз за разом терпим неудачу. Мечта о непрерывном бодрствовании при легкости восприятия и бытия – что не сделаешь для этого? Чтоб как-то оттянуть мгновения упадка, люди больно щипают себя и тянут за волосы, пьют крепкий кофе, принимают амфетамин. Всё напрасно, усталость и сон берут свое, да еще и с процентами. Что делает сон таким важным?

В «День домино» опрокидывание нескольких из выстроенных костяшек вызывает цепные реакции чарующей красоты. Установка костяшек занимает дни, иногда месяцы кропотливой работы и не заметна для зрителя. Пользуясь тем же принципом, жизнь демонстрирует скорость, силу и выносливость там, где способна лишь к медленному передвижению отдельных органелл. Быстрые сокращения мышц возможны только благодаря медленному натягиванию огромного числа микроскопических волокон миозина. Нервы передают сигналы в одно мгновение, пользуясь разрядами ранее подготовленных электрических потенциалов и накоплениями нейромедиаторов в гранулах-мешочках.

Каждому обрушиванию башен предшествует длительный период их возведения. Сваливание каменных глыб с высоты кажется занятием легким и, меряя нужным для этого усилием, без конца возможным. Но уровень земли достигнут, а новых возвышений нет. Для сваливающего остается непонятным, как это так; все было так легко, а теперь раз - и нет. А главное, ничто не в помощь. Как глыбу не толкай, как не напрягайся, она не прыгает наверх.

Во сне собирается то, что разбрасывается завтра. Мы считаем сон проявлением слабости, бездарно выброшенным временем безделья. Отсутствие восприятия во сне не позволяет оценить усилия, затрачиваемые на восстановление «обычных дневных сил». На самом деле всё ровно наоборот. Именно сон, а не бодрствование, нуждается в максимальном напряжении организма.

Пока мы бодрствуем, бесчисленные несвязанные события, громокая, свистя и ярко вспыхивая, кружат вокруг, но мы каким-то образом справляемся со своими задачами, не особенно обращая внимания на их молнии и громокая. При поисках сна всё меняется. Приглушенный разговор во дворе или в соседней квартире, шипение радиатора, капающий кран, важное письмо, которое еще предстоит написать, неоплаченный счёт, оборванный накануне разговор не позволяют заснуть. Конечно, при полном изнеможении, сон не отсрочить. Сирены, взрывы, свет прожекторов тому не помеха. Но выспаться этот фон не даст, вернув вас преждевременно в полусон-реальность.

Зачем эта изоляция, требующая полного отрешения от всего, кроме сна? Почему нельзя бодрствовать, при этом отдыхая?

Созерцая звезды, Фалес Милетский (585 г. до н.э.) упал в колодец и был высмеян служанкой. Что толку в небесах, когда не видишь дыру перед носом! Не в этом ли причина восприимчивости сна к помехам? Тяжесть задачи требует максимального сосредоточения. Лишнее обременяет и не позволяет завершить предпринятое. Привычка

помогает игнорировать жужжание отопления, порывы ветра за окном и даже горошину под матрасом. Но привыкание требует времени. Разбор полетов проще и быстрее. Прежде, чем идти ко сну, следует взвесить, как освободиться от навязчивых задач, точно обозначив им решение на завтра-послезавтра, а так же, как лучше защитить оставшийся ночной покой от чуждых поползновений. Помните. Сон – починка, заправка, зарядка боекомплектов, важный и тяжелый труд, старайтесь облегчить, а не обременять его.

Воплощение смысла

Механика влечений сложна. Всё не обсудишь. Что остается в конце? Осознав, что удовольствия - долговые авансы, позывы и страсти - простая перегруппировка, а экстаз - прожигание накопленных жизненных сил, значит ли это, что мы должны отбросить эмоции, отказываться от энтузиазма, самозабвения, радостей и экстаза, и во всём, что мы делаем оставаться безэмоциональными?

Напротив! Кто пришел к такому выводу, ничего не понял.

Знание об оптических, звуковых, физических и другие иллюзиях обмана призывает не отказываться от зрения и слуха, а, наоборот, внимательнее присматриваться, улучшая восприятие на опыте ошибок. То же самое касается чувств. Важно не отказываться, а, наоборот, развивать и совершенствовать чувства, освобождая их из западни соблазнов, иллюзий и пристрастия к самоудовлетворению.

Чувственность часто порицали низостью и пошлостью позывов. Это - как с ней обходиться. Разум не менее противен в низменных руках. Чувства и чувственность - самое дорогое в жизни. Это особенно заметно у больных депрессией. Их ничего не волнует, ничего не интересует, они ни в чем не участвуют.

Без влечений мы ничто.

Чувства укладывают нас в постель и будят нас, заражают любопытством, придают выносливости, подбадривают, побуждают к свершениям и, конечно, предупреждают нас, если мы суёмся не туда, и не так, как они себе это представляют. Их просто нужно направлять и поправлять, нужно обоюдно учиться.

Направлять, это как? Влечения влекут и тащат, подталкивают, а не рассуждают. Как им прикажешь?

Несговорчивость, безусловно, является отличительной чертой влечений, их невозможно переубедить другому. Так же, как нельзя убедить холодильник, стиральную машину, циркулярную пилу, молоток делать то, к чему они не пригодны. Влечения – это готовые программы-машины, заточенные на конкретные задачи. Задач у организма много, и влечений много. Не справляются одни, задействуются другие. Более сильное (исторически более значимое) влечение подчиняет себе более слабое. Волевое противодействие конкретным влечениям – пустая трата сил. А вот задача найти каждому влечению оптимальное место, распределяя их, вполне посильна. Влечения взбрыкивают только, если ими пренебрегают. Если ситуация показывает, что они уместны, и заводится автоматизм, но дальше старта продвижения нет, влечение начинает крушить преграды, что обычно вредно. Сложнее, когда многие влечения одновременно включаются и ведут себя как лебедь рак и щука. Но высшие организмы построены так, что все влечения могут объединяться в одном порыве, направленные и ведомые целью. Суть человеческого созревания - это созидание своей симфонии и своего оркестра. В нём ни одно влечение не может встать и уйти в сторону; каждое становится частью и двигателем целостного. Не надо никого принуждать, все всё делают добровольно, а в случае необходимости готовы пожертвовать собой.

Сент-Экзюпери описывает, как распростертое тело летчика, потерпевшего аварию в

богом забытой каменной пустыне, раненое, обезвоженное и уже более ни к чему не способное, двигает то рукой, то ногой, поворачивается, приподнимаясь, и в процессе ничего не значащих телодвижений и шажков обнаруживает в себе силы и волю, чтобы не идти, так двигаться, и в конце преодолеть пустынную полосу смерти. У каждого найдется схожее воспоминание. Вся жизнь - это, по сути, преодоление прострации немыслимого шажками возможного.

Но успех даруем только искренности. Каждая ложь автоматически приводит к тому, что альтернативные стремления прыгают в брешь и заполняют по-своему пустоту. Влечения напрямую чувствуют самообман (ещё бы, они сидят на корню, следя за каждым ощущением). Все попытки шельмовства, все клятвенные заверения и отговорки напрасны. А потому не мечитесь. Кто не ведёт, будет неизбежно ведом. Не забывайте своих главных целей ни в работе, ни в часы отдыха, ни в мгновениях победы, ни в бурях. Тогда влечения не смогут вам ничего диктовать. Избегайте скучного, если оно не является кирпичиками великого. Увлекайтесь, живите по большому. Будьте страстными. Страстность ставит на службу телу не только гены, клетки и органы, но даже и их пороки, морщины, артриты и боль. Успех последует.

ЧАСТЬ VIII

НЕее-ОБХОДИМОЕ

Жизнь могла бы быть такой счастливой, если бы люди могли видеть свое счастье и руководствоваться им. Вместо этого они переполнены завистью и терзаемы страхом опоздать к празднику жизни. Что если другие при распределении благ урвут больше? Какая несправедливость!

Хотелось бы помочь им, но как? Неужели и в самом деле кого-то не пригласили к празднику жизни? Что за чушь! Мы все находимся в его гуще. И всё же, некоторые чуждаются праздничного хора событий. Что мешает им?

Зависть

Простое размножение требует равных возможностей. Каждый вирус и каждая бактерия должны быть одинаковыми после деления, чтобы гарантировать существование вида. Зависть помогает им делить поровну наследство и является одним из древнейших врожденных инстинктов.

Чем выше уровень развития, тем меньше значение зависти. Культура дает людям гораздо больше, чем биологическая доля наследства: сознание, воспитание, социальную среду. Однако стремление к простому равенству присуще каждому из нас, особенно в детстве и только постепенно отпадает с обретением опыта. При этом зависть предлагает только минимум для обеспечения существования, мешая стремлениям к более высокому. Чего бы зависть не достигла, завидовать ей не стоит.

Гнев

Радость бежит от одного приближения гнева. Злоба, негодование, ярость – карательные меры, требующие «око за око, зуб за зуб». Виновник должен считаться с ними. Нет виновника, например, при природных бурях, то и причин для гнева тоже нет. Правда,

бывают и исключения. Так, Дарий приказал высечь море, разрушившее понтонный мост для его армии вторжения.

Злорадство

– это радость удовлетворения гнева. Досада с обидой - признак беспомощности кар.

Обида оставляет в памяти болезненные шрамы злобы, которые прорываются при встрече с виновником и побуждают держать дистанцию. Мы избегаем неприятное, если не можем его изменить. В дикой природе, при защите территории или статуса, злоба имеет смысл. В человеческом обществе злоба также определяет расстояние и связь между людьми. Возникший в одном месте всплеск волною бежит от эпицентра, информируя социум, где и что. Большого значения ей не дано. Современное общество не позволяет избегать зачинщика как ни вертись, оставляя в осадке одно разочарование. Поэтому лучший зарок при всплесках эмоций - «Не сердись, не гневайся, не горюй».

Месть

Боль, муки, смерть близких призывают к отмщению, раскручивая маховик бедствий. Оспа убила миллионы. Следует ли мстить вирусу? Что и кому это даст? На доброту отвечают добротой, на зло – справедливостью. Справедливость или найдет для вируса подобающее место, где от него нет вреда, или запрет его в пробирке про запас, мало ли что. Не вирус и не злодеи, а мы виноваты, что до сих пор не нашли защиты и противоядий.

Нетерпение

При работе в пыли защитная маска обременяет. Пот течет в глаза и заволакивает стёкла. Каждый вдох вымучен. Чувства кричат: сорви маску, вздохни полной грудью. Это и впрямь приносит облегчение. Кислород проникает беспрепятственно в кровь, а пыль в легкие. Но облегчение преходяще, а ущерб нет.

Нас тошнит, болезнь терзает тело, всё осточертело. На помощь! Но вместо облегчения нам предлагают горькие пилюли, диету и строгий образ жизни. Чего ради? Пока мы не принимали лекарств, все было в порядке. Теперь только хуже и хуже. Хватит!.....

Терпение, просто терпение, друзья мои. Неприятное входит в нашу жизнь именно потому, что мы ничего не доводим до завершения.

Грех

Учитывать что? Заповеди? Соблюдать пост? А я-то думал, что пасха - это праздничный стол, пирог, шоколадные яйца и зайцы.

Основательность, сдержанность! Чёё? Кто смеется первым, тот смеется последним.

Скромность? Не смешите! С ней вы не пройдете ни одного собеседования.

Совесть? - Только если по отношению ко мне.

Грех? Да бросьте! Какое может быть жеманство, когда сам Дьявол-Властелин вам предлагает мир за малую услугу? Кивка согласия или «ОК» хватит! Глупо не воспользоваться таким!

Изначально грех означал противление божьей воли. Бог – творец. Мы давно уже не верим в Бога. Но что подразумевалось под волей Творца? Жизнь, а жизнь – это стремление к совершенству. Тогда грехопадение — это отступление, распад и разлад. С этой точки зрения, мы непрерывно грешим, делая это по незнанию, из-за завышенной самооценки или недостатка опыта, и по той же причине грех первороден и неминуем. Опыт, сознание нужно сперва приобрести. Не бойтесь греха, грех неизбежен, но учитесь не повторять ошибок, возвращаясь на путь созидания.

Глупость

Если мудрость «божественна», то откуда глупость?

От дьявола? - Нет, от преимущества!

Что, глупость дает преимущество? Несомненно! Глупцы = рабы преимущества, а не творцы успеха. Они выслуживаются перед выгодой и просто незаменимы в этой роли. Пока живут на свете дураки ...

Главное обойти,

прийти раньше остальных. А там увидим.

Стоит ли?

Врата на тот свет всегда открыты, опоздать не удастся никак и никому.

Все физическое время – знаменатель разрушения. Быстрое - это часть медленного распада и абсолютно соразмерно. Для жизни время – трамплин к вечности, а потому непостоянно в своем течении. Ход жизни определяется не стрелкой часов, а вкладом в её протяжённость. Часы дня могут быть заполнены до секунды, не сдвигая нас с места и даже отбрасывая назад. Бывает, что дни и тысячелетия поколений пролетают, как будто их никогда не было. Наоборот, книга, разговор, мысль, раздвигающие границы осознанного, приобщают нас к вечности. Чем бы мы время не меряли, важно только время дающее, а не забирающее.

Всё это в теории. Но что если вы придёте к пустым прилавкам? Обидно? Ни чуточки.

Важно не что-то урвать, а найти то, что вам дарует максимум счастья, сил и свободы, а этого вы никогда не найдете в толкучке, а только на пути созидания. Предпосылки не велики. Немного хлеба, воды, уголок для сна и независимость предприятий. Эти средства всегда под рукой.

Тщеславие

Слово «я» очень сладко и в той же мере лживо. И хотя его балуют и лелеют, «Я» оплачивает совершенно не тем, что от него ожидают и оказывается совершенно не тем, кем его чтут. Каждый чувствует несоответствие, и тем не менее не понимает, в чём подвох. Чем обосновано чувство собственной исключительности, если биология так скупотмерно отмеряет ей жизни и не оставляет ни малейшего шанса на выживание? Может, с моим «Я» всё обстоит иначе? Но, как может быть моё «Я» исключением, если еще никому не удалось уйти из этой жизни живым?

Предположим, себялюбие служит не «Я», а возвышению рода? Почему эгоизму «Я» наплевать на все, что не в пользу ему? Почему коллектив ему важен только как выгодное подспорье, о котором, в противном случае, совершенно не жаль? И даже лети весь мир в тарарам, главное, чтобы себе от этого было не холодно и не жарко, дела шли хорошо и как можно дольше. Куда делась совесть, да и присуща ли совесть «Я»? Как объяснить, что при виде конца находятся особи мечтающие прихватить с собой весь мир или хотя бы то, что рядом: жену, воинство, слуг, богатство, друзей? И насколько такие изверги редки?

Мы не правильно понимаем истинный посыл ощущения исключительности. «Я» вовсе не призвано возвышать, выделять, превозносить. Его цели намного скромнее. Самовлюбленность – это пустышка, уловка, леденец, ободрение. С их помощью эволюция побуждает своих деток ступать по безнадежному для них пути, невзирая на все прошлые примеры неудач.

И это всё?

В общем да.

Пусть каждый считает себя наиважным, тем исправнее тянет он свою лямку, не замечая куда. Жизни плевать на недоумков, считающих себя центром Вселенной. Главное, чтобы они рьяно ломались в стену. Все заочно обречены на провал. И тем не менее, некоторым

удастся превзойти посредственность, пройти шаг другой дальше золотой середины, вместе с ними, виляя, ползет эволюция, из океана на землю, оттуда к небу, а там глядишь уже и к дальним мирам.

Одиночество

В пьесе Монти Пайтона король Артур горько сетует на свое одиночество, обращаясь к слуге (как его звали?), безустанно шедшем за ним, разделявшем кроме тягот пути тяжести багажа и доспехов. У Полтавы в пылу сражения король Швеции Карл причитает, как он брошен и одинок. Офицеры его окружения сочувственно ловят слова, свинцовые пули и ядра, надёжно прикрывая своего короля.

Убегая из Москвы, Наполеон провел много времени в компании своего интенданта Коленкура. Путь был не из коротких, а условия непригодны для мало-мальски быстрой езды. Чтобы неподкованные лошади не сдохли на обледенелой дороге, Коленкур шел рядом с каретой, внимая излияниям императора. Ночью, пока император спал, Коленкур записывал услышанное. В записях сливается прошлое, настоящее и будущее. Оглядываясь, Наполеон ясно видел: его никогда не понимали, он всегда и во всём был предоставлен себе. Успехи были только его заслугами, бедствия и несчастья – результаты чужого предательства, глупости и упрямства. Позади кареты тянулись следы разрушения, брошенное добро, оружие, обледеневшие трупы отставших раненых или просто ослабленных солдат некогда великолепной Grande Armée. Последние дни Гитлера и Муссолини, будь то в сказочном окружении на вилле Фельтринелли или в убогом фюрер-бункере, переполнены схожими стенаниями; только Муссолини и Гитлер чувствовали себя преданными и брошенными уже целыми народами.

Думается, этих примеров достаточно, чтобы осознать: одиночество - это вовсе не состояние, а плата за воззрения.

Никто и никогда не одинок. Даже когда вокруг никого нет, всегда есть деревья и кусты, птицы в небе, бабочки, цветы, жуки на траве, даже невидимые клещи в домашней пыли, дрожжи и микроорганизмы. Только в нашем кишечнике ютятся 10^{13} бактерий. Каждый из этих микроорганизмов - независимое существо. Нас всегда окружает жизнь, вокруг нас и внутри нас, мы только более или менее воспринимаем это присутствие других.

Но это не в счет! Почему?

Эти существа нам не равны!

Как неравен слуга королю Артуру, Санчо Панса - Дон Кихоту, солдаты - Наполеону, народы - Гитлеру и Муссолини?

Жизни такие тонкости не важны. Она цельна. Каждое существо - уникальное чудо, дополняющее и обогащающее мир живого. Не важно, кто находится наверху, внизу или в стороне. Даже если какому-нибудь негодяю удастся развязать ядерную войну и уничтожить человечество, микроорганизмы выживут, наверхстают (ведь они не стояли на месте) и перейдут рубеж, на котором человечество споткнулось. Политики пытаются нас шантажировать, предрекают ужасы уничтожения, но, к счастью, последние им не подвластны. Всё это блеф.

Одиночество значит, что ваше стремление потеряло смысл, что оно не было и не будет никому полезно. Последнее можно всегда изменить.

Величие

Каждый жаждет большего и мечтает оставить в истории след. Но что если, переиначивая, обманщик объявит себя праведником, а святой выйдет мерзавцем? Что если достигнутое присвоит себе вор? Не беда. Всякая награда по заслугам. Жажущий поощрения лакей

получит золотом украшенную униформу и право на вытяжку стоять у подеста чужого величия, созидатель - вселенную в свое пользование. Прейскуранты общественного признания мимолетны. Наградные списки, ленты, крестики, звездочки торгуются сперва в пышных прихожих, а потом на барахолках, не оставляя следа. Труды человеческие живут не независимо от создателей и говорят за себя. Но ведь дело не только в этом. Что толку от храбрости, честности, искренности и самоотверженности, если в историю ты войдешь, как негодяй, а негодяй, как светоч и спаситель человечества?

Вы боитесь посмертной оценки? Наверное поделом. То, что придавало смысл вашей жизни, придает смысл и смерти. О потом, грезит лишь тот, у кого ничего не предвидится до того.

А как же с назидательной ролью примеров, эпосов, образов для подражания? Кого вдохновят обосранная в предсмертной агонии набедренная повязка тела, обесформленное побоями, залитое синяками лицо? Не бойтесь и не стыдитесь. Когда-нибудь каждый терпит неудачу. Потомков притягивают и интересуют только успехи, а не брэнность, разъеденная червём.

А как же правда, задвинутая на задворки, где её невозможно ни узнать, ни найти? Не заботьтесь о правде. Ей не нужно покровительство. Правда – не хвастовство, а возможность для человечества расправить крылья, жить, творить, совершенствоваться. У правды совершенно другие мотивы и движущие силы, чем рукоплескания чьих-то признаний. Вклад Эйнштейна, включая $E = mc^2$, соткан из неприкрытого плагиата, как и толкование спектральных сдвигов Хаббла. Но признаемся, положила руку на сердце, был бы так же быстро создан телескоп Хаббла и преодолена пропасть между энергией и веществом? Величие – это обаяние творения, а не брэнности, породившей его.

Архимед должен был подтвердить содержание золота в царской короне, не беря проб и не повреждая её. История многим известна, но многие ли знают имя царя? Архимед был лишь одним из его слуг, и не самым важным. Его имя осталось вместе с выведенным законом, а вот царствующее лицо кануло неизвестно куда. Если честно, то и об Архимеде (кто, где, когда, откуда), кроме анекдотов и наветов, мы не знаем ничего достоверного. Истории интересны только свершения. Имена - лишь дорожные указатели пройденных обстоятельств. Тем, кто сомневается, достаточно пройтись по улицам родного города, пытаясь разобраться в причудах их названий. Служат ли они увековечению «Имен»? Да бросьте! Не имена важны, а польза. Если всё тобою созданное, никому не в помощь, и никто им не пользуется, то ты в принципе и не жил.

Важность

Быть важным льстит и открывает двери. Значимость достойна всех похвал. Скромность стыдливо отсылается на задний план, чтобы не сгладить торжественность момента. Но это же нечестно, низко, подло?

Как посмотреть!

Быть неизвестным, невидимкой двигаться в толпе, без помех думать, мечтать, творить - что может быть приятнее такой свободы воли? Правда всегда невероятней лжи. Ложь искажает очевидное, доступное, легко воображаемое. Правда преподносит доселе не бывалое, не выразимое обычным набором образов и слов. Недоверие и озлобленная вражда невежества - неизбежные спутники первопроходца.

Быть непонятым и на виду - опасное занятие, ведущее к мышинной грызне и, в лучшем случае, к нареканию. Все истинно великие люди в истории познали горечь гонений, страх за свою жизнь и жизнь их близких. Так было и так будет. Словобудие будущих

признаний не защищает от преследований недоумками настоящего. Поэтому, зная истину за собой, важно не ввязываться в бессмысленную потасовку.

Посмотрим на опытного боксера. Он не лезет в драку, сохраняет дистанцию, выжидает ошибку противника, которой он моментально воспользуется. Со стороны кажется, что его притесняют, гоняют по рингу, а он трусливо прячется в защите. На самом деле всё наоборот. Не нападающий, а избегающий удара, готовя свой ответ, определяет правила и исход боя.

Разуму не должно оглядываться на господствующие власть и мнения, да это и не нужно. Идя вперед, вы неизбежно избегаете отсталость и остаётесь среди друзей, которым по пути. Конечно, предрассудок, чванство, глупость, пережитки никуда не делись, однако, оставшись за поворотом, они не видят вас, а вам ну совершенно не до них.

ЧАСТЬ IX

МУДРОСТЬ

Чувства настолько легко обмануть, что даже хочется это сделать, особенно в приятном. Но ведь и разум падок до сладостных иллюзий? Руководствоваться так называемыми «душевыми порывами» – это не хорошо и не плохо, не правильно и ненеже. Чувства наглядно и доходчиво раскрывают нам мир, который человеческим разумом, увы, ещё не объедем и для которого ни логике, ни мышлению ещё нет подхода.

Спор, что важнее или правдивее, возвышеннее или низменнее - разум или тело - глуп. Иногда разум доказывает нам ошибочность восприятий, но намного чаще происходит обратное, и чувства вытаскивают зазнавшийся разум из заносов его заблуждений.

Жить, черпая из закров тела, собранных в ходе миллиардов лет биологической эволюции, обогащать телесность инструментами культуры, науки и сознания всего человечества, познавая сильные и слабые стороны, взаимодополняя и усиливая, а не противопоставляя их, - собственно, именно это и составляет мудрость.

Если что-то в них не ладится или идет не так, то это вовсе не основание для стыда или жалоб, а повод сделать их и себя лучше. Только тогда станет ясным, что значит призыв: (*nosce te ipsum*) Человек, познай себя!

Прекрасное и не совсем

Убегая от «серой реальности», люди часто ищут мир красочных грёз, но далеко не уходят. Куда бы они не сунулись, радости нет и не предвидится. Иначе и быть не может. Серость не в реальности, а в самих людях. Радости – это не свойства обстоятельств, а похвалы эволюции. Они побуждают нас к поступкам прародителей, имевших феерический успех. Если чувства обещают, что за поворотом событий реальность должна быть прекрасной, а мы находим её скучной, с трудом переламаваем повседневность и разочаровываемся навалившимися хлопотами, то это означает только то, что нашим предкам в тех же условиях удавалось извлечь прекрасное из ситуации, а нам нет.

Дело не в обмане переменчивых чувств. Если у нас все складывается иначе, значит мы что-то неправильно поняли, неправильно сделали, в неправильном месте, в неподходящее время и на неподходящий манер. Не призывы чувств, а наше исполнение

несовершенно. Разочарование и скука возникают тогда, когда мы не много, а слишком мало ожидаем от жизни, вроде бы, щадя себя.

Скучного не бывает! Каждодневное – это то, что мы с отпущенным временем делаем. Реальность не просто хороша, она даже лучше, чем мы когда-либо об этом мечтали или представляли себе.

Это сладкое слово «свобода»

Свобода – самое ценное, за что стоит бороться. Мало кто понимает, о какой борьбе идет речь. Чаще всего представляют себе вооруженного, сеющего ужас изверга, пытающегося эту самую свободу отобрать, и ему противостоящего храброго рыцаря-свободолюбца, защищающего свободу от насилия. Беда данного представления - предпосылка, что свобода, это что-то каждому присущее и для каждого неоспоримое. Но если это так, то зачем её нужно защищать, отбирая её у кого-то? Только умение подняться над противодействием обстоятельств или соперников, только развитие навыков и умения несут свободу. Свободу – нельзя отобрать, вырвать или урвать, свобода – это мерило прогресса.

При рождении мы слабы, легко уязвимы и не способны свободно двигаться, думать, принимать решения, но наши навыки постоянно растут, а вместе с ними растет и наша свобода. Да, мы всегда и во всем следуем обстоятельствам, не нарушая законов мироздания, но при этом заставляем эти законы работать на нас. Материя не утрачивает своих свойств, не становится хрупче или тверже, легче или тяжелее, мы не отрицаем и не навязываем ей иные физико-химические свойства, мы просто учимся свободнее в ней перемещаться.

Позвольте, а что, если кто-то ворочает этими обстоятельствами против нас?

Как тут себя не защитить, не дать отпор? Что за дурачество? Отпор чему? Лучшая защита, это не противостояние, а инициатива. Не позволяйте чужим угрозам сковывать себя и не прибегайте к ответным угрозам. Сцепившиеся уже потеряли всякое подобие свободы. Делайте то, что считаете первостепенным и правильным, а не то, что навязывается вам.

Доброе и доброта

*Крошка сын к отцу пришёл, и спросила кроха:
– Что такое хорошо и что такое плохо?*

Что правильно, а что нет? Что справедливо? Чего нужно избегать?

Мы часто задаем себе эти вопросы и редко подразумеваем их буквально. Спрашивающее большинство ищет оправдание и сочувствие к себе, хочет отвести упреки и сомнения. Почему я, собственно, обязан творить добро и избегать зло? Разве в жизни все не наоборот? Если доброта – и в самом деле что-то хорошее, то почему её обходят похвалой и наградами, а злое и подлое, наоборот, возвышают и поощряют?

Ответ на удивление прост. Доброе и хорошее не нужно вознаграждать. Доброе творит добро именно потому, что оно доброе, а не ждет награды. К злу же без 30 сребреников не подступишь. Кто же иначе на него пойдет? Доброте не надо восхвалений, её награда - собственные добрые дела. А вот зло не пошевелит даже пальцем без лести и восхвалений.

Наши

«Наши пришли» – говорили на войне. Кто-то тогда пришел, утешил, освободил. Кого

ждать сегодня, кто придёт, откуда? Хотелось бы иного, но никто не придет нас (хороших, не по добру притеснённых) освобождать. Откуда, зачем, если мы сами не знаем, кто мы, а потому и кто наши? Опору легко потерять, понять, кто твои и где наши, требуется порою вся жизнь. «Наши» не где-то там, они стержень наших стремлений и привязанностей. Их не нужно просить или умолять, они тут же появятся и встанут в ряд, как только мы разберёмся с самими собой. И станет ясно: наши пришлю Ну и мы тоже пробилась к нашим.

Страх наш насущный

Уже приближение бросает в озноб. Вроде всё, как всегда, ничего опасного не происходит, а ооченение уже расплзается по телу, сковывает и не позволяет ничего делать. Наипростейшее в страхе чрезвычайно трудно и стоит неимоверных усилий. Нерешительность оцепенения сводит с ума. Бежать, только бежать! Спрятаться, бросив всё, запереть двери, забаррикадировать окна и проходы. Только вот куда? Страх тут не в помощь, наоборот, он преследует нас по пятам, превращая тайную комнату, бомбоубежище или хижину глухомани в верную западню.

Говорят, нет мучителя, хуже страха, но так ли это?

Что-то невидимое и неосязаемое вторгается в наше пространство свободы, угрожая телу, имуществу, положению. Чем больше и ближе угроза, тем сильнее страх. При этом не важно, реальна или выдумана опасность. Монтень как-то писал: при виде бури паломники стенали и метались по палубе корабля, испуганные блеском молний и громом небесной тьмы, в то время как свиньи, радостно хрюкая, толпились у корыта с кормом. Заключение. «Что толк от знаний, делающих нас безвольными трусами!»

Страх рисует нам то, что может произойти, а не то, что предстоит на самом деле.

Важный экзамен, угрожающие новости, признаки неизлечимой болезни, повестка в суд - судьбоносные события пересекают наш путь и ставят в зависимость все, к чему мы стремились, от своего исхода. Терзаемый неопределённостью человек теряет самоконтроль, пренебрегает едой, питьем, сном, прячется и обрубает связи с внешним миром. К чему эти мучения? Что пытается сказать нам этим эволюция?

Многое!

Представим себе беззаботного зайца на зелёном лугу с сочным листом клевера между зубами. Мир, тишина, наивкуснейшая травка. Идиллия, да и только! Вдруг заячий носик в чарующем потоке запахов улавливает нотку волка. Идиллия превращается в кошмар.

Луг, зелень, солнце все ещё там же, но их уже не существует для грызуна. Заяц замирает, хотя он не слышит и не видит хищника и даже не знает, есть ли он или только оставил след. Все импульсы подчинены только одной цели. Тело сжимается в пружину, готовую при малейшем намёке выстрелить и нестись к спасительным ямам и зарослям.

Страх – программа мобилизации тела. Призванный подчинять, страх интенсивнее остальных телесных порывов, за исключением, наверное, только любви. Перед лицом опасности все остальное должно молчать. Для отключения конкурирующих импульсов страх переполняет их значение. Любознательное в страхе раздражает, нервнрует и претит. Соблазны избранных удовольствий вызывают тошноту, рвоту, судороги и беспокойство. Напротив, боль и усталость почти не ощущаются.

Неприятен ли сам страх? Да, очень, порой невыносим! Спокойствие и отдых становятся немислимыми, не позволяя, как обычно, жить.

Враг ли нам страх?

Нет.

Гонения страха принуждают к поиску спасения, не говоря и не приказывая, где именно

спасение искать. Да и откуда страху знать? Каждая ситуация уникальна. С другой стороны, страх очень древний инстинкт, включающий стереотипы, чье значение уже не очень вписывается в современную жизнь. Поговорим о них.

Оцепенение

парализует. Тело каменеет, в то время как чувства максимально наяржены. Слышим любой шепот, ощущимо каждое движение воздуха. Мысли мечутся. Что надвигается, что происходит? Как реагировать, на что решиться? Первобытная стелс-технология оцепенения минимизирует сигналы присутствия и затрудняет хищнику определение местонахождения жертвы.

Паника

переключает оцепенение на бегство, вычурные манёвры и прыжки. Хоть слепота панического акционизма самоубийственна, она порою спасительна. Побег освобождает. В конце концов, не все опасности реальны и не все реальные опасности отчетливо видны. Бегство или разоблачает иллюзию, при отсутствии преследования, или уточняет, где собственно опасность стережет, после того как хищник в погоне выйдет из укрытия. Принцип паники - «пан или пропал», причём исход «пропал» не редок.

Бегство –

это безрассудство гонки, трусливо оставляющее всё ценное из накопленного за собой. Бежать, всё бросив, иногда уместно не только зайцу в необузданной природе, но и человеку. Пилат Булгакова хоть и назвал трусость самым страшным человеческим пороком, но только сторяча. Ведь если бы люди никогда не убегали, кто бы оставался ещё жить?

Счастливый конец

Страх изнурителен, но вот тучи расходятся, испытание пройдено, болезнь излечена, опасность отступила. Можно снова свободно дышать, есть, выспаться, беззаботно праздновать, беседовать, жить. Гора упала с плеч. Всё намного ярче, вкуснее и радостнее, чем до этого. Такой исход называют «счастливым концом». Люди любят его!

Жуть

Счастливые концы замечательны. Но без зла хороших концов не бывает. Ради счастливого конца люди ищут жуткого и страшного, находясь на безопасном расстоянии. Американские горки, комнаты страха, драмы, новости и фильмы ужасов машут дубиной страха, не ударяя ею. Садо-мазохисты доводят все до крайности.

Жестокость

Ужасное, в применении к своему телу даже у мазохиста имеет предел. Для чужих мытарств своих ограничений нет. То, что никто не применит к себе, всё ещё можно навязать постороннему человеку. Контраст счастливого конца для себя только усиливается с ростом чужих мучений.

Утопление, отсечение головы, сажание на кол, четвертование, заливание расплавленного свинца в рот – чисто человеческие изобретения, они немислимы в дикой природе. Ритуалы жертвоприношений, амулеты с усохшими головами, пирамиды из черепов, публичные сжигания ведьм, усмирительные акции войск СС, взрывы смертников-террористов, убийства объявленных «врагами демократии» жертв перед камерами, стремятся превзойти друг друга в жестокости.

Самообман

С расшифровкой биологических медиаторов, управляющих потоками ощущений, их действие стало имитируемым. Наши предки пользовались грибами, коноплей, листьями коки и алкоголем. Сегодня применяют целенаправленно ЛСД, транквилизаторы,

антидепрессанты. Таблетки снимают боль, страх и беспокойство. Разве жить без страха, усталости и боли не чудесно? - Нет!

При многих заболеваниях теряются ощущения боли. Результат ужасен: раны, травмы, ожоги и загнивание. Страх не менее важен, чем боль. Этими шпорами эволюция помогает телу найти безопасный путь. Их отсутствие несовместимо с жизнью.

Трепет

Стоящим вне опасностей с огнеметом в руке легко управлять запуганными, регулируя их пути к отступлению. Политики с давних времён прибегают к террору и шантажу, сами становясь опасностью. Не менее давними являются противоядия, развитые человечеством, чтобы избежать беды.

Противоядия страху

Смелость

– это способность продолжать свой путь посреди опасностей без оцепенения, паники и мыслей о бегстве. Знание своего призвания и тщетности альтернатив - большая помощь при этом.

Хладнокровие

плод тренировки, не зависимый от морали, уравнивающей страх отчаянием. Сволота тоже может быть хладнокровной. И даже трусость. Так загнанная в угол крыса прыгает в лицо нападающему, а солдаты бегут под огнём противника, избегая пуль военного трибунала. Хладнокровие не избавляет от страха. Оно заставляет действовать, приводя ещё худшие альтернативы. Малый шанс выжить всё же лучше, чем никакой.

В отличие от смелости и хладнокровия, *дерзость* ищет опасности. Можно ли любить опасность? Вряд ли. Однако лучшие грибы растут в зонах вокруг полигонов. Чем опаснее местность, тем безлюднее. Дерзость ищет не угроз, не страха, а выгоду, как мародёры на поле боя добычу.

То, что выдается за смелость или дерзость, не обязательно этим является.

Неосмотрительность

и неопытность тоже впечатляют показной уверенностью. Различие между смелостью и глупостью проявляется при опасности. Неспособность справиться с ситуацией расставляет выскочек и хвастунов по своим местам.

Правда обмана

Опасность, которую невозможно избежать, можно исказить. Боевым лошадям надевали шоры, людям рассказывают неправду. Наша жизнь сплошной обман, выставляющий на передний план праздничные украшения универмагов, добротность и чистоту увеселительных заведений. Скотобойни, палаты для умирающих, больницы и морги спрятаны за высокими стенами. Такие ухищрения помогают лишь частично, всё невозможно скрыть. Повседневность преподносит с достатком примеры болезней, аварий, банкротств, разборок, одиночеств и бедствий отдельных людей. Дело даже не в том, что «такое бывает», а в том, что удар только случайно не задел нас самих. Значит ли это, что человек вынужден жить в постоянном страхе?

Вовсе нет!

Религии, философии, идеологии ничего другого не делают, кроме как нащупывают выход из тупика противоречий. Некоторые их объяснения вычурны и непонятны. Люди, отбирая их, ищут не обман и не надуманную отговорку, а свободу действий, осознанности и целостности души. Так уж ли это неверно?

Самый важный урок эволюции гласит – жизнь бесконечна. Что бы не приключилось,

воля к продолжению найдет выход даже в тяжелейших условиях. «Буквы» мировоззрений лишь одевают эту неопровержимую истину в одежды, соответствующие особенностям и уровню знания тех времён.

Иллюзии отрешения

Будда, якобы, учил, что страдания происходят от желаний. Освободившийся не знает жажды, голода, холода, боли, горя, и ему не приходится страдать.

Тут кто-то что-то основательно не понял, а, может, Будда не додумал до конца.

У камня нет желаний. Да, камень не страдает, но он и не живет.

Жизнь – это и есть желание! Больше или меньше желанного означает больше или меньше жизни. Отказ от воли означает смерть.

Знак равенства между желанием, страданием и горем еще причудливее.

С чего бы уравнение?

Желание дарует прежде всего радость бытия! Да и страдания не обязательно приносят горе. Что плохо, а что хорошо решают не ощущения, а полнота сопряженной жизни.

Страдания и радости - это всего лишь отметки того, чем мы наполняем закрома судьбы.

Страх, боль и горе указывают на опасность, советуя держаться подальше от источника.

Да, иногда их наставления строги, но они делают это из любви, как мать, защищающая своё дитя. Если расстояние мало и сокращается, страдания неотступно возвращают нас к теме, приказывают отбросить самодовольство, продолжать поиски, пока будущее снова нам не откроется. В этой связи мы, возможно, испытываем слишком мало страха и забот, слишком тепло укутаны ватой самонадеянности и ленью.

Вы что, советуете вскармливать страх и страдания?

Нет. Беды явятся и так, без приглашения. Но коли гости в доме, не следует отворачиваться и делать вид, что место пусто, наоборот, следует внимательно приглядываться к ним. Страдания – это чистилища наших устремлений. Они раскрывают нам наши ошибки, позволяют отбросить балласт ненужного, лелеют желания бороться, расти, побеждать в обход опасностей и обстоятельств, устраняя страх и оцепенение, придавая жизни смысл.

Желать жить и найти для жизни решение - не одно и то же. Что если таковых нет вообще?

Неправда! Безысходности не бывает. Страх сигнализирует нам, что то, к чему мы до сих пор стремились, не может быть достигнуто так, как мы это намеревались до сих пор.

Поскольку каждая ситуация допускает осмысленные, направленные в будущее действия, безысходность вызвана нежеланием смены направления, упрямством, с которым мы пользуемся тупиком.

Надежда и безысходность

Нынешние познания не оставляют человечеству ни малейшей надежды спасения. Рано или поздно солнце выгорит, Земля остынет, став непригодной для жизни. Убежать невозможно. Для полёта в другие галактики требуется энергия, равная массе нашего Солнца. Придётся погасить одну звезду, чтобы добраться до следующей. Но если бы это и удалось, то обеспечило бы только несколько побег. У этих несчастных, запертых в темнице космического корабля, нет шансов пережить долголетнее путешествие. Прибудут, наверное, только их замороженные тела.

А ведь таких прогнозов много. Неужели все так безысходно грустно?

Надежда – это убеждение, что выход есть, даже если он не известен, а все факты говорят против. Ведь именно так до сих пор и было! Мог ли живущий собирательством абориген, избегающий пещерных медведей и мамонтов, представить себе каменные

топор и копьё и охоту на монстров? Мог ли охотник, рассаживающий вокруг стоянки растения, чтобы не согнуться с голода, предвосхитить плуг, колесо, порох, моторы, расщепление атома? Для всего этого не было ни идей, ни возможностей. Глядя в прошлое, можно не сомневаться в будущем, придёт время и из любой безнадежности найдётся выход.

Возможности непредвидимого

Какая польза от уверенности, заверений и надежд, если судьба действует, как ей заблагорассудится? Лошадь Чингисхана споткнулась о кроличью нору. С Чингисханом пала Монгольская Империя. То, что не смогли сделать противоборствующие армии, придворные интриги, кинжалы и яды, совершил маленький зверёк, и при этом совершенно ненамеренно.

К чему усилия, если дурацкая случайность может разрушить любой величайший план и это, в конечном итоге, действительно, делает? Ещё ни одно начинание не заканчивалось так, как предвиделось!

Да, мы не можем повлиять на то, что, где и когда нас настигнет. Однако то, что мы начнём и во что превратим произошедшее, зависит только от нас. Случайность вредит только тем, кто её исключает. Непредвиденное разрушает иллюзию контроля, вскрывает наши просчёты и недостатки, показывает, что за видимым скрывается грандиозное и побуждает нас его объять.

Может и несчастье со смертельным исходом тоже повод, несущий возможности?

Естественно! Мы слишком много значения придаем своему присутствию. Оно не критично.

Смерть в жизни

Что красит нашу жизнь и делает её ценной? Независимо от личных оценок, самое дорогое в человеческой жизни – это сокровища былых поколений: их опыт, мысли и навыки, предпочтения и мечты переданные и живущие в нас и с нами. Без них человеческая жизнь по-обезьяньи убога.

Неизбежность смерти навевает думы о смысле существования, требует исповеди собственных мотивов, и мы, впрямь, иногда обращаемся к ней. В целом - редко, неуклюже, часто - слишком поздно. Временами нужно, действительно, все потерять, отказаться от всякой надежды, а вместе с ней и от повседневных забот, а затем, несмотря на сопутствующие мрачные заверения, получить отсрочку, чтобы найти устои, собраться с духом и, избавившись от балласта, двинуться вперед.

Неизбежность побуждает людей действовать так, чтобы прерывание собственной жизни не причинило их делу никакого вреда. Скоротечность жизни – поверхностное умозаключение. Жизнь никогда не прекращается. Она время от времени делает перерыв и переключается на другие вещи. Впрочем, не только смерть прерывает нашу деятельность. Разве мы постоянно не разрываем нити собственных планов, а потом связываем их вместе различными способами, и неожиданно для себя? День за днем мы бросаем начатое, отворачиваемся, иногда забываем о созданном, потом снова находим и беремся за дело. При засыпании разрыв между до того и после ещё более жестче. Мы отходим полностью от всех забот и обязанностей. Выключаем восприятия и воспоминания, как будто нас нет. И нас, вправду, нет во время забвения. Боимся ли мы непроглядности сна? Нет! Мы жаждем свежести на рассвете.

Почему?

Потому что мы уверены в непреклонности продолжения. Опыт уверяет нас, всё вчерашнее никуда не денется и за пробуждением обязательно последует продолжение. Чем же смерть отличается от сна? Неизвестностью? О чем? Бренностью? Чего? Всё имевшее смысл будет жить, только ненужное преходяще.

Разве можно проснуться после смертельного сна?

Простите, но откуда мы взяли? Вначале была тьма. Мы вынырнули из неё, глотнули воздуха, открыли глаза, заорали, успокоившись, наострили уши, жадно впитывая мир и то полезное, что собрали наши предки о нем. Всё, что служит жизни, непременно будет снова найдено и продолжено. Жизнь означает стремление. Смерть, как и сон, его интермеццо. Оба приносят покой, не всегда желанный, но всегда освежающий и спасительный.

А как быть с непредвиденностью? Что если смерть застигнет вас за пять минут до завершения творения всей вашей жизни. Не лучше ли не предпринимать важного и великого, оставаясь при обозримом, но осуществимом?

А это поможет?

Несчастье и смерть никогда не раскрывают своих планов и не предупреждают нас, грозя пальцем. У них предостаточно возможностей нанести удар всегда и везде. Но и мы не подарок, не готовы и не позволим кому бы то ни было просто так разрушать создаваемое нашими усилиями. Рецепт против этого предельно прост. Живите так, чтобы уроненное вами другие могли поднять, подправить и понести далее, тогда все повороты судьбы станут ударами молота вашей воли.

А если смерть, в отличие от сна, покажет себя с омерзительной стороны, придя с мешком жутких инструментов пытки? Что, если человек не выдержит испытания?

Это не смерть бывает жестокой, а жизнь, исчерпанная, бессильная и не знающая, как дальше. Смерть не знает ни боли, ни позора – она избавляет от них. Все мы смертны. Для тех, кто уже завершил переход, все сопутствующие обстоятельства безвозвратно забыты, и совершенно не в счёт.

Старение

Легко храбриться, будучи полным молодости и здоровья. Что если твоё «Я» умрет до смерти? В зеркале маячит неизвестный тебе слабоумный старик, несущий глупости, разум скован, по большей мере спит, а просыпается только на минуты? Можно ли противостоять упадку сил, сообразительности, ослаблению зрения? Не только нужно, но и необходимо!

Очки, слуховые аппараты, памятные записки или блокнот не делают глаза, уши или память лучше. Они помогают лучше использовать то, что осталось.

Органы и функции тела имеют определённый срок службы, проверенный и обусловленный предыдущей эволюцией, и постепенно разрушаются. Для созидания и творчества не существует эволюционных ограничений, они ориентированы на будущее. Неизбежны ли потери? Да, но это не запрещает нам даже в потерях искать выгоду, сочетая и используя оставшееся так, что обычные ограничения теряют действие! Неважно, что у нас есть, важно, что мы с этим предпримем. Пока вы живы, двигайтесь вперёд: дерзая, творя, прокладывая дороги. Долгая, насыщенная, интересная жизнь - главная обязанность каждого человека.

ЧАСТЬ X

ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Человеку важно найти себя, определиться, кто он, откуда и где его дом. Не в виду разрозненности. Взаимоподдержка - основа жизни. Дело так же не в том, что не хватает партий и хартий, ратующих за жизнь человека. Наоборот, все современные общественные течения непрестанно бахвалятся приверженностью её интересам. А вот стремления осознано озвучить и разобраться, что к чему, не прослеживается. Словами «жизнь», «человек», как ранее «Бог» или «Творец», часто прикрывают призрачность содержания. Нас интересуют не броские фразы и лозунги, не предписания, якобы, «лучшей, справедливой или даже иной жизни», а, наоборот, очищение смысла жизни от навязанного ханжества, вывод стремлений из лабиринта сиюминутной выгоды.

Истоки

Жизнь – это борьба органического возрождения с разрушением. Бушующий океан энергии физического мира крушит все, что стоит на его пути. Только жизнь избегает крушения, обновляясь и уворачиваясь от смерти. Как бы жизнь не старалась, за любым броском в неизвестность подстерегает опасность. Жизнь минимизирует риски, дублирует достигнутое и предоставляет наследникам накопленный опыт. Множась, жизнь сглаживает отдельные неудачи. Потомки, хоть и вынуждены начинать жизненный цикл сначала, идут по проторённому пути, пользуясь записями их родителей. Многим хватает накопленного, другие сталкиваются с неожиданным и ищут новый подход. Одни ломаются на преградах, другие переваливают и добавляют найденные решения к сокровищнице изведенного. Индивидуальная жизнь складывается из рождения, созревания в стопах наследия, бесчисленных столкновений с неизведанным, маленьких и больших побед, знаменующих взросление, унаследования достигнутого, а также потерь, истощения, неудач и поражений.

Память

Память важна как для хранения содержания, так и для его наследования. Если бы жизнь тащила с собой все блага достигнутого, она бы не продвинулась далеко. Снежный ком полезного уже после нескольких шагов стал бы неподъемным и несдвигаемым. Но к чему брать с собой камни, разбросанные везде. Описания, как из глыб изготовить топор, вполне, достаточно. Опыт не обременяет. Жизнь расстаётся с пока не нужным в уверенности заполучить его по необходимости, и спешит налегке дальше.

Наиболее важные кладези памяти: геном (инструкции для индивидуального развития тела, закреплённые в последовательности нуклеотидов), культура (социальные, профессиональные и политические инструменты, традиции, здания, улицы, атмосфера, вода или кратко культурный ландшафт) и сознание (в символах возможного изложенные человеческие мысли).

Геном

обобщает содержание предшествовавшей эволюции вида. Первоначально эволюция была линейной от одного наследника к другому и тем противопоставленная всем родственным ответвлениям. Половое оплодотворение геномов расширило базу опыта на

всех представителей вида, но не далее.

Культура

Любая длительная жизнедеятельность постепенно меняет климат, состав атмосферы, воды и почвы планеты. Эти необратимые изменения обуславливают последующие шаги эволюции.

Культура действует схоже, но предвосхищая будущее. Она целенаправленно созидает условия человеческого развития, значительно ускоряя прогресс. Средства культурного воздействия не ограничены полом, возрастом и семьёй. Уже не отдельный половозрелый человек, а общность, окруженная своими защитными стенами, возделанными полями и рощами, с пасущимися животными и пронизанная дорогами с каналами составляет субъект развития и накопления опыта.

Культура хранит свои содержания в ритуалах и традициях. Совместные действия разных поколений на примерах показывают подрастающим, где, каким образом и что они должны для успеха делать.

Механизмы преемственности противопоставляют культуру всему остальному и приводят к противоборству. Это противоборство неизбежно, поскольку иначе предписания культуры, на которых она зиждется, станут необязательными для её участников и потеряют связующий и наставляющий смысл. Непримируемость иному обуславливает как силу, даруемую консолидацией культуры вокруг устоев, так и слабость культуры, чурающейся новаций. Культура, как и простое размножение, может расти и развиваться только, подминая под себя всё иное или выдавливая его из обозримого жизненного пространства. Скрещивание и зачатие нового происходит только в результате порабощения и войн.

Культура подняла человеческие возможности на недостижимый для биологических видов уровень, однако доказала свою неспособность к разумному взаимопроникновению. Сегодня невозможно себе представить свободного человека, отвергающего Аристотеля, Конфуция, Бэка, Марка Твена, Ницше, Достоевского, Бергсона только из несовпадения их и его собственной культурной идентичности. А ведь ещё недавно, да и сейчас кое-где, дело обстояло именно так. Свободен тот, кто может с чистой совестью сказать, – я уроженец голубой планеты, или просто Землянин. Место проживания, национальность, профессия, возраст и пол – интересные детали, но всего лишь как довески. Только сознание открывает доступ в этот круг всеобъемлющего.

СОЗНАНИЕ

Генетический язык одного вида не понятен другому, а содержание не переносимо. Развитие ограничено механизмом наследования на клон, при бесполом размножении, или на половозрелые особи при половом оплодотворении. Культура расширяет базу одновременно на всех её участников, независимо от пола, зрелости, возраста, занятия и даже места проживания. Сознание делает следующий шаг. Оно кодирует и передает смысл не в приказах генов, не в совместных делах общности, а в универсальном языке возможного, и делает его таким образом доступным любому, кто понимает язык. Как сознание записано, не так уж и важно. Шумерский язык переводится на аккадский, древнеегипетский, греческий, римский на язык компьютерных битов, а посему и на ещё неизвестный межгалактический. Универсальность перевода позволяет сознанию прикинуть в жизнь противоборствующих культур, и даже в ранее уникальный язык

генов. Смысл становится достоянием тех, кто готов его проверить на полезность, понять и обогатить. Индивидуум становится семенем, носителем и созидателем содержания в объеме, который он способен переварить, а общность, в своём индивидуальном разнообразии, гарантом всей совокупности изведенного. Мерилом сознания становится даруемая им правдивость, доступность, объем возможного, успех и возвышение над обстоятельствами. Ранее такие важные: происхождение, клановая, социальная, культурная принадлежность, блекнут.

Почему сознание, почему не мысль, не разум, не идея? Потому что СО-ЗНАНИЕ, в отличие от всего названного - это именно «СО (совместное) -ЗНАНИЕ», т.е. знание, заключенное не где-то в генах или извилинах мозга, а выраженное в общедоступной форме и выложенное на обозрение и обработку всем.

Доступность –

наиважнейшая сторона сознания. Для формирования генетического знания нужны миллиарды лет непрерывной эволюции. Для его уничтожения достаточно нескольких секунд. С каждой смертью отдельного существа до размножения обрывается эволюционный процесс одной из веточек роста. Знания, представленные культурой труднее искоренить, но и для их поддержания необходима критическая масса. Разрыв поколений лишает культуру корней. Войны, неурожаи, эпидемии выкорчевывают культуры без малейшей надежды на возрождение. Ценность осознанного знания заключается в том, что оно сохраняется, когда их создатели спят, впадают в слабоумие или, все как один, умирают. Смерть - не помеха для сознания пока его содержание записано и доступно. Как только тот, кому оно обращено, добирается до изложенного, осознанное оживает в процессе усвоения. Оно, как бы, просыпается и рвется к воплощению. Решающим является то, что именно сознание дает и может дать. Придурок потыкается в непонятных формулах и отвернется. Достойный растворится во вроде бы чужом, перевоплотив и воплотив далекую мысль в свои навыки и плоть.

Сопряжение стремлений человечества позволяет сознанию вырваться из пут индивидуальной жизни, расширив границы своей деятельности на всю обозреваемую историю человечества, шаг за шагом углубляясь в мироздание. Биология, молекулярная генетика, палеонтология, археология, лингвистика переводят на язык сознания давно минувшие повествования, вовсе не предусмотренные для них, читают следы и записи вымерших существ, видов и культур, раздвигая границы времени. Содержание генов смертельных вирусов или ритуалов каннибалов могут пугать и отталкивать по содержанию. Только от искателя зависит, что из найденного и как пойдет в ход.

Сознание обретает черты всеобщего разума, потенциально не ограниченного ничем, кроме достигнутых возможностей к воплощению, и перенимает роль движущей силы эволюции. Отрешиться от генов, культуры, биологии человека сознание не в силах.

Индексы, компьютеры, интернет и «искусственный интеллект» компенсируют слабости человеческого мозга, но заменить его они не могут, поскольку не в состоянии жить.

Человеческий разум современника слаб и ненадежен, разумная жизнь коротка и разделена перерывами сна и рождения. Сознание перебрасывает мосты через черные пропасти бессознательного, связывая возвышенности минутных просветлений сетью первоклассных дорог. Пробуждаясь после сна или при рождении, мы отправляемся по ним в путь, и в мгновение ока наверх стываем то, для чего нашим предкам потребовались тысячелетия.

Быстрая езда выявляет разницу между наверх стыванием и освоением. Читая указатели, мы не всегда задерживаемся на проскоченном. Принимаем названия за реальность.

Понимание включает представление о том, что *действительно* за названиями лежит. А это возможно только проверкой *действием*. При равной скорости движения понимающий в преимуществе перед несущимся; умеющий в преимуществе перед перечисляющим.

Пробуждение

Пробуждение начинается с последовательного соблюдения позывов тела, которые младенец, ребенок, подросток ещё не знали за собой, о значении которых они по неопытности не могут судить, а требования которых противоречат их предыдущему, хоть и ограниченному, но собственноручно проверенному жизненному опыту. Тут уговоры и размышления вредны. Телесность, культура или общественность навязывают новичку испытание для него неизвестного, но исторически оправданного. Инстинкт, ритуал, общественное мнение давят на новичка, сметая все сомнения и страхи. Послушание поощряется, а непокорность наказываются. Чем древнее, первозданнее и неопровержимее опыт, навязываемый новичку для его становления, тем ярче даруемые радости преуспеяния и строже наказания нерадивости. Строгость предписаний уменьшается с взрослением и последовательным переходом от генетических к поведенческим инстинктам, далее культурным, моральным, наконец, духовным предписаниям. Фундаментальность и косность возрастают в обратном порядке. Сознание еще допускает обсуждения и видоизменения; ритуал, а тем более, инстинкт делают это очень ограниченно. С приобретением собственного опыта, новичок уже может оценить его значение, он уже не боится применять его при схожих обстоятельствах. Школа жизни наглядно показывает ученику преимущество до него изведенного перед собственными шатаниями и приучает слепо полагаться на до сих пор безупречных наставников: свои гены, инстинкты, традиции, общественное мнение. Это заблуждение ему дорого обходится. При переходе от ученичества к самостоятельности слепое послушничество обертывается разочарованием и болезненной потерей иллюзий.

Учение ограничено отработанными примерами, исход которых предрешен. Неминуемый успех старательно исполненных упражнений не соответствует реальному положению дел. Разнообразность жизни безгранична. Стереотипность редко достигает ожидаемого. Взросление -, это шаг в неизведанное, для которого предыдущее всего лишь пример, а не гарант возможного. Чем далее выдвигание, тем важнее понимание. Унаследованное не теряет значения, но его применение без постоянного расширения, уточнения и улучшения приводит к удручающим последствиям. Внешне выглядит так, что послушание, до того только нахваливаемое и поощряемое, наказывается ходом вещей, а шаловство, ранее порицаемое, вдруг распрямляется, ищет и находит свой путь. Но это только кажется. Важно не баловство, а жажда самопретворения.

Не каждому дано переступить порог зрелости и познать радости праздника самовоплощения. Жизнь человеческая коротка. Многие стареют, оставаясь детками, не переросшими предписаний их генов и биологических инстинктов. Некоторые застревают на уровне культурных табу или остаются пленниками «общественного мнения». Их немощь и смерть показывают никчёмность потуг оставить реальность за порогом дома.

Скрепты взаимности

Жизни важны не отдельные свойства, размеры, качества и превосходства, а только

взаимодействие. Даже такое вроде бы примитивное существо как вирус, состоит из нескольких неоднородных компонентов, служащих разным целям, и действующее, как целое только благодаря строжайшей координации между собой. С другой стороны, если бегло взглянуть на общественную жизнь, единство трудно различимо. Все рыскают, ища личной выгоды, каждый думает о себе и пренебрегает чужими интересами, норовит оторвать кусочек побольше, будь что будет. Как может вообще возникнуть взаимность у существ, в чей основе лежит стремление самосохранения?

А чем собственно самосохранение мешает общему? Что сохраняет самосохранение?

Самосохранение-

это защита идентичности, всего того, что позволяет организму развиваться в соответствии с собственным генетическим, индивидуальным и социальным опытом и включает условия жизни, инструменты, добывающие пропитание, запасы на непредвиденные случаи, друзей, на которых можно положиться, и даже знания, позволяющие разобраться в окружающем и воплотить мечту. Тело - одно из условий и, как всё перечисленное, не сохраняется, а постоянно изменяется.

Чем дальше в эволюции и в каждом отдельном случае продвигается жизнь, тем многочисленнее и увесистее всё то, что необходимо для самостоятельного развития, но тем больше и возможностей необходимое обслужить. Соха, бесспорно, неприхотливее трактора, но с трактором можно пожнать несравненно больше. Самосохранение - это стремление расширить и сделать неуязвимыми предпосылки своего развития.

У примитивных существ, таких как вирус, стремление к самосохранению ограничено поддержкой преумножения вирусных генов и их обслуживающих белков. Бактерии заботятся о большем. Но всё это ничто по сравнению с задачами многоклеточного организма, координирующего сотни, тысячи и миллионы, как бы, вроде, самостоятельных клеток одного и того же тела. Каждый этап развития меняет его представления о себе, вместе с тем видоизменяются и растут требования «самосохранения». Эмбрион повторяет успехи эволюционной истории вида. Первые шаги направлены на обеспечение координации его отдельных клеток. На большее он не способен. По мере созревания до уровня малых детей, а позже подростков, происходит развитие телесных и умственных способностей, направленных на познание мира, осваивание культуры и сознания. Ничто не стоит на месте, ничто не сохраняется неизменным. Культура и сознание выводят человека за пределы его биологического предназначения, дают власть над пространством и временем, одновременно ставя задачу их обустройства. Конечно, запросы «самосохранения» при этом стремительно растут, но неизмеримо растут и возможности, реально предоставленные человеку силы и энергия, а также радости побед и достижений. Далеко не все из прошлых предпосылок самосохранения сохраняют значение, многое ребячество, например, эгоизм в своих бесчисленных проявлениях, выбрасывается, как ненужная обуза.

Застрявший на «низших» этапах развития не может даже представить что-то важнее телесных потуг, но и к обеспечению большего он не способен. Попытки навязать ему возвышенное обречены на провал и озлобленное сопротивление. Вирус, кроме как к инфицированию, ни на что не способен. Эгоист поглощён завистью, стяжательством и обманом. Они не могут иначе, но в их узколобии никому, кроме как себе и ещё более низкому, не в состоянии всерьёз навредить. Ну, борются они. Иногда побеждают. Выйти за границы предвидения им не дано. Мерение сил с себе-подобным их только связывает, поскольку серьёзного перевеса нет, а случайности изменчивы и не постоянны.

Умный уступает то, что ему не особенно важно или даже вовсе не впрок. Видения, открывающие новые возможности, делают спор лишним. Конечно, преимущество

должно быть реальным, что требует терпения, времени и трудов. Тем не менее, высшее не обрушивается на низшее, к чему расточительство, а, наоборот, часто берет его на поводок. Так люди каменного века приручили диких животных, опустошавших их огород.

Что толку меряться, у кого круче токсины, мышцы, зубы, стволы или машины. Бодание насилия - мера уровня зрелости контрагентов. Чем напряженнее, тем ниже уровень. Победа, это всегда победа лучших идей с наименьшей растратой сил. Силы важны не для противостояния, а для достижения.

Видение возбудителя не выходит за рамки инфекции. Раковая клетка не видит дальше забот её собственного деления. Их вредоносность - результат обстоятельств, которые они не обозревают и на которые не в силах повлиять. Сознание опирается на развитие восприятия и мышления, ищет помощи и ответов от живущих и живших когда-то людей. То, что оно при этом получает, превышает суммарные возможности всех существующих возбудителей, раковых клеток и хитроумных подонков, не видящих дальше своей непосредственной выгоды. Да, рак, инфекции и подонки могут серьезно нагадить, но только при благоприятных для них обстоятельствах, и пока разум не наденет намордник на них.

Самосохранение не поощряет подлость, оно вознаграждает по заслугам и отводит каждому достойное место.

Общность жизни

Ирригация, превращающая выжженную степь в плодородную землю, прокладывание путей к неизведанным странам и континентам, обращение грязи в керамику, камня в металл. Всё это не посылно отдельному и вполне подъёмно для всех. Хоть основой преобразований всегда является мысль, её воплощение нуждается в механизмах единения, не зависящих от конкретных личностей и целей.

Единоначалие

Un mauvais general vaut mieux que deux bons

(Один посредственный генерал лучше двух хороших).

Руководству важна однозначность. Самым древним и фундаментальным решением является передача управления одному единственному из геномов. При таком раскладе противоречивость приказов исключена. Принцип оправдал себя настолько, что жизнь от примитивных до высших организмов вне полового зачатия основывается на нём.

Первые общественные объединения также не чурались прибегать к нему, отдавая решения на откуп одному единственному геному выборного или наследственного начальника. Смена руководства при этом, как и в пчелином улье или муравейнике, сопровождалась физическим устранением всех претендентов, независимо от личных или родственных отношений, будь то ближайшие друзья, родители, сестра или брат.

Чем крупнее и сильнее геном-центричное объединение, тем дальше оно отбрасывает тень своих правителей, подминая под себя всё мало-мальски самостоятельное вокруг. Смена правителя неизбежно означает внутреннюю политическую, а затем, после консолидации, внешнюю завоевательную войну. Ведь к претендентам относятся не только внутриобщинные, но и руководители соседних общин. Взлет и падение империй Тамерлана, Александра Македонского, Цезаря, Наполеона, Гитлера демонстрируют принцип и возможности управления один-фюрер-геном на весь народ. Их фееричность обманчива. Преимущества управления ауканутся колоссальными недостатками выбора

направления. Ни один взгляд не может заменить совместного видения общества. Былое широкое распространение геном-центричных форм руководства создает впечатление, что цивилизованность - результат борьбы тщеславий за то, кто принимает решения, а кто должен им подчиняться. Это не так. Жизнь, переходя к новому, часто пользуется в прошлом отработанными рецептами, не по тому, что они адекватны, но чтобы не распылять силы и внимание на то, что можно с меньшей затратой ресурсов на первых порах достичь. Даже современные демократии сохранили типичные черты архаичного геном-центризма. В них, как и в монархиях, пирамида власти сужается до отдельных геномов президента, канцлера и генерального секретаря. Разница между прежними формами правления и современными демократиями заключается в способе получения «первого» голоса, продолжительности его действия и последствиях, с которыми нужно считаться при противлении. Важны и развитые министерства, суды, палаты и прочие исторически оправданные инструменты вокруг них. Выбор правильного направления постепенно отвоёвывал достойное место рядом с управлением. Как бы ни была важна однозначность для руководства, единственным решающим фактором является то, насколько хорошо оно служит интересам объединения. Важнейшими факторами здесь оказываются преимущества стратегически правильного видения и возможности его претворения.

Насилие

Разношерстный хор голосов, в котором все наперебой трещат, не слушая друг друга, не приносит единства. Поднятый для удара кулак вносит порядок в словоблудие. Еще неизвестно, насколько новый порядок хорош, но даже плохой порядок предпочтительнее беспорядку.

Творчество

подходит иначе. Чураясь бессмысленных потасовок, оно покидает скопления болтунов с драчунами в поисках нестандартных подходов, без лишних разговоров делает то, что считает правильным, увлекая людей наглядным примером и плодами своих творений.

Ответственность

Человек, доверяющий деньги банкиру, показывает, что не знает, как путно их применить и надеется на большее, передав управление. Прислуживающий другим, поступает так же в отношении собственных способностей и сил. Одни ведут, другие следуют, часто и то и другое одновременно: руководят там, где в себе уверены и следуют, где не хотят ничемно разбрасывать силы.

С берущего спрашивают. Неспособный рассчитаться вперед, перенимает обязанности. Обязанностям противостоят требования, регулируемые традициями, моралью и законами. Много участников обозначает много разношерстных требований, как это можно увидеть в любой компании с длительной традицией. Перенятие ответственности не всегда обогащение, а тяжелое бремя, требующее особых талантов.

Быть чем-то особенным или самонадеянным – не одно и то же. Ничтожность втискивается во всё уровни управления громко восхваляя себя. Достаточно одного неправильного человека на правильном месте, чтобы пустить объединение под откос. Поэтому каждое сообщество создает механизмы защиты и очистки от невежества и некомпетентности. Часто этому служит злоба.

Тянущий на себя, но не умеющий удержать и распорядиться властью должен считаться с возможным растерзанием: изгнанием, нищетой, каторгой, пыткой, наконец, гильотиной, и задуматься перед прыжком.

Страх перед оскалом власти удерживает надменность и самомнение, а вот обогатить содержание власти он не в силах. Тираны и их сторонники обезглавлены,

сочувствующие представляют собой жалкую картину. Выборы проводятся в соответствии с лучшими правилами, но избранники разобщены. Фракции грызутся между собой. Общепризнанного руководства нет и не предвидится. Безликие правительства меняются, лезут из кожи, но могут только наблюдать, как всё выходит из-под контроля. Откуда такие разброд и бесилие, хотя все рычаги приведены в действие, все законы изданы, а правила соблюдены?

Зрелость социальных институтов не может заменить стоящих перспектив, а также опыта и способностей их претворения. При отсутствии целей, реально продвигающих развитие большинства, оно распадается на отдельные группы, пытающиеся в одиночку найти выход из тупика. Для поисков и претворения целей нужна компетентность. Её усилению служат советы.

Советы –

старейшие из политических учреждений. Слово «совет» имеет много значений: наставление, обмен мнениями, слушания для определения разнообразия взглядов или совместное взвешивание решений. Общим является поиск решений и завоевание одобрения. Чем многочисленнее совет, тем труднее найти искомое. Поэтому немое большинство представлено в советах наиболее компетентным или кажущимся таким меньшинством.

Название совет(ы/ники) было наиболее частым во все времена и во всех странах, но приняло со временем множество родственных кличек и дополнений: обсуждение, консультация, собрание, встреча, семинар, консилиум, митинг, конференция, коллегия, сенат, съезд, конгресс, пленум, парламент. Каждое из этих учреждений подчёркивает свою исключительность и даже противоположность, что, собственно, и типично для мнений, проталкивающих себя впереди других.

Легитимность –

это оправдание вкладов в общность выгодами и ожиданиями от неё. Политик противостоит общине, как производитель покупателю. Для предпринимателя естественно бахвалиться, преувеличивать, лгать. Это не так уж страшно. Покупатель, приобретая и реально оценивая те или иные продукты, поощряет или наказывает производителя и таким образом осуществляет контроль.

Плюсы и минусы политики, также как и производства, определяются не красочностью риторики выступлений и резолюций и даже не результатами выборов (выборы, это всего лишь опросы, подтверждающие или опровергающие броскость рекламы), а поведением подопечных. Политика, соответствующая ожиданиям или даже превосходящая ожидания, вызывает энтузиазм и идентификацию, даже если свершившееся не было обещано в политических заявлениях. Люди реагируют так, будто у них открываются глаза, как будто исполняются невысказанные мысли и желания. С возгласом – «Я это давно знал, только не мог выразить» - люди бросаются в общественную жизнь, пытаются внести свою лепту. Этой своей совместной деятельностью они удерживают политику на плаву, а не голосами и бюллетенями.

Наоборот, последствия неудачной политики приводят к растущему безразличию, пассивности, не озвученному, а потому неконтролируемому сопротивлению. Люди чужаются политики, ищут дистанции или, наоборот, возмущаются, становятся агрессивными, лезут в драку. Механизм общественного управления, контроля и подавления перенапрягается, но достижений все меньше и меньше.

Но разве политика не может просто приказать следовать ей?

Ах, как бы ей хотелось этого!

Я хорошо помню собрания позднего Советского Союза 80-х годов: бесконечные речи ни о чем. Слова, слова, снова и снова слова, иногда перепалки. В заключение - пафосное голосование по вопросам, которые никого не интересуют, и пугающее молчание по темам, волнующим всех; растущее озлобление на нежелание видеть очевидное; неприкрытое безразличие и застой во всем. То же самое мы видим сегодня в США и ЕС, причем, на любом уровне. Тогда и сейчас, там и здесь результаты выборов были однозначными. К власти приходили «правильные». Постановления принимались «обещающие»; только легитимность у них была нулевой. Резолюции и законы штамповались, но, как и бессмысленно произведенные товары, оставались не запрошенными. Правительство растрачивало кредит доверия, погружаясь в немощную деменцию. Тем временем, люди по отдельности и группами расходились в поисках более правильного (выгодного) приложения своих сил.

Только где оно?

Считается, что правильное решение можно достичь большинством голосов. Трудно представить себе более глупое утверждение. Можно ли голосованием решить, куда вам лучше вкладывать деньги, где найти радость, призвание чем заниматься? А ведь именно об этих вопросах, а даже не о теоремах Ньютона, идет речь.

Толпа, шум и обилие навязчивых мнений только мешают. В споре рождается гипертония. Истине нужна тишина. Рейтинги компетенций, авторитетов и рангов тоже не в помощь, если они реально не могут предложить ничего путного.

С мыслями легче разобраться, сидя на лавочке в парке, болтая в озере ногами, глядя на удочку, гуляя по улице или в лесу, читая, сравнивая, мечтая, ища союзов и друзей.

НЕ ТО

*Вы строите общество,
где каждый или колёсико маховика,
или раздавлен им.
Нам не с вами!*

Взять и постановить!

Примеры всемогущества генов, инстинктов и государственных законов наводят на мысль, что их можно применять, независимо от содержания. Отберите здоровые гены, искорените порочные влечения, издайте правильные законы - и всё будет хорошо!!!

Так не бывает! Ген, инстинкт, закон – ничто, а смысл - всё. Смыслы можно найти, но не приказать - истине не нужны подачки, ну а глупость не спасут ни деньги, ни власть.

Если вытравить зло, добавится ли доброго? Оздоровится ли человечество, избавившись от больных и калек? Вырастет ли человеколюбие, истребившее корыстолюбие?

Не стоит заблуждаться. Социализм и капитализм, частная или государственная собственность - это подручные средства, неизбежные и несовершенные, как нынешнее сельское хозяйство и животноводство. Противопоставление личного и общественного неправомерно. Оба качества сосуществуют и успешно двигают эволюцию на протяжении миллиардов лет.

Право на частную собственность – это всего лишь один из механизмов роспуска и воссоздания объединений. Покидающий объединение уходит не с пустыми руками, он не вынужден всё начинать сначала. Он забирает с собой долю средств, выраженную деньгами, патентами или конкретными средствами: землей, машинами, зданиями. Эта

доля переходит в другой союз и сообщество, которые он основывает или к которым он присоединяется.

Объем и правила меняются в соответствии с веяниями времени. Утверждение правил дробления и новообразования союзов и объединений дает преимущество гибкости и живучести, позволяет людям осознаннее участвовать в сообществах и видоизменять их состав и направление.

То же относится и к «неприкосновенности» личности. Речь идет не о поощрении эгоизма и преступности. Прикрытие и защита личности от вмешательства большинства дают каждому возможность формировать беспристрастные взгляды, вступать в объединения по своему собственному выбору, по зову совести и велению сердца. По тому, как защищены частная собственность и личная сфера, можно судить о роли, которое отводит общество для образования союзов.

Частная собственность регулирует средства, частное право регулирует время и пространство, на которые человек может претендовать, покидая отдельные союзы. Терпимость (право) частного противодействуют бегству, насилию, лжи, как единственно оставшиеся возможности исхода. Они обеспечивают поток талантов между сообществами. Пренебрежение личным провоцирует двурушничество, коррупцию и интриганство.

При здоровом целеустремленном и динамически развивающемся государстве и общественных структурах нет раздора между частным и общественным, местным и общесоюзным. Возникающие противоречия своевременно и безболезненно поправимы. При застое развития всё диаметрально наоборот; при этом ни частное, ни государственное руководство, ни национализация, ни интернационализация ничего сами по себе не смогут изменить. Свобода и открытость, которые сопровождают формирование объединений и способствуют развитию личности, - важные предпосылки целеобнаружения, но не цель и не фетиш сами по себе. Правила частного важны только в контексте максимального расцвета общественного сознания. Любое правило легко превратить в противоположность, тупо следуя букве. Примеров тому громады: частное право на владение рабами, крестьянами, средствами производства и жизнеобеспечения, делающими сознательное участие и развитие общего недоступными для масс, да, впрочем, и для всех.

Рабство и тирания — это демократия для неимущего большинства.

Война дворцам

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови
— Господи, благослови!*

Как можно терпеть несправедливость? Безучастно смотреть на попираание человеческого достоинства и прав вместо деятельного участие в справедливой войне против угнетения и зла? Призыв, повседневно тревожащий человеческое общество с момента его становления, но до сих пор не ведущий никуда. Вопрос не в том, терпеть или не терпеть, а в том, как избежать.

Жизнь не совершенна. Полная изъянов, она импровизирует недостатками, пользуется примитивным для продвинутого, сочетает несовместимое в абсурдных для логического осмысления союзах и организациях. Независимо от нашего восприятия,

понимания и отношения к этим образованиям, каждый союз олицетворяет в себе синтез общего и индивидуального и выполняет определенные задачи для своих членов. Многие из задач и решений существующих объединений уникальны, исторически обусловлены, и уже более неповторимы. Их разгром делает необходимым подмену целей и смыслов, чуждую его членам и зачастую несущую им смерть. Каким бы омерзительным нам не казался чужой образ жизни, пока он самодостаточен и не агрессивен, нам не дано судить. А как же праведность и справедливость?

Вопрос чужд. Разве львы не охотятся на безобидных травоядных, чтобы выжить, а люди не режут свои одомашненные растения и животных? Всё существующее провизорно. И тем не менее, временное до прихода лучшего не перескочить. Эволюция отвела человеку роль паразита, хочет он того или не хочет. Но он её в корне видоизменил. Забирая жизнь только у тех животных и растений, которым он сперва эту жизнь подарил, человек выступает всё больше и больше не как нахлебник природы, а как творец, созидающий новый мир. Безусловно, в этом мире можно и должно очень много улучшить. Только кому в помощь отрицание фактов и их подмена судорожным акционизмом? Изгнать откормленных животных из хлева в неизвестность, предоставить орошенные поля и леса палящему солнцу и ветру, прекратить защищать заповедники, самоустраниться за чужой счёт – не лучшее решение ни для людей, ни для жизни земли. Эволюция не поощряет самоубийства, как бы оно себя ни называло.

Справедливость - это не каждому по желанию, а каждому по той роли, которую он готов перенять. Справедливо не делить и резать, не разобщать, а наоборот, видеть в каждом живом существе потенциального союзника и быть открытым к сотрудничеству во всём, где интересы совпадают. Рецепт прост. Товарищей приглашают, с ними делят заботы и успехи. Кто с мечом придёт - от меча и падет.

ОСНОВНОЙ ЗАКОН

*Власть исходит от народа,
Но куда она приходит
И откуда происходит,
До чего ж она доходит?*

Власть исходит от народа – прописная истина большинства конституций. Только это большинство понимают её совершенно не правильно. Власть не дается, как милость должностного лица холопам, хоть это им ох как хочется: не забирается, не завоёвывается или отстаивается народом - бейся, не бейся, борись, не борись, с кем или с чем. **Власть исходит из осознанного порыва человеческого сообщества к совершенству и растёт с реальным развитием его жизненных сил.**

Много места в конституциях уделяется определению высших органов - должностям президента, канцлера; федеральному, парламентскому совету, верховному суду; избирателям и гражданам в сетях обязанностей и требований. Деталей много, посыл один. Личность обязана подчиняться указаниям и ограничиться предписаниями указанных инстанций в приведенном порядке. С чего бы? Вопрос к органам служб безопасности: полиции, армии, слежки, и не только к ним.

Постараемся быть короче и четче: **Высший орган человечества – это осознание истины; только её инициативе принадлежит право отдавать приказы, а авторитету умения и познания координировать взаимодействие. Высшим судом над всем – возвышаются совесть и личная ответственность.**

Что это - общество без приказов, инструкций и средств принуждения, как у князя-аристократа Кропоткина или «народного» батьки Махно? Бей белых, пока не покраснеют, а красных, пока не побелеют; скатившиеся в склоку против всех и всего. Нет!

Вершинство сознания, умения, совести не наследуемы. Смена поколений возрождает невежество и биологическую предопределенность, путь от которой к сознанию тернист и далек. Не каждому суждено преуспеть на нем. Человечество же не может ждать, пока его члены дорастут, а обязано обеспечить работоспособность с тем, что есть в наличии. Органы, структуры, правила, описанные в конституциях, чрезвычайно важны уже потому, что противодействуют глупости и никчемности, одергивая и вразумляя недоучек силой закона и принуждения. Мудрость их уставов проверена долгой историей межчеловеческих отношений и обеспечивает преемственность там, где её прерывают неопытность, глупость и смерть. Нужно быть предельно осторожным и максимально почтительным при внесении каких-либо поправок в законы, освященные традициями существующих сообществ.

Тем не менее, ни закон, ни принуждение опытом прошлого не являются, да и не могут быть, высшей инстанцией для тех, кто осознал лучшее. Сознание строит и действует там, где ограниченность его творение не видит, а бездарность не может помешать. С самомнением все иначе. Оно выставляет себя шутком у всех на виду.

ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Утверждение

Превращение пустошей и пустынь в оазисы, разбросанные между Марианской впадиной и кольцами Сатурна, придвигающие к нам неизбежный бросок к звездам.

Поддержка всего живого

Ценной и неполноценной жизни не бывает. Всё живущее = итог миллиардов лет эволюции и уже тем самым достаточное доказательство того, что оно достойно жизни. Даже если существо уродливо, болеет и мучается, но всё же борется за жизнь, значит в нем что-то есть, чтобы противостоять напасти и преодолевать ограничения физического мира, а поэтому важное для остальных. Равенство – ничто; взаимодополняющие возможности и силы жизни - всё.

Но ведь таким образом мы множим лишения и страдания?

Потери - разменная монета стремлений, их следует уважать не меньше. Каждый волен сам решать, куда идти, когда и от чего отказаться. Отказ, зачастую, всего лишь решение оставить громоздкое, тяжелое, но незначительное, чтобы подняться еще выше. Не нам судить, что для каждого важнее. Жизнь вечна. Сон и смерть – это всего лишь перерывы сознания.

Совершенствование -

утончение чувств, развитие ловкости, выносливости, силы, поиски новых переживаний и опыта. Да чего ещё не скажешь в этой связи! Возможности совершенствования неисчерпаемы, границы необозримы. Вроде, после пяти миллиардов лет эволюции в наше тело можно мало что внести революционного, принципиально отличного от былого. Но вот приходит неизвестный из глуши, танцует на коньках, летает на лыжах, кувыркается на кольцах, оседлывает серфингом волны, парит в аэродинамической трубе и невиданным образом изменяет наше представление о том, на что наше тело способно.

Люди пишут картины, используя для этого, вместо красок, камни, ткани, растения и даже потоки воды, песка и ветра. Они перекраивают города и пейзажи и проникают в тайны мироздания, обнаруживая невероятное, как будто только для этого и созданы.

Человечество рождено не для того, чтобы сохранять и эксплуатировать доступное до упада, а чтобы превосходить и воплощать неизмеримо лучшее. Чтобы и на Марсе яблони цвели.

Взаимность

Не зная, за кем будущее, жизнь не ставит всё на одну карту и великодушно позволяет выскочкам забегать вперед, особенно, если речь идет о неизведанном. Самолюбие и эгоизм служат при этом, как бы глазами и щупальцами первоначальной нехватки знаний. Так жизнь направляет зло служить благим целям. Малые и большие Эго(измы) наускаивают друг на друга и вынуждают более слабого или равносильных искать от побоев даль. Противостояние расширяет область расселения, выталкивая одиночек за грани привычного. Поднимая безжизненную целину методом проб и ошибок, пионеры приспособляются к новым условиям, видоизменяя себя и окружение. Жизнь становится разнообразнее.

Эго полезно для разрастания открытых популяций. Как только границы расселения достигнуты и более расширению не поддаются, Эго превращается в удавку. Напряжение противостояния растет, но, не имея выхода, пожирает любой рост. В горниле взаимоуничтожения родились созидающие взаимность и любовь. Взаимность связывает дополняющее, позволяя сообществу выжить там, где одиночке не справиться. Взаимодополнение расширяет горизонты заселяемого. Это расширение - ещё не видение; эволюция ещё не сумела и не успела приобрести глаза, но уже своего рода предвкушение растущих возможностей и пробивной силы, всё дальше высовывающейся за край. Отныне эволюция заострена не на конкурентной борьбе за выживание, а на развитии дара предвкушения. Настырность, неприемлемость чужого, безудержная спешка обогнать соперников во что бы то ни стало, постепенно вытесняются терпеливой подготовкой условий, поиском напарников и в перспективе наивыгоднейших комбинаций и решений, нашедших свой апофеоз в развитии человеческого общества, языка и сознания. Совместное осмысление, то есть СО-ЗНАНИЕ человечества, становится глашатаем и выразителем всей земной жизни. Пока ещё неумело и неохотно, но уже неизбежно. Хочется ему или нет, а цель сознания – продвижение всего того, что служит взаимному оплодотворению на генетическом, культурном и социальном уровне. Человечество, чтобы соответствовать задачам сознания, должно **обеспечить максимальную открытость и доступность письменных, визуальных и звуковых свидетельств везде и для всех. Всё выраженное общечеловеческим языком является достижением человечества; свобода распространения и доступа к нему - наиважнейшая задача человечества. Язык творчества не признает авторских прав, привилегий сословий и национальностей.** Что бы ни произошло, слово «атом» останется греческим, «алхимия» – арабским, «спутник» – русским, «чип» – американским; они рождены человечеством и принадлежат всем.

Никакое мнение не может запрещать другому или подавлять другого, вместо этого оно должно подавать пример и доказывать свое собственное превосходство. В свою очередь, тех, кто стремится к знаниям и истине, нельзя лишать этого.

Ростовщики скупают хлеб во время нужды, придерживают его, взвинчивают цену и, благодаря этому, обогащаются. Ростовщик не ухаживал за полем, не создавал инструменты, не собирал, не хранил, не доставлял, не обрабатывал, не производил и не продавал зерно, а просто использовал голод других людей. Он сеял ненависть, которая

его и уничтожит. То же самое происходит и с содержанием. Содержание является хлебом насущным, воздухом для сознания. Только вот потребность в знаниях иначе, чем в хлебе, ненасытна и всегда велика. **Признание авторских прав, запрещающих «неавторизированное» распространение, допустимо только в том случае, если оно гарантирует более высокое качество и ограничено платными формами воспроизведения и распространения. Все осмысленное, безвозмездно воспроизводимое и распространяемое, ограничениям не подлежит. Законы препятствующие безвозмездному распространению осознанного, ничтожны, чем бы они не прикрывались, включая правила цитирования. Пусть каждый списывает и подписывает, что ему угодно, труды Шекспира только выигрывают от этого. Противящиеся этому, зацикливающиеся на их «личном вкладе», заслуживают того, на чем они настаивают – забвению.**

Созидание

Первопроходцы штурмуют дали, лежащие за горизонтом познанного, изобретатели проектируют для них инструменты и корабли, энциклопедисты объединяют разрозненные свидетельства, не выходя из комнаты и не заходя в мастерскую. наброски позволяют преемникам подготовиться и расширить радиус действия. Куда бы вы ни отправились: к чужим континентам, другим планетам или внутрь клетки, в ядро атома или земного шара, цель любой экспедиции - не собирание, новое невозможно втиснуть в рамки обычного, а созидание доселе небывалого поля деятельности. Созидание не просто описывает то, для чего в предыдущем не было слов, оно, прокладывая подходы, создает жизненные пространства, которых раньше не было. Человечеству, вместо бессмысленных подсиживаний и толкотни, открываются безграничные перспективы для совершенствования и роста. В этой бесконечности товарищество и взаимодействие получают абсолютное преимущество перед так любимыми в прошлом - вытеснением, порабощением и истреблением.

Созидание, поскольку речь идет о неизведанном, нельзя купить или приказать. Его можно только поддерживать, стимулируя человеческие способности и устраняя препятствия. Прошлое будущему не судья, а костер инквизиции. **Всё, не запрещенное, разрешено, позволение к поиску нового у самопровозглашенных комиссий по этике, хорошему тону или политической корректности претит званию человека. Эврика – высшее из его чувств и неотъемлемое из прав. Любое вмешательство в познание незаконно.**

Самостоятельность

Цели ложатся на плечи тех, кто их разделяет. Свобода образования союзов и движения между ними - краеугольный камень человеческой жизни.

При несоответствии деятельности союза с представлениями части или отдельных его членов, никакие препятствия не должны им мешать выйти и искать новых товарищей и союзы. Человечество должно гарантировать эту подвижность: защитой личных прав, материальной поддержкой в ходе поиска своего призвания, программами, направленными на продление длительности и продуктивности жизни, максимальным сокращением необходимого для личной независимости (еда, жилище, доступ к информации), наёмного, т.е. подневольного, труда, разрушение всех преград (дипломы, титулы, степени, свидетельства), препятствующих доступу к специальному образованию и вольноопределяющейся

профессиональной деятельности независимо от возраста и телесных качеств. Важно создание общества, в котором навыки и взаимно дополняющие свободные стремления, а не сертификаты, имеют значение.

Свобода

Свобода – это не право и не позволение, а объем реально возможного, достигнутого человечеством и каждым человеком в отдельности.

Чтобы быть свободным, важно не качество прав, а умение отделять зерна от плевел, не доверять предписаниям и уверениям, противоречащим истине; не соглашаться с утверждениями, не соответствующими целям жизни: не бояться неожиданностей и шантажа обстоятельств или чуждых посылов; не просить скидки у судьбы, а принимать любое событие, как есть, и использовать его в своих интересах, сколько хватит разума, сознания и сил.

Не верь уверениям, не подкрепленным делом; не бойся шантажа ни непредвиденного, ни злонамеренного, не проси поблажек = *Не верь, не бойся, не проси*

ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Творение, как и всё зарождающееся, уязвимо и нуждается в месте сосредоточения. Религии выдумали для этого слово дом (собор, приход, храм). Стоит ли человечеству искать иного имени для мест своего созидания, чем Дом человечества.

Дом человечества – это гнездо, детский сад, дворец пионеров, мастерская энтузиастов-новаторов, лаборатория учёных и мудрецов, горящих, вдохновленных, но ещё не родивших своих шедевров. В человечестве индивидуальные стремления к совершенству сходятся, переплетаются и оплодотворяют друг друга. Каждый творец здесь находит помощь, убежище для уединения и для общения с товарищами. Где расположить это пространство?

У Дома человечества нет прописки. Он там, где сознание празднует встречу единомыслия, поддерживая и поощряя творческий порыв. Со временем он обретет своими формами организации и сосредоточения средств. Какими в частности? К чему гадать. **Дом жизни уважает и использует все существующие, взаимодействуя там, где стремления совпадают с целью привлечь любое существующее сообщество к лучшему и развиваться вместе с ним. Задача свергнуть что-либо не стоит.**

ЛЮДИ БУДУЩЕГО

Сознание бросает в каждого из нас семя мирозидателя. В одних - стремление улучшить мир взойдет и вырастет до желания украсить свой сад, квартиру, дом; в других - разожжёт страсть градо- или ракетостроителя. Зачатки и ростки можно найти, как у бомжа, так и у президента. Каждому свойственно мечтать о лучшем мире и думать, как исправить сегодняшний.

Каковы желания, таковы и рецепты. Кто сам не может, пытается навязать «лучшее» другим. Ради идеалов счастья, равенства, свободы, здоровой среды обитания и работы люди готовы бороться и страдать, а также принуждать безразличных, наказывать неисправимых, казнить противоборствующих. Не жизнь, а жертвы свои или чужие, освящали и освещают возвышенность их целей. Человечество перепробовало для этого много броских схем и фраз. Жертвы на одной стороне вели к мести, закручиваясь в

торнадо смерти. Виновными были всегда другие, почему-то не желающие в рай. Всегда был и иной подход, не менее интуитивный, порою совершенно не осознанный. Там тоже мечтали, ожидали и создавали новый светлый мир, но делали это не чужими, а своими руками. Давайте помечтаем с этими создателями и начнем с того, каким мы видим этого будущего человека.

Должен ли он быть менее прихотливым, законопослушным, серьезным, осмотрительным, довольным плодами распределителей межлюдских благ? Господи избави! Наши цели совершенно противоположны. **Мы стремимся к человеку, живущему не 5-10 десятилетий, а столетия и тысячелетия; человеку, распоряжающемуся не какими-то там тысячами мегаватт, а триллионами и более мегаватт энергии; человеку, чья жизнь и работа совершается не в заперти десятков метров жилища или бюро, а в бесконечных далях мироздания без каких либо ограничений, иных, чем его собственная целеустремленность.** Для достижения этих целей бессмысленны насилие и принуждение, уговоры, постановления, Гиммлеровское выращивание рас. **Для этих целей каждый должен начинать с себя, дерзая, достигая, доказывая и показывая, как лучше, дольше, свободнее и полнее жить.** Купить такое невозможно. Свои или чужие жертвы не улучшат доли. Альтернативы самосовершенствованию нет. Кто с пеною у рта доказывает правоту и первенство чужого, ничего не представляя, ворует только и без того драгоценное время.

Звезда пленительного счастья

Дом человечества - неплохое имя для движения, о котором речь.

Но каким символом выразить его? Символы не обязательны и всё же важны; да и сегодня без символа не оформить интернет-страницу. Примем пока звезду, сияющую над пятиугольным контуром дома, за символ. Всё же человечество - наш общий дом, а звезды заветная цель. Несмотря на все ещё подчеркиваемые различия и раздуваемую непримиримость, мы все ходим под звездами и одинаково далеки от них. Звезды украшают флаги США, ЕС, Коммун и полумесяца. Но нам звезда желанна не для украшения, а как маяк надежды, цели и пути.

Цвет звезды пусть выбирает каждый в зависимости от языка, традиций и страны: черный, как бесконечность ночного неба, красный, как предвосхищение рассвета, желтый, как солнце, синий, как океан, белый, как Млечный Путь, зеленый, как жизнь. Все цвета прекрасны.

Гори, гори наша звезда – мы на пути к тебе!